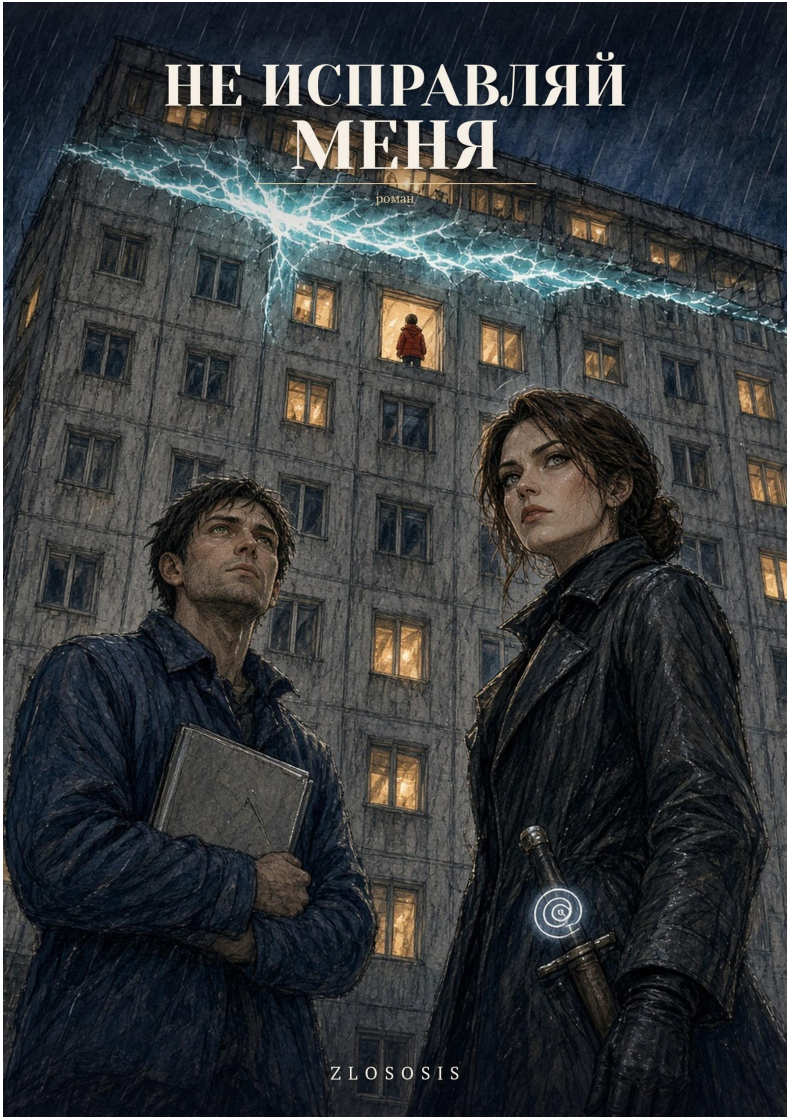
НЕ ИСПРАВЛЯЙ МЕНЯ

роман



ZLOSOSIS

ZLO SOSIS
Не исправляй меня

https://litres.ru/74834264
SelfPub; 2026

Аннотация

В Северине реальность даёт течь. Девятиэтажный дом отращивает десятый этаж, мёртвые выходят на смену, а под катастрофой уже стоит чужая подпись.

Кирилл Ардин — оценщик Службы непрерывности. Он отличает трещину в стене от трещины в мироздании и сдаёт акт, пока город не успел забыть, что случилось. За конец света здесь доплачивают шестьсот рублей. Если доживёшь до конца смены.

Когда ошибку мира нельзя исправить, счёт всё равно кому-то выставляют. Пятнадцать иллюстрированных глав о городе, который помнит завтрашний день.

Содержание

Не исправляй меня	4
Глава первая	5
Глава вторая	44
Глава третья	88
Глава четвёртая	145
Глава пятая	209
Конец ознакомительного фрагмента.	237

ZLO SOSIS
Не исправляй меня

Не исправляй меня

роман

ZLO SOSIS

Когда мир ошибается, кто-то платит за исправление.

Глава первая
Этаж, которого нет

#

Дом на Мельничной улице имел девять этажей. Десятый появился в 02:17 и первым делом вызвал полицию.

— Соседи снизу шумят, — сообщил дежурному женский голос. — Пусть прекратят сверлить. У нас, между прочим, похороны.

Дежурный проверил адрес, открыл строительный реестр и предложил женщине спуститься на этаж, которого не существует, — к психиатру. Через четыре минуты голос перезвонил. На этот раз он был мужским.

— Мы спустились, — сказал мужчина. — Теперь у них похороны.

После этого связь оборвалась.

В 02:46 меня выдернули из постели и отправили составлять акт.

Это многое говорило о моём положении в Службе непрерывности. Если во время ночной аномалии начальство вызывало инспектора, техника и вооружённую группу — значит, ситуация серьёзная. Если вместе с ними вызывали оценщи-

ка ущерба — значит, платить за последствия никто не собирался.

Меня звали Кирилл Ардин. Двадцать девять лет, два кредита, диплом инженера-строителя и редкая профессиональная способность: я умел отличать трещину в стене от трещины в мироздании. За первую полагалась компенсация жильцам, за вторую — доплата мне в размере шестисот рублей. При условии, что я доживу до конца смены и правильно заполню форму.

— Опоздал на сорок секунд, — сказала Марта Бехтерева, когда я выбрался из служебного фургона.

— Прибавьте к ним двадцать девять лет. Будет честнее.

Марта не улыбнулась. Впрочем, она редко улыбалась при исполнении. Ей было тридцать три, она руководила выездной группой и носила на поясе короткую дубинку с белой спиралью на рукоятке. Её лицо выглядело так, будто кто-то однажды предложил ей верить в лучшее, а она попросила показать документы.

— Маска, — приказала она.

— В машине осталась.

— Тогда завещание.

Я вернулся за маской.

Возле подъезда копошился наш техник Фима Логинов. Он располагал таким количеством приборов, что мог бы обнаружить конец света за сутки до его наступления. Правда, зарядку для фонаря он забывал регулярно.

Фима держал складную металлическую линейку поперёк входа. Линейка дрожала, словно её подставили под работающий мотор.

— Шов шириной в шесть миллиметров, — сказал он. — А по ощущениям — все сорок лет. Красота.

— Что значит «сорок лет»?

— Если объясню, ты попросишь надбавку.

— Я и без объяснений попрошу.

Фима посмотрел на верхние окна дома. Там, где должна была быть тёмная крыша, горел ряд прямоугольников: один, два, три, четыре. Свет в них то включался, то гас, не попадая в ритм друг с другом. На фасаде десятый этаж смотрелся не как надстройка. Скорее как ошибочно проявленная часть старой фотографии.

В восемнадцать лет я узнал, что человеческая память ненадёжна. В двадцать три поступил в Службу непрерывности и обнаружил, что ненадёжна ещё и архитектура. С тех пор при виде невозможного мне хотелось не молиться, а измерить длину, ширину и расход бетона.

Небольшие сбои случались по всему Северину. В одной квартире три дня подряд шёл снег из крана. На вокзале появились часы, показывавшие завтрашнее утро. В старом ресторане каждую пятницу обнаруживался лишний посетитель, и все официанты уверяли, что он уже расплатился. Такие случаи называли припусками. Они раздражали, пугали, иногда убивали. И всё же большинство горожан относилось к

ним примерно как к коммунальным авариям: пока проблема не у тебя на кухне, можно ругать управляющую компанию.

Но когда здание само достраивало себе этаж, присылали Марту.

— Кто внутри? — спросил я.

— По данным реестра, сорок восемь жильцов. По камерам — сорок девять. По полиции — сорок семь. А вот сколько выйдет, посчитаем после.

— Оптимистично.

— Не заражай меня.

Марта протянула планшет. На нём был обычный план: девять жилых этажей, техподполье, крыша, один лифт. У десятого этажа не имелось ни перекрытия, ни лестницы, ни законного основания занимать пространство.

— Мы идём наверх, подтверждаем природу припуска, выводим людей и закрываем контур, — сказала Марта. — Кирилл, никаких самодеятельных обследований. Фима, зашитаешь лестничный шов. В девять тридцать у меня суд по делу о несуществующем гараже. Желательно успеть.

— Суд ведь тоже не существует? — уточнил я.

— Судья существует. Этого достаточно.

В 02:59 мы вошли в подъезд.

#

Внутри пахло мокрыми перчатками, краской и варёной

гречкой — как в любом доме, где жильцы научились не замечать друг друга. Лампочка над почтовыми ящиками мигала. На полу лежал коврик с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», причём слово «ПОЖАЛОВАТЬ» кто-то вытер до состояния «ПОЖАЛЕЙТЕ».

— Дурной знак, — заметил Фима.

— Коврик? — спросил я.

— Гречка. Её всегда готовят перед катастрофой.

— Ты путаешь катастрофу с вторником.

Мы прошли мимо запечатанного лифта. На панели светились кнопки от первого до девятого, а ниже — узкая щель с мигающим красным огоньком. Я присел. В щели была новая кнопка: маленькая, из жёлтого пластика, с цифрой 10.

Она выглядела старой.

— Странно, — сказал я. — Пластик потёрт, будто кнопку нажимали много лет. А вокруг ни царапины.

Фима поднёс линейку. Железо жалобно пискнуло.

— Не трогай. Шов свежий, а кнопка — нет. Так не бывает.

— Ты работаешь не в том ведомстве, чтобы говорить «так не бывает».

Марта уже поднималась по лестнице. Я успел сделать две фотографии, прежде чем она рявкнула сверху:

— Ардин, если собрались жениться на кнопке, предупреди заранее! Будем искать замену.

Мы поднимались пешком. На втором этаже дверной глазок квартиры семь медленно повернулся вслед за нами. На

четвёртом кто-то за стеной раз за разом произносил «раз, два, три», будто учил ребёнка считать. На шестом этаже под лестницей стоял детский велосипед без переднего колеса. Его звонок тихонько позванивал, хотя вокруг не было сквозняка.

Это не считалось опасными признаками. По крайней мере, в памятке Службы непрерывности опасными признаками значились только четыре вещи: чужой голос из собственного рта, вода, падающая вверх, двери без ручек и дети, которые спрашивают о дате вашей смерти. С последним пунктом я особенно не соглашался. Моя племянница в четыре года спрашивала подобное у всех гостей, и никто не предложил её изолировать.

На девятом этаже лестница закончилась бетонной стеной.

— Вот, — сказал Фима. — Девятиэтажка. Нормальная, законопослушная. Мне бы такую невесту.

Из-за стены донёсся звук каблуков.

Не сверху. Изнутри бетона.

Марта подняла дубинку. Белая спираль на рукоятке засветилась, вдоль стыка между стеной и потолком побежали тонкие полосы инея.

— Не смотреть прямо на шов, — предупредила она. — Глаза потом долго возвращаются.

Я послушно уставился себе под ноги. И увидел, что мелкая щебёнка у стены катится вверх по ступеням. Камешки собирались в один плотный валик и утекали в щель между

плитами.

Сначала послышалось щёлканье, словно кто-то отстёгивал десятки молний. Затем стена отодвинулась.

За ней продолжалась лестница.

Не выросла из бетона. Не появилась со вспышкой. Она просто стала очевидной — так, будто мы всё время стояли перед ступенями, а до этого из упрямства отказывались их замечать.

Фима тяжело выдохнул.

— Терпеть не могу, когда реальность ведёт себя как менеджер по продажам.

— Почему? — спросил я.

— Убеждает, что лишнее тебе жизненно необходимо.

Мы поднялись ещё на один пролёт.



На стене висела эмалированная табличка: «10 этаж». Под ней чьей-то рукой было приписано: «Не стучите. Они уже знают».

Марта остановилась.

— Маски надеть плотнее. Радиосвязь каждые тридцать секунд. Ничего не брать из квартир. Если встретите знакомого, которого здесь быть не должно, не называйте его по имени.

— А если это начальник? — уточнил Фима.

— Особенно начальника.

Я поглядел на часы: 03:07.

Тогда время в первый раз пошло неправильно.

Секундная стрелка на часах Марты перескочила вперёд на четыре деления. Мои остановились. На телефоне Фимы стало 03:05.

— Хронологический перекос, — сказал он. — Слабый. Пока.

На площадке десятого этажа стояли три двери. Слева — квартира 91, справа — 92. Посередине — третья, с номером 0.

Я достал планшет и увеличил план. От левой стены до правой было восемь метров. Две квартиры и лестничная площадка поместились бы здесь вплотную. Для третьей двери места не оставалось.

— Квартиры ноль не существует, — произнёс я, глядя на экран.

Из-за двери кто-то вежливо постучал.

Три раза.

— Спасибо за уточнение, — сказала Марта.

На пороге девяносто первой стоял пожилой мужчина в домашнем халате. Он держал кошку, у которой шевелилась только одна половина морды.

— Наконец-то, — проворчал мужчина. — Я уже дважды обращался в диспетчерскую. Они в нулевой квартире опять двигают мебель.

— Фамилия, имя, год рождения? — спросила Марта.

— Меркулов, Анатолий Петрович, тысяча девятьсот пять-

десят восьмой. Что, не похож?

— Проживаете здесь давно?

— С сорок второго года.

Фима открыл рот, но я незаметно толкнул его локтем.

— Сорок второго какого века? — спросил я.

Старик посмотрел на меня с глубоким сочувствием.

— Молодой человек, вы так говорите, будто у вас их много.

Кошка повернула к нам здоровую половину морды. Её вторую половину занимало нечто серое, плоское, похожее на слипшиеся листы бумаги. Изнутри доносился шорох перелистываемых страниц.

Марта мягко нажала мне на плечо: не двигаться.

— Анатолий Петрович, — сказала она. — Мы поговорим с соседями. Вернитесь домой. И, пожалуйста, не открывайте дверь, пока не услышите наш голос.

— А они знают ваш голос? — спросил старик.

У меня по спине прошёл неприятный холод.

— Кто? — уточнила Марта.

— Соседи. Из нулевой. Вчера спрашивали, не появлялись ли вы.

— Вчера десятый этаж уже был? — спросил я.

Мужчина нахмурился.

— Да вы издеваетесь? Он всегда был. Просто его сегодня впервые не стало.

Дверь захлопнулась раньше, чем мы успели что-либо ска-

зать.

Три секунды спустя из квартиры донеслось громкое мяуканье. А затем — очень тихий человеческий смех.

#

У нас в ведомстве существовало негласное правило: если явление кажется безобидным, сначала проверь, сколько человек умерло, пытаясь его погладить.

Поэтому Марта не стала стучать в квартиру девяносто один. Она достала маленький латунный диск, приложила его к стене и повернула.

Диск покрылся инеем. На нём проступило число 4.

— Четыре источника, — произнесла Марта. — По одному на каждую дверь, и один в лестничном шве.

— А кошка? — спросил я.

— Кошка не источник.

— Хорошо.

— Кошка — свидетель.

— Не очень хорошо.

Фима достал из сумки коробочку с красным тумблером. Она походила на старый радиоприёмник, который ребёнок собрал из деталей пожарной сигнализации.

— Нулевую закрыть смогу. Минуты на две. Если повезёт — на три. Но сначала хочу знать, что там.

Марта кивнула на меня:

— Ардин, измерь стену.

Я присел, протянул рулетку по полу — от края девяносто первой двери до нулевой, от нулевой до девяносто второй. Восемь метров по-прежнему не превращались в десять. Но рулетка утверждала, что между двумя первыми дверями помещается пять метров, а между следующими — ещё пять.

— Мы стоим в пространстве шире самого себя, — сказал я. — Три варианта: внутренняя складка, зеркальная надстройка или чужой чертёж.

— Насколько опасен третий? — спросила Марта.

— Если чертёж не согласован, мы сейчас находимся внутри уголовного дела.

Фима усмехнулся.

И тут из нулевой квартиры раздался детский голос:

— Дяденьки, можно уже? Мама говорила, нельзя выходить, пока вас четверо.

Мы замолчали.

— Нас трое, — сказала Марта.

— Нет, — возразила девочка. — Вас четверо. Просто последний ещё не пришёл.

Я почувствовал странный зуд под кожей на запястьях. Будто там лежали тонкие бумажные полоски и их медленно вытаскивали наружу.

— Назови своё имя, — потребовала Марта.

— Лика.

— Сколько тебе лет, Лика?

— Сегодня десять. Вчера было одиннадцать. Это считается?

Марта подняла три пальца: стандартный приказ готовиться к контакту. Фима положил руку на тумблер. Я попытался вспомнить, где в моём списке происшествий значатся дети, которые молодеют на день. Не вспомнил — и это вдруг напугало больше двери.

— Ты одна? — спросила Марта.

— Сейчас да. Мама ушла на похороны и велела не открывать никому из будущего.

— А кто мы?

Девочка помолчала.

— Пока ещё настоящие.

За стеной скрипнули половицы. Раздалось несколько тяжёлых шагов, затем ещё несколько, в точности повторивших первые — с опозданием в долю секунды. Как эхо, которое догоняет не голос, а человека.

Фима поднял два пальца и шепнул:

— Сигнал второй природы. Там кто-то копирует движение. Если войдёт в наш темп, уже не отличим.

Я заметил на стене у самой двери с номером ноль тонкую линию. Сначала принял её за царапину. Потом понял, что это текст, выцарапанный внутри штукатурки, словно буквы проступали сквозь кожу стены.

«НЕ ВЕРЬТЕ ТОТ, КОТОРЫЙ СТОИТ СЗАДИ».

Грамматическая ошибка резанула глаз. Я машинально пе-

речитал надпись.

— Марта, — сказал я, — кто сейчас за нами?

— Никто.

За спиной кто-то вежливо кашлянул.

Мы обернулись одновременно.

На площадке стоял четвёртый человек.

Он был одет в серый форменный плащ Службы непрерывности и держал в руках такую же папку для актов, как моя. Лицо скрывала медицинская маска. Слева на груди светился значок допуска — шестая категория.

На его бейджике было написано: «Кирилл Ардин».

— Простите, — произнёс незнакомец моим голосом. — Лифт задержался.

Я видел многое. Стены, из которых росли деревья. Двух одинаковых котов, споривших за единственную тень. Комнату, где раз в неделю возникала свадьба людей, умерших сто лет назад. Но встреча с самим собой всё равно оказалась унизительно банальной.

— Ты выглядишь лучше, чем я, — сказал я.

Двойник наклонил голову.

— Ты пока не видел моего лица.

Марта ударила первой.

Её дубинка с треском рассекла воздух. Белая спираль вспыхнула, и на миг коридор наполнился запахом озона. Двойник не увернулся. Он просто оказался в другом положении — как будто кто-то пропустил кадр между движениями.

Дубинка ударила его по плечу.

Слишком поздно.

За долю секунды до удара на плече уже проступила вмятина.

— Он идёт впереди собственных действий! — выкрикнул Фима.

— Тогда ударь его вчера! — огрызнулась Марта.

Двойник повернулся ко мне. Там, где у нормального человека были бы глаза, в прорези над маской зияла ровная серость. Как матовая сторона зеркала.

— Вы пришли раньше времени, — сообщил он. — Приносим извинения за неудобства.

Он протянул мне мою же папку.

На обложке стоял синий штамп: «АКТ О ЗАКРЫТИИ. ПОДПИСАНО ЗАЯВИТЕЛЕМ».

— Я ничего не подписывал, — ответил я.

— Ещё нет.

И дверь квартиры ноль распахнулась.

#

Из квартиры пахнуло свежим хлебом.

На секунду мне даже захотелось войти. Это было самое страшное: запах напомнил кухню бабушки, воскресное утро, сковородку с маслом и время, когда любое непонятное явление можно было объяснить тем, что взрослые знают боль-

ше. В Службе непрерывности нас учили: если припуск пахнет чем-то, что вы любили в детстве, немедленно задержите дыхание. Память — самый дешёвый способ заманить человека туда, где у него нет будущего.

Марта схватила меня за воротник и швырнула на пол.

Что-то тяжёлое прошло над головой и врезалось в стену. Я увидел в штукатурке ровную круглую дыру диаметром в ладонь. Через неё светилась наша лестница, но почему-то с другой стороны.

— Внутрь! — крикнула Марта.

— Мы же собирались закрыть дверь!

— План изменился!

— Согласуй!

Она пнула меня в квартиру, и я, как человек с инженерным образованием, профессионально покатился по паркету.

Фима влетел следом. Марта последней пересекла порог, ударила дубинкой по косяку, и вокруг двери вспыхнули тонкие белые нити. На секунду её проём стал похож на размокший лист бумаги, прижатый к стеклу.

Тут же снаружи раздался мой голос:

— Неправомерное проникновение в помещение. Напоминаем: все расходы ложатся на заявителя.

— Слышу эту фразу чаще, чем «доброе утро», — выдохнул я.

— И не в последний раз, — мрачно сказала Марта.

Мы оказались в просторной квартире, которой не могло

быть. Через прихожую тянулся ковёр, на стенах висели семейные фотографии, где лица людей заменяли белые пятна. В большой комнате горел торшер. На обеденном столе стояли четыре чашки, четыре тарелки и четыре аккуратно сложенные салфетки.

У окна сидела девочка в красном пуховике.



На вид — лет десяти. На коленях у неё лежала сумка с продуктами. В пластиковом пакете перекатывалась бутылка молока. Сквозь прозрачную этикетку я разглядел дату производства: пятнадцатое ноября.

Сегодня было двенадцатое.

Девочка смотрела не на нас, а на дверь.

— Я же просила не приходить вчетвером, — сказала она. — Из-за этого всё раньше началось.

Марта опустилась перед ней на одно колено.

— Лика, посмотри на меня. Кто твоя мама? Где она?

— Сегодня она ещё внизу. Но не надо за ней ходить. После лестницы она всегда становится другой.

Фима уже устанавливал возле косяка свой красный прибор. Из коробочки торчал короткий штырь с нарезкой. Он вкрутил его в пол, и паркет пошёл волнами.

— Держу, — сообщил он. — Две минуты, если это обычный шов. Если не обычный — прости, Марта, за долги на моё имя.

— Сначала доживи, потом поговорим о банках.

Я тем временем разглядывал стол.

Четыре чашки. Нас было трое и девочка. Но место у окна стояло пустым, а перед Ликой не было ничего. На одной из салфеток аккуратным почерком написали моё имя.

Я вытащил телефон. Камера отказалась фокусироваться, хотя от объектива до стола было меньше метра.

— Марта, здесь накрыто на нас. Кто-то точно знал, что мы

придём.

— Это очевидно, Ардин.

— Не совсем. Одна тарелка грязная.

Я показал на крошки хлеба и узкий след от ножа.

— То есть кто-то успел поесть за моим местом до того, как я сюда вошёл. И это не двойник: он был в коридоре.

— Почему не он?

— Потому что хлеба здесь нет, а крошки свежие.

Марта посмотрела на меня.

— Объясни нормально.

— Кто-то уже заходил сюда в одной версии событий. Заходил раньше нас. И, судя по салфетке, это был я.

Лика наконец подняла глаза.

— Вы в прошлый раз съели весь хлеб, — сказала она. — Я не обиделась. Просто мне потом три дня казалось, что я голодная.

— В какой ещё прошлый раз?

— В тот, который не оставили.

За дверью заскребли ногти. Медленно. Методично. Сверху вниз.

Нити на косяке подёрнулись.

— Лика, — осторожно начал я, — ты помнишь, как попала сюда?

— С мамой. Мы ехали домой. Потом остановился автобус, и все люди в нём вдруг стали вспоминать чужие дни. Водитель заплакал, потому что понял, что убил свою собаку ещё

до рождения. Мама взяла меня за руку и сказала не смотреть в окна. А потом автобус приехал к нам домой, хотя мы живём совсем в другом районе.

Она произнесла это так буднично, словно жаловалась на неудобную пересадку.

— Когда это было? — спросила Марта.

— Три дня назад. Или через три дня. Я не успела записать.

Из кухни раздался металлический стук.

Все трое взрослых обернулись.

На плите стояла кастрюля. Под ней не было огня, но крышка подрагивала, словно внутри кипела вода. Когда Фима направил на неё фонарь, крышка приподнялась, и из-под неё высунулась рука.

Совсем маленькая. Детская. С обручальным кольцом.

Марта выстрелила из короткого пистолета прежде, чем я успел осознать, что вижу. Пуля расколола металлическую ручку. Крышка отлетела, кастрюля опрокинулась.

Из неё хлынули не вода и не кровь.

Чёрные бумажные полосы.

Они струились по полу, расправлялись и прилипали к ножкам мебели. На каждой что-то было напечатано. Одно и то же слово: «СОГЛАСОВАНО».

— Переписчик, — сказала Марта. — Фима, ускорь запайку.

— Я ускорю, но это будет уже не запайка, а самосожжение!

Он ударил по красному тумблеру.

В коридоре за дверью что-то завизжало, и нити на косяке вспыхнули ярче. Девочка закрыла уши.

— Не называйте его переписчиком! — закричала она. — Он тогда думает, что ему разрешили!

Странный звук оборвался. Стало тихо.

Затем раздались шаги.

Шаги шли по прихожей изнутри квартиры.

Мы стояли лицом к входной двери, поэтому сперва не заметили, как за нашими спинами появилась вторая прихожая — с таким же ковром, такими же крючками для курток и такой же дверью с тремя замками. Из её темноты вышел человек в сером плаще.

Мой двойник снял маску.

Под ней оказалось гладкое бледное лицо без носа и рта. На коже торчал маленький металлический выступ, как кнопка выключателя.

— Ошибка обращения, — произнес он моим голосом, который слышался теперь откуда-то изнутри его головы. — Уточнение статуса: я не переписчик. Я ревизор.

— Это лучше? — спросил я.

— Для отчётности — да.

Марта ударила его дубинкой. На этот раз она не целилась в тело. Она ткнула белой спиралью в пол перед его ногами, и паркет вздыбился кольцом льда.

Ревизор шагнул.

Его нога провалилась в разрыв между досками. Марту от-

бросило назад ударной волной, торшер разлетелся, но ревизор застрял по колено. Фима схватил девочку на руки и бросился к настоящей двери.

— Держись за меня, Лика! — крикнул он.

— Вы не успеете, — сказала девочка.

— Я был женат два раза. Мне не впервой слышать такое!

Он потянул ручку.

Дверь не поддалась.

Два косяка слились в один, словно двери по обе стороны квартиры оказались нарисованы на одной створке. На её поверхности проступил серый отпечаток человеческой ладони.

Ревизор в полу медленно повернул голову к Фиме.

— Выход не предусмотрен. Приём заявлений прекращён.

— Зато жалобы круглосуточно! — гаркнул Фима и врезал рукояткой прибора по замку.

Из замочной скважины вытекла тёплая вода. Я не понял, откуда это знаю, пока на меня не попала капля: вода имела температуру человеческого тела.

Ревизор наклонился и приложил ладонь к полу. Доски зашуршали. Между ними побежали такие же чёрные полосы, какие вылились из кастрюли. Паркет начал складываться, как страницы огромной книги.

Марта перекатилась в сторону и снова ударила. Её дубинка расколола край пола, но с каждым ударом ревизор выглядел всё менее уязвимым: вмятины на нём появлялись раньше, чем соприкасалась сталь, и тут же разглаживались.

— Фима! — крикнула она. — Нужен внешний якорь!

— Его нет! Мы уже не снаружи!

Я попятился к обеденному столу. Одна из чашек опрокинулась, и из неё вылетел маленький мотылёк, сделанный из бумаги. Он сел мне на ладонь.

На крыльях были цифры.

03:11:06.

Я посмотрел на часы телефона.

03:10:41.

Двадцать пять секунд.

— Марта! — крикнул я. — У нас что-то случится в одиннадцать шесть!

— Это вывод по наблюдениям, Ардин, или ты решил присоединиться к ясновидящим?

— Сначала выживем, потом обсудим методологию!

Лика вдруг схватила меня за рукав. Её пальцы оказались ледяными.

— Вы должны открыть папку, — прошептала она.

— Какую?

— Которую он принёс. Которая ваша, но ещё не ваша.

На полу у второй прихожей лежала серая папка, выроненная двойником. Та самая, с моим именем.

Между нами и папкой ревизор вытягивался из разорванного паркета, вырастая выше, чем позволял потолок. Лицо его стало вытянутым, металлическая кнопка на нём щёлкала с частотой пульса.

— Зачем ему папка? — спросил я.

Лика помолчала.

— Чтобы вы подписали, что всё было правильно.

В голове что-то неожиданно сложилось. Лишний этаж. Лишняя дверь. Четвёртый человек. Четыре прибора на столе. Три времени на часах. Этот припуск не пытался нас убить, просто потому что был хищником.

Он пытался получить подтверждение.

Как человек, который посылает счёт за ремонт, которого никто не заказывал.

— Марта, — сказал я. — Он не может нас закрыть без акта.

— Замечательно. Значит, просто помрём без бумажки.

— Он должен зафиксировать исход. Пока мы не подпишем, у него нет законного завершения.

Ревизор повернул ко мне голову.

— Несанкционированное толкование процедуры, — сообщил он. — Предупреждение первое.

Ему не понравилось.

Это был хороший знак.

— Фима! Брось мне сумку!

Техник швырнул через комнату свой инструментальный рюкзак. Я поймал его за лямку, вынул строительный нож и врезал лезвие в столешницу. Стол был старый, липовый. Нож вошёл легко. Я толкнул стол ногой, чтобы преградить ревизору путь к папке.

— Мебелью? — спросила Марта. — Ты собираешься победить аномалию мебелью?

— Я инженер! Мы всегда начинаем с мебели!

Пока ревизор обходил стол, я бросился на пол и схватил папку.

Внутри лежал один лист.

Обычный бланк нашего ведомства. Герб Северина, штамп «особый порядок», графы для времени, участников, причин и итогового заключения. В верхнем углу чернилами вывели «АКТ № 0».

Ниже шли строки:

«03:11:06. Дверь закроется до выхода группы».

«03:11:08. Удерживающий контур будет разрушен».

«03:11:11. Трое сотрудников погибнут».

«03:11:13. Свидетель с именем Лика будет передан в архив».

«03:11:15. Подлинность события подтвердит Кирилл Ардин».

Я перевёл взгляд на часы.

03:10:58.

Восемь секунд.

И тогда чернила на листе шевельнулись.

Под последней строкой появилось ещё одно предложение:

«Составитель вправе внести одну поправку».

Ровно на миг я решил, что у меня началась галлюцинация. Потом вспомнил, где работаю, и успокоился: галлюцинации

у нас обычно сдавали по ведомости.

Ниже проступили маленькие буквы.

«Исправить разрешено одно слово. Поправка должна иметь возможное следствие. Цена правки определяется после исполнения».

Я уставился на первый пункт.

Дверь закроется ДО выхода группы.

Если заменить «до» на «после», всё остальное может не случиться. Не потому что появится волшебная сила, не потому что ревизор исчезнет. Просто нам больше не придётся бороться с запертой дверью, и следующие четыре строки станут ненужными.

— Марта! К двери! Сейчас!

— Она закрыта!

— Не навсегда!

Я вырвал ручку из папки.

03:11:03.

Ревизор заметил движение. Его рука потянулась ко мне. Я швырнул стул ему под ноги, но он уже стоял там, где стул должен был упасть. Дерево разбилось, не задев его.

03:11:04.

Фима толкнул дверь. Дверь не двигалась.

03:11:05.

Я зачеркнул слово «до».

03:11:06.

Вся квартира с оглушительным грохотом дёрнулась, и

дверь захлопнулась, разрубив выступающую из проёма белую нить контура. Фиму отбросило о стену. С его спины донёсся хруст, который я никогда больше не хотел бы слышать.

03:11:07.

На бумаге зачёркнутое слово поползло обратно, выдавливая мои чернила.

Я успел вписать над ним другое.

«ПОСЛЕ».

Мир не вспыхнул. Не потемнел. Он на мгновение перестал сопротивляться самому себе.

Я увидел, как капля воды поднимается с пола обратно в замочную скважину. Как осколки стула летят навстречу друг другу. Как на груди Фимы исчезает тёмное пятно. Как Марта разжимает губы, возвращая внутрь не произнесённый ещё крик.

А потом случилось то, к чему никто из нас не был готов.

Дверь открылась наружу.

За ней была лестница.

Девятый этаж. Обычная жёлтая лампа. Доска объявлений с просьбой не оставлять мусор в подъезде.

Фима стоял на ногах, прижимая Лику к груди.

Марта держала дубинку над плечом.

А ревизор был за нами.

— БЕГОМ! — рявкнул я.

Мы выскочили на площадку. Фима понёс девочку вниз, прыгая через ступеньку. Марта следом. Я оказался послед-

ним.

На миг мне показалось, что всё получилось.

Потом из квартиры донёсся знакомый голос:

— Составитель, вы забыли прочитать сноску.

Я обернулся.

Ревизор стоял в двух шагах от порога. У него снова было моё лицо — до последней царапины над правой бровью. Он улыбался моими губами так, как я, кажется, никогда не умел.

— Какую сноску? — выдохнул я.

— За каждую спасённую смерть кто-нибудь будет должен.

В эту секунду дверь захлопнулась.

За нашими спинами.

Я схватился за перила. Их поверхность стала ледяной. Где-то глубоко внутри здания простонало железо, а затем лестница под нами сдвинулась на полступени, как неудачно вставленная кость.

Десятый этаж исчез.

Но в моей руке осталась папка.

#

Мы спустились на восьмой этаж за один удар сердца.

По крайней мере, мне так показалось: ступени повторились всего три раза, а потом над нами уже висела табличка «8». Ноги не успевали за лестницей. Фима споткнулся, Марта подхватила Лику, и мы всей компанией врезались в стену

между седьмым и шестым этажами.

— Стоять! — приказала Марта.

Я вцепился в перила. Металл завибрировал.

— Что теперь? — спросил Фима. — Дом пытается стряхнуть нас, как блох?

— Нет, — сказала Лика, прижавшись к плечу Марты. — Он вспоминает, что у него не было десятого этажа. Пока вспоминает, лучше не двигаться. Иначе может вспомнить нас неправильно.

Над нами промчалась ударная волна — без звука, но с таким давлением, что волосы на руках встали дыбом. Из стен одна за другой выскочили шляпки гвоздей. Посыпалась старая штукатурка. Где-то у лестницы на первом этаже женский голос монотонно повторял:

— До закрытия осталось девять секунд. До закрытия осталось девять секунд. До закрытия осталось девять секунд.

— Это нормальное поведение здания? — прошептал Фима.

— Для здания, которое потеряло целый этаж, довольно сдержанное, — ответил я.

Я прижал папку к груди, чувствуя под ладонью сухое тепло бумаги. Никто больше на неё не смотрел. Очень хотелось открыть, но меня отвлекло кое-что другое: мой телефон снова показывал 03:10:41.

То самое время, когда я увидел мотылька.

— Марта, сколько сейчас?

Она глянула на часы.

— Три одиннадцать двадцать две.

— А у меня три десять сорок одна.

— Ты нас спас, — тихо сказала Лика. — Теперь у тебя отняли минуту, в которой ты это сделал.

Я посмотрел на девочку. Она казалась испуганной, но не удивлённой. Страшная разница.

— Ты откуда всё это знаешь?

— Мама объясняла.

— Где она сейчас?

Лика отвела глаза.

— На этаже, которого уже нет.

Марта коротко выругалась. Не из-за Лики — она смотрела на стену. Там, где мы стояли секунду назад, проступила тонкая вертикальная полоса. Из полосы медленно выдвинулся край серой папки.

Точно такой, как у меня в руках.

Затем внутри стены зашелестели бумаги. Кто-то осторожно вытащил папку обратно.

— Он следит, — сказала Марта.

— Ревизор? — спросил я.

— Не называй! — прошипела Лика.

Мы побежали.

До первого этажа оставалось совсем немного, когда из рации Марты раздался голос начальника смены:

— Бехтерева, докладывайте. У нас на схеме десятый кон-

тур схлопнулся. Жертв сколько?

— Не подтверждены. Выводим ребёнка. Подготовьте медицинский шлюз и карантин.

— Принято. Сколько сотрудников возвращается?

— Трое.

На том конце наступило молчание.

— Повторите, Бехтерева. Сколько?

— Трое. Я, Логинов, Ардин.

Ещё несколько секунд тишины.

— В заявке числятся только вы и Логинов.

Марта остановилась так резко, что я едва не сбил её с ног.

— Каменев, не начинайте. Я вытащила Ардина из постели лично.

— Марта, — сказал голос в рации уже совсем другим тоном, — в Службе никогда не работал человек с такой фамилией.

Шум помех усилился. Мы услышали несколько обрывков чужих разговоров, потом далёкий смех. Затем рация произнесла моим голосом:

— Подлинность события подтвердит Кирилл Ардин.

Марта выключила её.

Фима медленно повернулся ко мне.

— Так. Я, конечно, понимаю, что у нашего отдела проблемы с кадрами, но до такого сокращения ещё не доходило.

— Вы меня видите? — спросил я.

— Нет, Кирилл, мы разговариваем с пожарным щитом.

Конечно, видим.

— А если через минуту перестанете?

Фима не ответил.

На первом этаже перед нами распахнулась входная дверь. За ней лежал мокрый асфальт, стояли полицейские машины, мигалки подсвечивали дождь. Я впервые за утро искренне обрадовался дорожным выбоинам. Они хотя бы не притворялись чем-то другим.

Мы выбежали наружу.

#

Через двадцать минут десятиэтажка снова стала девятиэтажкой официально.

Никто из жильцов не мог вспомнить, что над крышей когда-то горели чужие окна. Полиция удалила записи звонков. На телефонах патрульных осталось по одному пустому аудиофайлу, а в строительном реестре появилась пометка: «Изменений не обнаружено».

Служба непрерывности поставила вокруг дома мобильный кордон. Его цель состояла в том, чтобы не позволить людям войти в опасную зону. По опыту предыдущих выездов я знал, что куда чаще кордон мешал людям выйти — особенно журналистам с неудобными вопросами.

Сейчас мне было не до журналистов.

Меня не существовало.

В прямом, бумажном, юридическом смысле.

— Давай ещё раз, — сказал Фима, сидя на заднем бампере фургона. — Паспорт.

Я протянул ему документ. Он провёл его через карманный считыватель. Прибор пискнул, как голодный комар, и выдал на маленький экран три строки:

«СЕРИЯ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНА».

«НОМЕР НЕ ВЫДАВАЛСЯ».

«ВЛАДЕЛЕЦ ОТСУТСТВУЕТ».

— А права? — спросил Фима.

Я дал права.

Тот же результат.

Банковская карта сообщила, что договор никогда не заключался. В электронном журнале выездов не нашлось моего имени. В медицинской системе я числился не в списке пациентов, а в списке запросов, вернувшихся с ошибкой.

— Зато у тебя нет кредитов, — попытался утешить меня Фима.

— Я об этом мечтал три года. Оказывается, нужно просто перестать существовать.

— Надо было раньше подсказать, — сказал он и тут же помрачнел.

Марта стояла возле фургона, разглядывая акт. Она прочла его уже дважды. Третий раз прочитывать не стала: развела страницы на ширину ладони и посмотрела, просвечивает ли бумага. Бумага не просвечивала.

— В главном управлении о таком не знают, — произнесла она.

— Возможно, потому что главного управления тоже нет, — сказал я.

— Нет. Каменев знает больше, чем говорит. Если бы твоего имени просто не было в ведомости, он переспросил бы. А он испугался. И выключил линию раньше, чем я успела потребовать объяснений.

Я хотел ответить, но в этот момент из медицинского шатра вышла Лика.

На ней всё ещё был красный пуховик. Фельдшерша держала её за плечо. В руках у девочки была та же продуктовая сумка, только бутылка молока внутри стала пустой.

— С ребёнком всё в порядке, — сообщила фельдшерша. — Физически. Анализы странные, но в этих случаях они всегда странные. Нужна изоляция до выяснения.

Лика подняла голову и посмотрела на меня так, словно мы были единственными людьми, знающими неприятный секрет.

— Не отдавайте меня людям с белыми папками, — сказала она.

— У нас все папки серые, — заметил Фима.

— Тогда они ещё не приехали.

Марта присела перед девочкой.

— Кто приедет, Лика?

— Те, кто решают, какое вчера оставить. Они не злые. Им

просто никогда не жалко людей, которых они не помнят.

В этот момент с той стороны кордона донёсся визг тормозов. У тротуара остановился чёрный микроавтобус без номеров. Из него вышли трое — мужчина и две женщины в одинаковых светлых плащах.

У каждого в руках была белая папка.

Я не помню, чтобы когда-нибудь так быстро полюбил серую канцелярию.

— Внутрь! — приказала Марта, кивая на служебный фургон.

— У нас приказ держать ребёнка в медицинском шатре, — возразила фельдшерша.

— А у меня приказ не отдавать живых людей тем, кто появляется одновременно с плохими предчувствиями. Готовы оформить жалобу?

Марта даже не дождалась ответа. Подхватила Лику и посадила её на заднее сиденье.

Фима юркнул следом.

Я уже собирался сесть, когда мужчина в светлом плаще повернул ко мне лицо.

Он был высоким, седым и совершенно обычным. Не двойник. Не призрак. Не бумажный монстр. И именно поэтому он напугал меня сильнее всего произошедшего в квартире ноль.

Потому что я его узнал.

Это был человек с семейной фотографии, которую я хра-

нил в ящике стола с детства. На той фотографии мне было девять лет, а он держал меня за плечи и улыбался так, будто точно знал, как сложится моя жизнь.

Мой отец.

Человек, которого похоронили двадцать лет назад.

Он посмотрел на меня без малейшего узнавания и чуть заметно коснулся белой папки.

В моей серой папке тотчас зашелестели страницы.

— Кирилл! — окликнула Марта. — Сейчас!

Я запрыгнул в фургон. Дверь захлопнулась, Фима завёл двигатель с таким скрежетом, словно надеялся запугать мотор. Машина резко тронулась с места.

Через заднее стекло я успел увидеть, как седой мужчина подносит телефон к уху.

Он смотрел прямо на меня.

Теперь я знал, чего боюсь сильнее двойника: что отец узнает меня, но не захочет назвать сыном.

#

Когда мы отъехали на три квартала, папка открылась сама.

Водитель ругался на встречный поток, Марта звонила в управление по резервному каналу, Фима пытался объяснить Лике, что нельзя снимать в машине защитные пломбы. Я сидел между ними, а у меня на коленях шевелилась бумага.

Строки прежнего акта исчезли.

На чистом листе проступила печать, которую я не видел ни в одном ведомственном справочнике: круг, перечёркнутый тонкой вертикальной чертой. Под ним было написано:

«РЕЕСТР ПОПРАВОК».

«Составитель: Кирилл Ардин».

«Статус: не зарегистрирован».

«Успешная правка: 1».

«Событий отложено: 4».

«Задолженность: четыре смерти».

Ниже проступила новая строка:

«До первого взыскания: 23 часа 59 минут 59 секунд».

Цифры поползли вниз.

23:59:58.

23:59:57.

— Марта, — сказал я. — У нас проблема.

— Если одна, уже праздник.

Я показал ей лист.

Она посмотрела на цифры, потом на меня. И впервые за всё утро не нашла ни язвительной реплики, ни приказа.

Лика перестала спорить с Фимой. Медленно взяла меня за руку.

— Это не ваша вина, — произнесла она.

— Приятно слышать от единственного человека в машине, которому больше десяти лет не бывает.

— Нет, — покачала она головой. — Я не про деньги. И не про смерти.

Я ждал.

Девочка посмотрела на пустую бутылку молока, как будто собиралась сказать что-то очень важное, но боялась услышать ответ.

— Вы думаете, что впервые исправили мир, — сказала она. — А вы просто впервые это запомнили.

Мне стало холодно.

На обороте листа появилась ещё одна запись.

Совсем маленькая. Не машинописная. Выведенная ручкой, моим почерком — тем самым, которым я десять минут назад написал слово «после».

«ПОПРАВКА № 1 ИЗ 15».

Под ней, словно приписка для забывчивого человека:

«Кирилл. Когда прочтёшь это, не доверяй девочке. В прошлый раз она была твоей матерью».

Я поднял глаза.

Лика смотрела на меня с тихой, взрослой жалостью.

— Папка наконец догнала вас, — сказала она.

И улыбнулась.

Глава вторая
Отдел принятых смертей

#

Первое, что я узнал о долгах перед мирозданием: у них не было выходных.

Второе: проценты начислялись даже на людей, которых официально не существует.

На коленях у меня лежала серая папка. В ней убывали секунды, а на обороте листа моим почерком было написано, что девочка, которую мы только что спасли, когда-то была моей матерью. Не лучшая тема для разговора в машине. Особенно если девочка сидит рядом и пытается открыть пустую бутылку молока зубами.

— Не делай так, — сказал я.

Лика остановилась.

— Почему?

— Потому что потом придётся объяснять стоматологу, что тебе десять лет сегодня, одиннадцать вчера, а прикус, возможно, послезавтра.

Она послушно положила бутылку в сумку. Марта бросила на меня взгляд, который обычно предварял либо выговор,

либо удар дубинкой.

— Кирилл, — сказала она. — Покажи мне ещё раз последнюю строку.

Я развернул лист.

«Кирилл. Когда прочтёшь это, не доверяй девочке. В прошлый раз она была твоей матерью».

Марта прочла, нахмурилась и попросила Фиму включить верхний свет.

— Что? — спросил он.

— Освещение. Такое изобретение. Слышал?

Фима нажал кнопку. Над нашими головами загорелась полоска холодного света. Марта изучила надпись, коснулась пальцем чернил и понюхала.

— Ручка твоя?

— Да.

— Почерк твой?

— Подделать можно.

— Есть что-то, чего ты о себе не знаешь?

Я посмотрел на уменьшающийся таймер.

— Судя по всему, всё остальное.

За окном дождь превращал Северин в длинную тёмную акварель. Светофоры меняли цвет беззвучно. Фима ехал так, будто вся городская инфраструктура лично оскорбила его родителей.

За рулём был не наш штатный водитель: того отправили за дополнительным снаряжением ещё у дома на Мельничной.

Фима забрал управление на первом же перекрёстке, когда водитель предложил отвезти нас в управление. Марта в ответ направила дубинку ему на колено и вежливо попросила выйти.

То, что в Службе непрерывности называли «вежливо», с обычной человеческой точки зрения являлось уголовным делом.

— Куда едем? — спросил я.

— В старую базу, — ответила Марта. — Там ручные журналы. Если тебя стёрло из электронных реестров, бумага могла остаться.

— Как паспорт?

— Как документ. Люди иногда используют её не только для самолётиков.

На обороте папки появилась новая строка.

«ОШИБКА МАРШРУТА. Составитель следует к месту, где его уже нет».

Я показал её Марте.

— Что значит «уже нет»? — спросил Фима, заглянув через плечо.

— Возможно, моё рабочее место сократили, — сказал я. — При моём везении вместе со зданием.

Марта потянулась к рации. В этот момент она сама ожила.

— Бехтерева, — произнёс Каменев, — остановите автомобиль. Это распоряжение главного управления.

— У меня заняты руки, — сказала Марта.

— Марта, я вижу маршрут машины. Ты везёшь незарегистрированный объект и свидетеля категории ноль. У тебя ровно одна возможность передать их приёмщикам добровольно.

Фима перестал улыбаться. Он знал слово «приёмщики» — я понял это по тому, как его пальцы побелели на руле.

— Назови мне приказ, — потребовала Марта.

— Приказ номер девять, приложение «О последствиях обратной правки».

— Такого приложения нет.

— Теперь есть.

Радио щёлкнуло. Голос сменился на другой, мягкий и совершенно незнакомый.

— Кирилл Ардин, будьте любезны приготовиться к приёму. Ваша задолженность состоит из четырёх единиц. Добровольная передача ускорит обслуживание.

— Скажите, — спросил я, наклонившись к микрофону, — можно оплатить частями? У меня раньше была хорошая кредитная история.

— У вас не было кредитной истории, — ответил голос. — Вас не было.

— Тогда откуда долг?

В динамике зашуршала бумага. Слишком близко, будто кто-то перелистывал страницы прямо внутри наших ушей.

— Вы задали вопрос, который не входит в компетенцию приёмной линии.

Марта выдернула батарею из рации. Радио продолжило шуршать.

— Фима, — сказала она. — Налево.

— Там одностороннее.

— Теперь двустороннее.

Фима крутанул руль.

На перекрёстке нас встретил автобус без фар. Он стоял поперёк двух полос, будто специально ждал. На заднем стекле кто-то пальцем вывел по грязи: «ГОРОДСКАЯ СЛУЖБА УЧЁТА». Двери автобуса открылись.

Внутри сидели люди.

Не пассажиры — манекены, тщательно одетые в настоящую одежду. На некоторых были больничные халаты. На одном — свадебное платье. У каждого на коленях лежала белая папка.

Манекены повернули головы в нашу сторону.

— Нет, — сказал Фима. — На общественном транспорте я уже достаточно наездился.

Он ударил по газам.

Фургон скользнул между автобусом и бордюром. Металл с визгом срезал зеркало. Один манекен поднялся и подошёл к окну автобуса. Лица у него не было. Вместо лица — фотография мужчины на паспорт, прикреплённая четырьмя канцелярскими скрепками.



Я узнал мужчину.

Он лежал на больничной каталке три года назад, когда я составлял акт о припуске на территории хирургического отделения. Тогда мы записали: «Пострадавших нет».

Каталку потом увезли под простынёй.

— Фима, — сказал я тихо, — у них в автобусе люди, которых мы не спасли.

— Не смотри на лица, — отрезала Марта.

Автобус тронулся вслед за нами.

Он не разворачивался. Просто поехал боком, как шкаф, который кто-то передвигает через комнату.

#

Старая база Службы непрерывности находилась в бывшем трамвайном депо на улице Пятого Сигнала. Отсюда когда-то отправлялись первые вагоны Северина. Последний трамвай ушёл двадцать лет назад и, по утверждению городского архива, до сих пор не вернулся.

В базе не было электронных замков. Это считалось преимуществом. Если реальность вздумала бы отменить пропуск, она сперва должна была найти человека, способного отменить металлическую задвижку.

Мы проехали сквозь ворота, оставив на асфальте длинный чёрный след. Автобус отстал на два квартала, но на развороте я видел его сквозь дождь. Внутри всё ещё горел свет. Манекены пересаживались с места на место, как пассажиры, которые не могут решить, с кем им лучше умереть.

Марта выскочила из машины первой.

— Внутрь. Быстро. Фима, выставь засов и проверь стационарный контур.

— Контур последний раз испытывали, когда я ещё верил в официальный брак.

— Значит, недавно.

— Жестокая женщина.

Лика вылезла следом за мной. Под светом прожектора её пуховик казался почти чёрным. Она остановилась у дверей

депо и внимательно посмотрела на ржавый трамвай, стоявший на запасном пути.

— А он сегодня кого-нибудь привозил? — спросила она.

— Он двадцать лет стоит на месте, — сказал Фима.

— Я спросила про сегодня.

Никто не ответил.

Внутри пахло пылью, машинным маслом и старым кипятильником. На стене висело выцветшее объявление: «НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ СОТРУДНИКОВ ПОСЛЕ СМЕНЫ». Под ним кто-то приписал: «Особенно на ночь».

База была закрыта шесть лет назад. Когда-то я проходил здесь стажировку. Помнил облупленную зелёную краску, тяжёлые столы и окно в потолке, которое летом превращалось в линзу. Помнил кладовую, где мы хранили неисправные приборы. Помнил чайник, оставленный мной после очередного внепланового выезда.

Теперь на месте кладовой была кирпичная стена.

А на стене висела фотография.

В ряд стояли семеро сотрудников. У всех на груди были допуски. В центре — Марта, помоложе, с короткой стрижкой. Справа Фима, похудее и ещё не столь разочарованный в человеческой природе. Слева — я.

Только на фотографии моё лицо аккуратно вырезали.

Ножом. Не цифровой правкой — настоящим канцелярским ножом, от угла к углу, оставив пустой силуэт на фоне серой стены.

— Фима, — позвал я.

Он подошёл, взглянул на снимок и сглотнул.

— Приятная композиция, — сказал он. — Чуть испортил собой кадр, но тебя исправили.

— Это сделано недавно.

— Почему?

Я провёл пальцем по краю прорези. Под ногтем осталась белая бумажная пыль.

— Срез светлее снимка. И на полу лежат обрезки.

Фима наклонился, подобрал маленький клочок фотобумаги. На нём был мой глаз.

Глаз моргнул.

Он немедленно выбросил клочок.

— Вот за такие фокусы, Ардин, тебя и уволили из существования.

Марта открыла шкаф с бумажными журналами. Полки выстроились под потолок, десятки толстых тетрадей, пронумерованных вручную. Она потянула журнал за позапрошлый год, перелистнула несколько страниц и положила передо мной.

Запись об обследовании трамвайного тоннеля. Три подписи. Бехтерева. Логинов. И третья, моя.

Только вместо букв из бумаги вырезали узкую прямоугольную щель.

— Значит, не электроника, — сказала Марта.

— Значит, меня исключают физически, — ответил я. —

Кто-то не хочет, чтобы осталось доказательство.

Лика подошла к шкафу. Повела пальцем по корешкам, словно читала на ощупь.

— Не кто-то, — произнесла она. — Что-то. Приёмщики обычно работают быстрее.

Я повернулся к ней.

— Знаешь, что снаружи?

— Знаю, как они приходят. Сначала исчезает имя. Потом люди перестают замечать лицо. Потом никто уже не может вспомнить, зачем его спасали.

— Откуда ты знаешь?

Девочка посмотрела на вырезанное место в фотографии.

— Я однажды слишком долго ждала.

В дальнем конце зала скрипнула дверь.

Фима поднял фонарь. Марта выхватила дубинку.

Из-за бывшей диспетчерской выглянула пожилая женщина в синем халате. В руках у неё был чайник.

— Вы опять всё испачкали, — сказала она.

У неё был голос человека, который пережил столько катастроф, что перестал различать их по названиям.

— Агния Павловна? — удивилась Марта.

— Нет, памятник Агнии Павловне. Неужели ты решила прийти в четыре утра и просто вытереть пыль?

Агния Павловна Корнева, бывшая архивистка, официально умерла от сердечного приступа четыре года назад. Я сам видел траурный приказ в управлении. Но сейчас она стояла

перед нами, держала эмалированный чайник и была настолько живой, что можно было различить раздражение в каждой морщине.

— Вы умерли, — сказал я.

— Молодой человек, — отозвалась она, — за сорок семь лет службы меня хоронили пять раз. В последний раз даже премию не выдали. Проходите. Чай остынет.

#

Агния Павловна жила в диспетчерской, окружённая картонными коробками, книгами и аккуратными стопками писем. Не служебных — обычных. На конвертах стояли адреса людей, которых я не знал, а вместо марок были маленькие чёрные квадраты.

— Это письма умершим? — спросил Фима.

— Нет, — ответила Агния Павловна. — Это письма от тех, кого умереть не оставили.

Она поставила перед нами четыре кружки.

Нас было пятеро.

— Я не пью чай, — сказала Лика.

— Знаю, — ответила старуха.

Секунду они смотрели друг на друга. Затем Лика опустилась на край стула, обхватив колени руками.

— Агния Павловна, — сказала Марта. — У нас пересчитанный исход. Один исправленный акт, четыре отложенные

смерти, объект без регистрации. Приёмщики уже на хвосте.

Старуха перестала наливать воду.

— Покажите лист.

Я положил папку на стол, оставив палец на последней строке. Цифры продолжали убывать.

«До первого взыскания: 23 часа 15 минут 02 секунды».

Агния Павловна сначала посмотрела на печать, затем на номер акта. И только после этого — на меня. Её лицо изменилось так резко, что я понял: она узнала не меня, а что-то, что должно было остаться спрятанным.

— Где взял? — спросила она.

— Мне выдали.

— Кто?

— Существо с моим лицом. Оно назвало себя ревизором.

Старуха закрыла папку ладонью.

— Не открывай здесь больше. И прекрати называть его именем, которое он тебе сказал.

— Лика просила о том же.

— Умный ребёнок. Пока ещё.

— Хотелось бы получить объяснение, — сказал я.

— Объяснение стоит дороже, чем чай.

Марта положила на стол свой служебный жетон.

— Доступ четвёртого контура. Код на обороте. Что ещё надо?

Агния Павловна даже не взглянула на жетон.

— Ничего. Я не торгую документами, девочка. Я пытаюсь

не допустить, чтобы мои знакомые умерли шестой раз.

Она открыла самый нижний ящик и достала узкую жестяную коробку. На крышке было написано старым, выцветшим шрифтом: «ОТДЕЛ ПРИНЯТЫХ СМЕРТЕЙ».

— Вы, молодёжь, думаете, смерть — событие, — сказала она. — Сердце остановилось, врач отметил время, родственники плачут, все разошлись. Так удобнее. На деле смерть — это факт, который мир должен принять. Не каждую принимает сразу. Иногда тело уже лежит в земле, а реальность всё ещё считает, что человек вышел за хлебом.

— И что? — спросил Фима.

— И его ищут. Там, где он больше не может находиться.

Она вынула из коробки четыре металлических жетона. Каждый размером с крупную монету. На одном было вытиснено «ПРИНЯТО», на втором «ОТЛОЖЕНО», на третьем «ОСПОРЕНО». Четвёртый был гладким, будто его стёрли многолетним прикосновением.

— Припуски рождаются не только из пространства, — продолжила старуха. — Иногда из неполученных ответов. Мир должен знать, кого больше нет. А если кто-то меняет исход, смерть остаётся без адресата. Она ведь уже произошла где-то. Просто не здесь.

— И теперь ей нужен новый адрес? — спросил я.

Агния Павловна кивнула.

— Четыре адреса. По одному на каждую смерть, которую ты отказался принять.

— Я не отказывался. Я спасал людей.

— Для тебя разница огромная. Для реестра — нет.

Марта опёрлась о стол.

— Как отсрочить взыскание?

— Можно передать долг другим, — сказала Агния Павловна. — Так обычно делают люди с белыми папками. Выбирают тех, чью смерть никто не заметит.

Мы помолчали.

— А способ для людей, у которых ещё осталось подобие совести? — спросил я.

— Оспорить основание.

— Как в суде?

— Лучше. В суде у тебя иногда есть шанс.

Агния Павловна толкнула ко мне жетон с надписью «ОСПОРЕНО».

— Если докажешь, что смерть назначена неверно, реестр остановит взыскание до сверки. Нужны первичный документ, вещественное расхождение и свидетель, который помнит отменённое событие. Все три условия. Иначе — просто бумажка.

Я быстро проверил содержимое папки.

— Первичный документ у меня. Расхождение тоже: дверь не закрылась до нашего выхода. Свидетели — мы четверо.

— Нет, — произнесла старуха.

— Что «нет»?

— Вы помните спасение. А нужен человек, который пом-

нит смерть.

Я посмотрел на Лику.

Она закрыла глаза.

— Я помню, — сказала она. — Но не всю.

В комнате стало очень тихо.

— Что именно? — осторожно спросила Марта.

Лика поджала губы.

— Как Фима лежал у двери. Как у вас, Марта, перестала двигаться рука. Как Кирилл пытался написать что-то на листе, а у него уже не было пальцев. И как мне сказали, что теперь я буду жить в коробке.

Фима уставился на собственные руки.

— Это невозможно, — произнёс он.

— Мы теперь очень избирательно относимся к этому слову, — сказала Марта.

Агния Павловна смотрела на девочку совсем иначе, чем прежде.

— Значит, ты и правда несущая память.

— Я Лика, — тихо ответила та.

— Я знаю, малышка. И именно поэтому мне страшно.

— Она не будет ничего подписывать, — сказала Марта.

— И правильно, — ответила Агния Павловна. — Несущих память после показаний редко отпускают домой.

— То есть вы привели нас сюда, чтобы сообщить, что выхода нет? — спросил Фима.

— Нет. Вы сами пришли. Я даже приглашения не рассы-

лала.

Старуха отняла у меня папку, открыла первый лист и провела ногтем по бумаге. В местах, где раньше были строки исходного акта, остались едва заметные бороздки. Она подвинула лампу ближе.

— Тут что-то написано под новым текстом.

— Старое событие, — сказал я. — После исправления оно исчезло.

— Чернила исчезли. Бумага осталась.

Мы трое одновременно посмотрели на неё.

— У вас есть карандаш? — спросил я.

Фима протянул мне короткий плотницкий огрызок. Я вынул из папки лист, подложил его под тонкую кальку из шкафа и осторожно прошёлся грифелем по поверхности. Агния Павловна приглушила лампу.

На кальке выступили утопленные буквы.

Сначала дата. Потом строки. По одной, как тела, найденные под снегом.

«Дверь закроется до выхода группы».

«Удерживающий контур будет разрушен».

«Трое сотрудников погибнут».

«Свидетель с именем Лика будет передан в архив».

Я перечитал их дважды.

— Стоп.

Фима наклонился к плечу.

— Что?

— Сколько здесь смертей?

— Четыре, — автоматически ответил он и замолчал.

— Нет. Трое сотрудников погибнут. А Лику передадут в архив.

— Архив — это смерть, — сказала Агния Павловна.

— Для кого? Для человека или для записи о человеке?

Она не ответила.

Я снова раскрыл папку. «Событий отложено: 4». Ниже — «Задолженность: четыре смерти».

— Они приравняли четыре события к четырём смертям, — сказал я. — Это разные вещи. В акте одна смерть коллективная, три человека, а четвёртый исход — передача свидетеля. Никакого заключения о смерти Лики нет.

— Ты цепляешься к формулировке, — сказала Марта.

— Я получаю за это зарплату. Получал. Пока существовал.

Агния Павловна медленно опустилась на стул.

— Вы хотите оспорить не сам долг, — проговорила она. — Вы хотите оспорить то, как его посчитали.

— В строительных сметах на этом можно поймать половину подрядчиков. Почему здесь должно быть иначе?

— Потому что подрядчик обычно не умеет отнимать вам лицо.

— Мы выяснили это на фотографии.

Она сдвинула пальцем гладкий жетон, четвёртый, и перевернула его. С обратной стороны оказалось крохотное углуб-

ление в форме вертикальной черты.

— Для исправления ведомственной ошибки не нужен свидетель смерти, — сказала она. — Нужен экземпляр исходного акта и доказательство, что в реестр внесли ложную сумму. Но спор принимают только в самом Отделе. А выехать туда из этого депо можно лишь одним способом.

Она посмотрела на ржавый трамвай за окном.

Фима проследил за её взглядом.

— Не начинайте.

— Третий вагон, — сказала старуха.

— Он без двигателя.

— Третий вагон.

— У него под вагоном нет даже всего того, что в приличном обществе называют низом!

— Значит, вам будет проще его осматривать.

Марта накрыла жетон ладонью.

— Где находятся приёмщики?

Агния Павловна подняла глаза к потолку.

Мы услышали шаги.

Кто-то шёл по крыше депо. Тяжело, не торопясь. Потом ещё кто-то. Затем десятки. Будто снаружи начал собираться митинг людей, которым не разрешили умирать в рабочее время.

Откуда-то из зала донеслось металлическое клацанье.

На старом турникете загорелся зелёный огонёк.

— Прибыли, — сказала Агния Павловна. — Удивительно

пунктуальные. Когда-то я этим даже гордилась.

#

Первой под дверь просунулась папка.

Она была белая, с синими металлическими уголками. Медленно протиснулась в щель, встала на ребро и раскрылась. Изнутри выскользнул длинный лист с печатным текстом.

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ДОБРОВОЛЬНОЙ ВЫДАЧЕ СВИДЕТЕЛЯ».

Внизу уже стояла подпись Марты.

— Это не моя, — произнесла она.

— Ещё не ваша, — ответил я.

У неё дёрнулась щека.

— Не люблю, когда они говорят твоими словами.

С другой стороны двери мягко постучали.

— Бехтерева Марта Андреевна, — прозвучал женский голос. — Срок добровольного решения истёк в одной из допустимых версий. Откройте, пожалуйста.

Марта толкнула стол к двери, упёрла ножки в бетон и выдернула из пояса дубинку.

— Отдел через трамвай? — спросила она.

Агния Павловна кивнула.

— Но сначала надо запустить стрелку. На стене возле путей. Механическая рукоять, большая, чёрная.

Фима уже хватал инструменты.

— А не проще открыть потайной люк под ковриком? Нет? Ну конечно.

За дверью снова постучали.

— Мы не имеем намерения причинять вред присутствующим, — сообщила женщина.

— Тогда почему вы приехали на автобусе с моргом? — крикнул я.

— Наша транспортная служба предоставляет обслуживание по накопительному принципу.

— Понятно. Умер десять раз — одиннадцатый бесплатно.

Я услышал, как за дверью шуршит бумага.

— Ваше замечание передано в отдел качества.

Боль пронзила мне правую руку так внезапно, что я выронил карандаш.

На запястье проступило тонкое синее пятно. Оно расползлось по коже, превращаясь в круглую ведомственную печать. «ПОЛУЧЕНО».

— Не отвечай им, — приказала Агния Павловна.

— Почему?

— Любой ответ подтверждает, что ты находишься по адресу.

Она рванула с подоконника мокрую тряпку и шлёпнула её мне на запястье. Печать зашипела, как горячий металл.

— Если им удастся зарегистрировать твоё присутствие, они смогут вывезти тебя без сопротивления. Ты же теперь

ничей.

— Радует, что в нашем государстве хотя бы похищение граждан оформляют по правилам.

Марта схватила Лику за плечо.

— Фима, первая дверь. Я прикрываю.

Мы выбежали в зал.

На путях стояли три трамвайных вагона. Первые два — ржавые, без стёкол, третий — тёмно-красный, с выбитыми номерами. Он выглядел старее всех. На его лобовом стекле в тонкой паутине трещин отражались люди, которых перед ним не было.

Я увидел в стекле мальчика с чёрным школьным рюкзаком. Девятилетнего, худого, с мокрыми волосами.

Он очень походил на меня в детстве.

Я моргнул. Отражение исчезло.

— К стрелке! — закричал Фима.

Он прыгнул на насыпь и схватил чёрную рукоять, торчавшую из бетонного столбика. Дёрнул. Безрезультатно.

— Заклинило! — выпалил он.

Марта подбежала и врезала дубинкой по механизму. Белая спираль вспыхнула. Из стыка между рельсами выступил иней, протянулся длинной линией к третьему вагону.

На дверях диспетчерской появилась узкая щель. По обе стороны от неё прошла трещина, похожая на шов после операции.

Потом дверь сложилась пополам.

В зал вошла женщина в светлом плаще.

Та самая, что стояла рядом с моим отцом у кордона. У неё были короткие седые волосы, аккуратно окрашенные губы и сумочка, вполне подходящая для воскресного похода в театр. Если бы не белая папка в руке, я принял бы её за чиновницу, которая пришла сообщить нам, что театр снесён.

— Марта Андреевна, — сказала женщина. — Мы просили не усложнять.

— А я просила не приходить, — ответила Марта. — Видите? Мы обе разочарованы.

Женщина вздохнула и раскрыла папку.

Вся правая рука Марты от запястья до локтя исчезла.

Не отвалилась. Не растворилась с кровью. Просто на её месте оказался пустой рукав, а за ним — стеллажи в дальнем конце зала. Марта отшатнулась. Дубинка выпала из невидимых пальцев и с грохотом ударилась о рельсы.

— Марта! — крикнул я.

— Всё нормально, — выдохнула она. — Я её чувствую.

Пальцы невидимой руки сжались в пустоте. Над рельсами что-то стукнуло, хотя я не видел ничего.

— Её конечность временно выведена из доступной версии, — объяснила женщина. — Сопротивление усугубит процедуру.

Фима снова налёг на рычаг.

— Кирилл, сюда!

Я подхватил его за плечо. Вдвоём мы потянули рукоять на

себя. Она не сдвинулась ни на миллиметр.

— Вы не туда тянете, — сказала Лика.

— А куда? — прохрипел Фима.

— Вспомните, что вы инженер.

Я едва не сорвался.

— В такой момент это звучит как оскорбление.

— Рычаг не должен переключать рельсы, — продолжила девочка. — Он переключает, куда они ведут.

Я посмотрел вниз. Стрелка действительно была неподвижна — но её массивный корпус стоял на четырёх болтах. Крепёж сгнил, а бетон под ним растрескался. Мы давили на рукоять, пытаясь повернуть механизм, закреплённый неверно. Надо было сначала изменить точку опоры.

— Фима! Домкрат!

— Где я возьму домкрат?!

— В своём рюкзаке. Ты носишь даже отвёртку для откручивания понедельника!

Он швырнул мне короткий распорный винт. Я вставил его под основание механизма, провернул вороток и почувствовал, как под пальцами поддаётся железо.

Сзади раздались два сухих удара.

Марта невидимой рукой подхватила дубинку с рельсов и снова вступила в бой.

Женщина в белом пыталась раскрыть папку шире, но каждый раз спираль на дубинке вспыхивала у неё перед лицом. Когда Марта поднимала оружие невидимой рукой, оно слов-

но само висело в воздухе на уровне груди. И всё же по ходу ударов я понял, что она уже вычислила предел чужой способности.

— Она не стирает руку! — выкрикнула Марта. — Только изображение! Фима, посвети на тень!

Фима метнул фонарь. Луч ударил женщине в лицо. На бетонной стене за ней появилась тень Марты — с двумя руками. Тень держала дубинку.

Марта сделала обманный выпад пустым рукавом. Женщина повернула папку навстречу. Невидимый удар пришёл сбоку. Белая папка вылетела из рук, хлопнула об рельс, и рука Марты появилась снова.

До запястья она была покрыта синими буквами.

Женщина улыбнулась.

— Спасибо за подтверждение физического присутствия.

Буквы начали ползти к плечу.

— Мелкий шрифт, — сказал я. — Ненавижу.

Я докрутил винт, приподняв один край стрелочного механизма. Рукоять пошла вниз легко, почти без сопротивления.

Под рельсами что-то хрустнуло.

Не металл. Воздух.

Пути за третьим вагоном неожиданно продолжились сквозь кирпичную стену. Не образовался тоннель — стена просто оказалась стоящей по обе стороны от нового направления, как дверь, которую забыли нарисовать.

Внутри вагона зажёгся свет.

На табло вспыхнуло: «КОНЕЧНАЯ. ОТДЕЛ ПРИНЯТЫХ СМЕРТЕЙ».

— Все внутрь! — рявкнула Марта.

— Вы не получите нужного решения! — крикнула женщина. — У вас нет действующего заявителя!

Я подхватил Лику, забрался на подножку и обернулся.

Женщина стояла возле раскрытой белой папки. На её страницах мелькало моё лицо — то сегодняшнее, то детское, то старое, с морщинами, которых я ещё не заработал.

— У вас, между прочим, тоже нет действующего заявителя! — сказал я. — Иначе вы не пытались бы забрать ребёнка вместо меня.

Впервые она перестала улыбаться.

Это стоило того, чтобы запомнить.

Двери третьего вагона захлопнулись.

Трамвай поехал.

#

Он двигался почти бесшумно. За окнами проносились не стены тоннеля, а чужие комнаты. Гостиные, больничные палаты, автобусные остановки, лестницы, на которых никто никого не дождался.

В одной комнате старик ел суп в одиночестве, а рядом стояла ещё одна тарелка, из которой тихо поднимался пар. В другой молодая женщина прижимала к уху телефон и повто-

ряла «алло», хотя трубку с той стороны давно положили. На одной из платформ мужчина в свадебном костюме стоял посреди дождя. Он держал букет, обвязанный траурной лентой.

Трамвай проехал мимо. Мужчина поднял голову.

У него было лицо моего отца.

Потом и он исчез за чёрной полосой оконной рамы.

— Не говорите ни с кем, кто снаружи, — предупредила Агния Павловна.

Я резко обернулся.

Старуха стояла у задней двери, держась за поручень. Понятия не имею, когда она успела войти. На ней всё ещё был синий халат, а в руках — чайник.

— Вы же обещали остаться на базе, — сказала Марта.

— Нет, — возразила старуха. — Я сказала, что чай остынет. Он и остыл.

Фима прикрыл глаза.

— Вы не могли бы хоть раз произнести обещание без боковой лазейки?

— Могу, — сказала Агния Павловна. — Но не буду.

Я держал папку на коленях. Цифры всё ещё шли назад. Они не ускорились. Это было единственным утешением: какой бы поезд мы ни выбрали, долг приближался со скоростью одной секунды в секунду.

— Почему их называют приёмщиками? — спросил я.

Агния Павловна посмотрела в окно.

— Когда-то это было обычное ведомство. Его работни-

ки принимали сообщения о смерти, чтобы ни один человек не оставался между фактом и памятью. Потом появились припуски. Служба научилась закрывать швы, а Отдел — перераспределять последствия. Первое спасало людей. Второе делало отчёт красивым.

— И кто из них начал подменять людей манекенами?

— Как всегда, бухгалтерия.

Лика сидела на соседней скамье, глядя на свои ботинки. На её левом шнурке болтался маленький бумажный ярлычок. Раньше его не было.

Я наклонился.

На ярлычке стоял номер: 0004.

— Лика, можно?

Она подняла ногу. Я осторожно коснулся ярлычка. Бумага оказалась тёплой, словно её только вынули из принтера.

— Это именная бирка? — спросил я.

— Нет. Порядковая.

— Порядок чего?

— Того, кого заберут, если вы не успеете.

Я хотел сорвать ярлычок, но она схватила меня за руку.

— Не надо. Если оторвёте, появится другой. Только у кого-нибудь ещё.

Я отпустил её шнурок.

Несколько секунд я смотрел на собственные ладони. На правой всё ещё оставалась бледная печать «ПОЛУЧЕНО». Она уже не болела. Может быть, потому, что моё тело начало

привыкать к мысли, что мне не принадлежит.

За окнами наконец перестали мелькать чужие квартиры. Трамвай вошёл в широкий туннель, освещённый белыми лампами. На стене появилось огромное слово «ПРИЁМНАЯ».

Ниже мелкими буквами было написано: «Просим не опаздывать. Смерть уже произошла».

#

Зал ожидания Отдела принятых смертей был удивительно похож на обычную районную поликлинику.

Те же пластмассовые стулья. Те же люди с уставшими глазами. Тот же автомат с талонами, над которым висела табличка «БЕЗ ОЧЕРЕДИ НЕ ПРИНИМАЕМ». Только над окошками вместо фамилий врачей светились даты.

В ближайшем было написано: «ВЧЕРА».

В следующем: «СЕГОДНЯ».

В третьем: «ЕЩЁ НЕТ».

Я задержался перед четвёртым окошком. На стекле висела чёрная бумажная полоска. Под ней виднелась надпись «НИКОГДА».

К этому окошку очереди не было.

— Туда не подходи, — сказала Агния Павловна.

— Я просто посмотрел.

— Я тоже когда-то просто посмотрела. Теперь постоянно

ношу чайник. Долгая история.

Мы обошли зал вдоль стены. Над каждой скамейкой мерцала лампа. Под некоторыми сидели люди, которых освещало только наполовину. У одной женщины была видна лишь левая сторона лица. Парень возле неё держал на коленях букет, но от самих цветов оставались одни тени. Никто не обращал на нас внимания.

В дальнем конце мужчина пытался убедить служащую в окошке, что его жена ещё жива.

— Она позвонила мне утром, — говорил он. — Я слышал её голос.

— Звонок зарегистрирован вчера, — отвечала служащая. — Голос был вчерашний.

— Но я слышал его сегодня!

— Это уже претензия к вашему слуху.

Он опустил голову и тихо заплакал.

Я вдруг понял, почему Агния Павловна принесла с собой чайник. Среди всей этой мертвенно чистой бюрократии он был единственной вещью, с которой можно было сделать что-то человеческое. Налить воду. Подождать. Спросить, не замёрз ли кто-нибудь.

Марта остановилась у автомата с талонами. На экране светилось: «ВЫБЕРИТЕ ПРИЧИНУ ОБРАЩЕНИЯ».

Ниже были кнопки: «УМЕР», «НЕ УМЕР», «НЕ СОГЛАСЕН».

— Не согласен, — сказал Фима. — Универсальная при-

чина. Можно даже не уточнять с чем.

Я нажал третью кнопку.

Экран погас. Потом загорелась строка:

«ЗАЯВИТЕЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕН».

И ещё одна:

«ПРИ ОТСУТСТВИИ ЗАЯВИТЕЛЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРОВОДИТСЯ».

— Я же говорила, — произнесла Агния Павловна. — Тебя не обслужат.

Я нажал кнопку снова. И снова. На четвёртый раз автомат выплюнул длинную ленту бумаги. Я успел обрадоваться, пока не увидел, что на ленте напечатано:

«ПРОСЬБА ПРЕКРАТИТЬ».

— Даже смерть не любит настойчивых клиентов, — заметил Фима.

Марта прошла к окошку «СЕГОДНЯ» и предъявила жетон. Служащая за стеклом улыбнулась ей профессиональной улыбкой человека, которого этому обучили в тринадцати разных версиях мира.

— Ваш вопрос?

— Хочу зарегистрировать возражение по акту номер ноль.

Улыбка исчезла.

— Ваша компетенция не позволяет оспаривать первичные поправки.

— Тогда как представитель свидетеля.

— Представительство допустимо только для существую-

щих лиц.

— Ребёнок существует.

— Она не ребёнок.

Марта медленно положила ладонь на стекло.

— Повтори.

Служащая смотрела в монитор.

— Объект категории «носитель». Личный возраст нестабилен. Родительская принадлежность не определена. Передача в архив согласована.

— Кем?

— Составителем, — ответила служащая и повернула монитор к нам.

На экране была моя подпись.

Не та, которую я поставил бы сегодня. Я так подписывался в девятнадцать лет: слишком длинная первая буква, кривое подчеркивание, и точка там, где она была не нужна.

Я застыл.

— Сначала они предъявили мне подписанный акт, — сказал я. — Теперь согласие на передачу ребёнка. Объясните, когда я успел всё это оформить.

— Вы можете ознакомиться с историей обращений, — любезно ответила служащая, — если подтвердите свою личность.

Фима негромко ударился лбом о стекло соседнего окошка.

— Идеальный механизм, — простонал он. — Ненавижу,

когда мне хочется его похвалить.

Внутри папки снова шелестнули страницы.

Времени до первого взыскания оставалось чуть больше двадцати двух часов. Но Лика вдруг вскрикнула, и я увидел, что бирка на её шнурке стала ярко-белой.

«ПЕРЕДАЧА РАЗРЕШЕНА».

Из-под соседней скамейки показались тонкие бумажные полосы. Они поползли к девочке по плиточному полу, ловко огибая ноги людей. Один кусок бумаги обвился вокруг её ботинка.

— Марта! — крикнул я.

Она схватила Лику за руку, но пальцы девочки начали становиться прозрачными. Не вся девочка — пока только кончики пальцев, как у снимка, который забыли проявить до конца.



В дальнем конце зала одновременно открылись три двери.

Вошли люди в белых плащах. Седая женщина, с которой Марта дралась в депо, и две фигуры с одинаковыми пустыми глазами. Моего отца среди них не было.

— Передача свидетеля проводится отдельно от взыскания, — объявила женщина. — Не препятствуйте.

Марта выдернула дубинку.

— Фима, держи ребёнка.

— С удовольствием. А остальные сорок человек тут держат равновесие?

Бумажные полосы добрались до ног Лики и потянулись

выше.

Я внезапно вспомнил, как в детстве отец учил меня читать строительные сметы. Он выкладывал на кухонный стол две одинаковые ведомости и просил найти расхождения. «Если цифры сходятся, а здание падает, — говорил он, — значит, тебе наврали не в цифрах. Тебе наврали в том, что именно считают».

Всю дорогу я думал, как доказать, что у нас не четыре смерти.

Теперь понял, что задача другая.

Нужно выяснить, почему они вообще имеют право назвать четвёртый пункт смертью.

Я кинулся к автомату, сорвал с него ленту и развернул на полу кальку с отпечатком первоначального акта.

— Нельзя! — резко сказала Агния Павловна. — Не открывай первичное событие в зале!

— А у нас есть зал получше?

Я поднёс кальку к окошку.

— Зарегистрируйте ошибку классификации.

Служащая даже не подняла головы.

— Заявитель не установлен.

— Я не подаю заявление от себя. Я сообщаю о нарушении самой ведомости.

— Нужна подпись ответственного сотрудника.

— Кто ответственный?

— Составитель.

— Его нет, — сказал я. — Вы только что установили это своим автоматом.

Служащая подняла голову.

Я положил перед ней акт.

— Значит, первичный документ сейчас бесхозный. Пункт три — смерть троих сотрудников. Пункт четыре — передача свидетеля. Покажите основание, по которому вторую операцию включили в задолженность по смертям.

Служащая машинально потянулась к кальке и остановилась, словно бумага внезапно стала горячей.

— Основание содержится в приложении восемь.

— Предъявите.

— Приложение доступно только составителю.

— Составителя нет. Тогда оно не может быть применено к заявителю, которого тоже нет.

Женщина в белом плаще быстро пошла к нам. Марта преградила ей путь.

— Не пропущу, — сказала она.

— Ваше сопротивление будет учтено.

— Учитывайте двумя экземплярами. Я работаю в государственном ведомстве, у меня тоже любимая игра — заполнять бумагу.

Она ударила.

Дубинка прошла сквозь раскрытую белую папку, оставив в воздухе светящийся шов. Вокруг шва побежали крошечные буквы. Женщина попыталась сомкнуть страницы, но

Марта повернула рукоять, словно закручивая трещину в стене. Белая папка раскрылась сильнее, чем позволял корешок. Внутри захрустело.

Лика схватилась за горло.

Я увидел, что бумаги у неё под ногами начинают сворачиваться в трубки. Девочку тянуло к полу. Фима держал её за плечи, будто пытался удержать ребёнка на краю невидимого колодца.

— Кирилл! — крикнул он. — Не знаю, сколько осталось!

Я развернул кальку к служащей.

— У вас есть процедура, — сказал я. — И у меня есть факт. Его неверно учли. Вы не обязаны мне помогать. Вы обязаны исправить собственную ошибку.

Служащая прочла строки.

Первую.

Вторую.

Третью.

На четвёртой её улыбка медленно исчезла. Она повернулась к экрану, быстро набрала несколько символов, сверилась с листом и снова посмотрела на меня.

— Операция «передача в архив» не относится к смертям, — произнесла она.

— Именно.

— Но включает прекращение самостоятельного статуса свидетеля.

— Это не то же самое, что остановка сердца.

Служащая замерла. Её пальцы застыли над клавишами. Затем она нажала одну кнопку.

По всему залу раздался мягкий звон — будто кто-то зацепил ложкой бокал.

На табло над окошком «СЕГОДНЯ» вспыхнуло красное сообщение:

«ОБНАРУЖЕНО РАСХОЖДЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ».

«ПРИОСТАНОВИТЬ СВЯЗАННЫЕ ОПЕРАЦИИ ДО СВЕРКИ».

Бумажные полосы на полу окаменели.

На секунду я решил, что всё кончилось.

Потом они рассыпались серым пеплом.

Фима отшатнулся, а Лика обмякла у него в руках. Она была живой. Дышала. Её пальцы снова стали обычными. Белый ярлык исчез с ботинка.

— Зафиксировано, — спокойно сказала служащая. — Ошибка в сумме долга подтверждена. Три смерти. Одна архивная передача. Передача отложена до завершения разбирательства.

Я выдохнул. Слова вышли из меня вместе с воздухом.

— Как долго идёт разбирательство?

— Максимум двенадцать часов. Следующее заседание в шестнадцать ноль-ноль.

— Где?

— Здесь.

— А если мы не придём?

— Решение будет принято без вас.

Я посмотрел на часы над окошком.

06:02.

Вне Отдела до этого времени оставалось больше часа. Здесь ночь закончилась, пока мы спорили. И я не мог решить, украли ли у нас время или просто впервые показали правильное.

Марта опустила дубинку. Женщина в белом стояла неподвижно, почти улыбаясь. Как человек, которому только что помешали забрать кошелёк, зато в кармане нашёлся запасной.

— Вы добились временной задержки, — сказала она. — Поздравляю. У нас есть и другие процедуры.

— Я начинаю подозревать, что у вас нет других развлечений, — ответил я.

Она повернула ко мне белую папку.

— Временное постановление в вашем деле уже выдано. Взыскание по трём физическим смертям остаётся в силе. А передача свидетеля приостановлена при условии сохранения его доступности для разбирательства.

— По-человечески?

— Не прячьте девочку.

— Спасибо. Не было ни одного дня, когда я хотел бы спрятать девочку от вас сильнее.

Женщина задержала на мне взгляд. Затем положила папку

под руку и пошла к выходу.

Две фигуры последовали за ней. Когда они прошли мимо окошка «НИКОГДА», стекло на миг покрылось изнутри детскими ладонями.

Я решил, что это ещё одна из тех вещей, о которых лучше спросить позже.

#

Агния Павловна усадила Лику на скамью и накрыла её своим халатом. Девочка была бледна, но уже держала в руках бумажный стаканчик с водой.

— Всё равно он вас обманул, — тихо сказала она.

— Кто? — спросил я.

Она кивнула на серую папку.

После решения Отдела надписи в ней изменились:

«Успешная правка: 1».

«Смертей к взысканию: 3».

«Архивных передач: 1 (приостановлено)».

«До первого взыскания: 21 час 48 минут 11 секунд».

Я смотрел на три смерти и не чувствовал победы. Мы спасли Лику от немедленной передачи, но завтра в то же время мир снова придёт за чьей-то жизнью. И если не найду новый ответ, наш сегодняшний успех превратится в красивое примечание к чьему-то некрологу.

— По крайней мере, одну ошибку исправили, — сказал

Фима.

— Ошибку в отчёте, — возразила Лика. — Не там, где всё началось.

— А где всё началось? — спросил я.

Она опустила глаза.

— Вы так часто спрашиваете. Я боюсь, что когда-нибудь отвечу.

Марта подошла к нам, придерживая правую руку. Синие буквы на коже постепенно бледнели, но под ними оставался отпечаток чьей-то ладони. Совсем небольшой, детский.

— Старуха сказала, в центральном архиве хранятся оригиналы незакрытых дел, — произнесла она. — Если твоё имя удалили, должен быть документ, из которого его удалили первым. Найдём его — поймём, кто дал согласие вместо тебя.

— Куда идти?

Агния Павловна развернула на скамье жестяную коробку. На дне лежала тонкая карточка с надписью «ДЕЛА ПЕРВИЧНОГО ПРИНЯТИЯ». Под ней шли номера шкафов и даты.

— Раньше копии были здесь, — сказала она. — Сейчас всё перенесли в закрытый сектор. Я могу провести вас к выдаче одного дела. Только одного: следующий запрос вас заметят.

— Дело по Мельничной? — спросила Марта.

— Нет. Оно слишком свежее. Идите к корню.

Старуха ткнула пальцем в последнюю строчку карточки.

«12 ноября 2006 года. Ардин».

Я почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

— Это дата смерти моего отца.

Агния Павловна не спросила ни имени, ни отчества. Ей и не требовалось.

— Тогда, — сказала она, — вам особенно полезно будет посмотреть, кто именно там умер.

Мы прошли через узкий коридор. За дверью, обитой тёмной тканью, находилась маленькая комната с одним столом и металлическим шкафом. На полу лежал толстый слой пыли, но стул перед столом был чистым. Словно кто-то приходил сюда каждый день и никогда не задерживался.

Агния Павловна открыла шкаф ключом, который висел у неё на шее. Внутри было несколько сотен одинаковых конвертов.

Она достала один и положила его передо мной.

На обложке напечатали: «АРДИН. ДЕЛО О ПЕРВИЧНОМ ПРИНЯТИИ».

Ниже — дата, двадцать лет назад.

Я разорвал край конверта.

Внутри лежала фотография. На ней был мальчик девяти лет, в школьной форме, с нелепой чёлкой и отсутствующим передним зубом. Рядом с его плечом кто-то положил синюю машинку.

Мою машинку.

Я помнил её. Мне подарил её отец в день, когда я впервые научился кататься на велосипеде. На фотографии она стояла на крышке деревянного гроба.

На секунду стены комнаты будто повернулись вокруг меня.

Я перевернул фотографию.

На обороте было написано: «Удостоверение личности покойного».

— Это ошибка, — сказал я.

Никто не ответил.

Я вытащил следующий лист.

Свидетельство о смерти. Герб Северина. Дата — двенадцатое ноября две тысячи шестого года.

«Фамилия: Ардин».

«Имя: Кирилл».

«Возраст: 9 лет».

«Причина смерти: первичное принятие».

У меня похолодели пальцы.

— Я хоронил отца, — произнёс я. — У нас был закрытый гроб. Мама говорила, что мне лучше не смотреть. Я помню кладбище. Я стоял под зонтом, у меня промокли ботинки, я потом три дня болел. Я помню всё.

Агния Павловна смотрела на меня без жалости — и от этого было только страшнее.

— Значит, кто-то очень старательно сделал так, чтобы ты помнил.

Я вынул последний лист.

Там была графа: «Принял смерть вместо несовершеннолетнего».

Я думал, что увижу имя отца. Его подпись. Доказательство того, что он каким-то образом вытащил меня из гроба и оставил жить, пока сам исчезал из мира.

Но в графе стояло другое.

«Отказано в замене. Смерть принята без передачи».

Ниже, в поле «Свидетель первичного события», аккуратным детским почерком было написано одно слово:

«Лика».

Я медленно поднял голову.

Девочка стояла в дверях.

Красный пуховик, мокрые волосы, растерянные глаза. На вид десять лет. Не одиннадцать. Не двадцать девять. Не столько, сколько ей должно было быть, если она присутствовала на моих похоронах двадцать лет назад.

Она смотрела не на свидетельство, а на меня.

— Ты была там, — сказал я.

Лика молчала.

— На моих похоронах. Ты помнишь их?

— Помню, — прошептала она.

— Кто лежал в гробу?

Она посмотрела на фотографию.

— Вы.

— Тогда кто перед тобой?

Девочка открыла рот, но ответа не последовало.

Вместо неё ответил голос из-за моей спины.

— Человек, которому я двадцать лет не позволял узнать правду.

Я обернулся.

В дверях стоял мой отец.

В светлом плаще. С белой папкой под мышкой. С тем самым лицом, которое каждую годовщину его смерти я пытался вспомнить точнее и всегда безуспешно.

Он закрыл за собой дверь.

— Кирилл, — сказал он, — если хочешь прожить дольше завтрашнего утра, не позволяй им считать тебя живым.

Глава третья
Рынок вчерашних дней

#

У мёртвого отца имелось два очевидных преимущества перед живым.

Во-первых, он не старел.

Во-вторых, мог говорить вещи, за которые живому отцу пришлось бы долго извиняться.

— Не позволяй им считать тебя живым, — повторил он.

Я посмотрел на свидетельство о собственной смерти, потом на его белую папку.

— Отлично. Тогда начнём с простого. Кто из нас двоих здесь покойник?

Отец не улыбнулся.

Он вообще мало изменился за двадцать лет. Короткие тёмные волосы, едва заметная седина у виска, чуть кривой нос. В моём последнем настоящем воспоминании ему было тридцать восемь. Мужчине передо мной тоже выглядело около сорока. Только руки стали другими: большие пальцы обтянуты тонкими белыми полосками, будто он годами сдирал с них кожу вместе с отпечатками.

— Не отвечай ни на один вопрос, в котором есть слово «живой», — произнёс он. — Даже если спрашиваю я.

— А на вопросы про здравый смысл отвечать можно? Я как раз собирался задать несколько.

Марта шагнула между нами. Дубинка осталась у неё на поясе, но рукоять она уже держала.

— Представьтесь.

— Николай Ардин.

— Сотрудник какого отдела?

Отец опустил взгляд на её правое запястье. Там под кожей виднелся отпечаток маленькой ладони, оставленный белой папкой во время ночного нападения.

— Пока ещё вашего, — ответил он.

Марта не любила такие ответы. Я тоже. Но она хотя бы могла бить их авторов.

— С какой целью вошли в закрытый архив?

— Чтобы у моего сына осталось время.

— На что?

— На доказательство того, что он умер правильно.

Фима выдохнул через нос.

— В этой семье дни рождения, я смотрю, отмечают с размахом.

Лика стояла у стеллажа, обхватив себя за плечи. Она смотрела на отца с таким выражением, будто узнала знакомую мелодию, сыгранную неправильным инструментом.

— Ты его видела раньше? — тихо спросил я.

— Его — да. Таким — нет.

— Каким ещё бывает мой отец?

— Иногда добрым.

Отец вздрогнул. Совсем чуть-чуть. Будь я не его сыном, не заметил бы.

Агния Павловна быстро закрыла металлический шкаф.

— Нам надо уходить, — сказала она. — Сектор выдачи фиксирует присутствие спустя три минуты. Если система увидит два дела Ардина в одной комнате, она вызовет сверку.

— Здесь только одно дело, — сказал я.

— Тогда почему, по-твоему, у него в руках папка?

Отец прижал белую папку к груди. На её корешке была узкая синяя полоса, почти такая же, как на игрушечной машинке с фотографии.

Я хотел вырвать её у него. Хотел схватить за воротник, спросить, где он был все эти годы, почему мать не рассказывала правду, почему я помню его похороны, почему у мальчика в гробу моё лицо.

Но отец смотрел не на меня.

Он смотрел на часы над дверью.

Они показывали 06:02.

Секундная стрелка не двигалась.

— Ты с детства проверял выводы, — сказал отец. — Проверь и это. Если признать, что ты жив, придётся объяснить, кто умер двенадцатого ноября две тысячи шестого года. От-

дел не терпит незакрытых смертей. Он откроет старый счёт раньше нового.

— Старый счёт?

— Тот, который я удерживал двадцать лет.

— Так это ты удерживал? Звучит как повод наконец выдать премию «Отец года». Посмертно, разумеется.

На его лице что-то дрогнуло.

— Ты имеешь право меня ненавидеть.

— Спасибо за разрешение. Оно с печатью или устное?

— Кирилл, — вмешалась Марта, — не сейчас.

Я стиснул зубы. Она была права, и это особенно раздражало.

За дверью щёлкнул замок.

Из коридора донёсся вежливый голос:

— Контроль присутствия. Всем находящимся в помещении просьба подтвердить жизненный статус.

Мой отец побледнел.

Точнее, с его лица исчез цвет, которого там, наверное, и так не должно было быть.

— Не отвечать, — произнёс он.

— Подтвердите, пожалуйста: вы живы? — повторил голос.

На белой двери появилась выпуклость, похожая на отпечаток ладони с внутренней стороны. Потом ещё одна. И ещё.

— У меня встречный вопрос, — сказал Фима. — А вы?

Ладони застыли.

— Статус проверяющего не относится к предмету проверки.

— Вот! — обрадовался Фима. — Могу взять этот ответ себе?

Агния оттолкнула металлический стеллаж от стены. За ним обнаружилась узкая ниша, пахнущая мокрой известью. Внизу темнело отверстие вентиляционной шахты.

— Там лестница к наружному выходу. По одному.

— Вы постоянно ходите через вентиляцию? — спросил я.

— Только в те дни, когда у дверей собираются люди, которых я уже пережила.

Марта первой подсадила Лику. Фима отправился следом, обвязав девочку ремнём от сумки. Затем полезла Агния.

Отец задержал меня за локоть.

От его пальцев исходил холод, но обычный — такой бывает у человека, стоявшего на ветру. Не тот мёртвый холод, который я почувствовал на Мельничной.

— В девять тридцать Бехтерева должна быть на слушании, — сказал он.

— Про гараж? Откуда ты знаешь?

— Потому что гараж существовал. Вчера. В те времена, когда вчера ещё можно было хранить в гаражах.

Он вложил мне в ладонь маленькую медную шайбу. По краю шёл стёртый штамп: «7».

— Не трать её на воспоминание, — прошептал отец. — Купи то, что никто не может изменить: подтверждение пер-

вой сделки. И не продавай своё детство, что бы тебе ни предлагали.

Из-за двери раздалось:

— Последнее предупреждение. Неответ будет расценен как временный отказ от статуса.

— Меня устраивает, — сказал я.

Под дверью просунулась тонкая полоска бумаги. На ней, как на термометре, поднималась синяя черта.

— Кирилл. Уходи.

— А ты?

— Я давно здесь.

Он легонько подтолкнул меня к шахте.

Я успел увидеть, как отец открыл свою белую папку на пустой странице и произнёс в сторону двери:

— По Ардину возражение. Сначала установите, кто из нас был заявителем.

Снаружи раздался звук ломающегося стекла. Потом кто-то очень тихо закричал голосом девятилетнего мальчика.

Я полез вниз.

#

Снаружи было утро.

Не условное утро, которое показывали часы Отдела. Настоящее: мокрые бордюры, автобусы, усталые люди с бумажными стаканами, запах хлеба из пекарни напротив. Небо над

Северином выглядело так, словно кто-то всю ночь пытался отстирать его от копоти и под конец махнул рукой.

Часы на аптеке показывали 07:18.

У меня украли почти час. Или подарили. С трамваями, архивами и собственными похоронами я перестал разбираться, что в этом городе считается убытком.

Мы вышли через дверь для персонала старого районного морга. Над входом висела свежая табличка «МУНИЦИПАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ». Ниже красовалась наклейка: «У НАС НИЧЕГО НЕ ПРОПАДАЕТ».

— Оптимистично, — заметил Фима. — Особенно для клиентов.

Марта прислонилась к кирпичной стене, глядя на запястье.

— Знак снова горячий.

Я протянул руку. Маленький отпечаток был вдавлен в кожу, словно на неё положили невидимый штамп. В самом центре ладони появилась крохотная чёрная точка.

— После папки он был синий, — сказал я.

— Я заметила. Это моя рука.

— Больно?

— Нет. Хуже. Кажется, что кто-то держит меня за палец.

Лика подошла ближе и протянула свою ладонь. Она не прикоснулась к Марте. Просто сравнила размеры.

Отпечаток на запястье был меньше.

— Не мой, — произнесла девочка.

— Уверена? — спросил я.

— Сегодня — да.

Этот ответ не понравился никому.

Агния Павловна достала из кармана металлические жетоны. Жетон «ОСПОРЕНО» потемнел по краю.

— К шестнадцати часам нам потребуется не ещё одно объяснение, а подлинное основание, — сказала она. — Иначе Отдел снимет приостановку с девочки. История с тремя смертями останется отдельно.

Я раскрыл серую папку.

«Успешных правок: 1».

«Физических смертей к взысканию: 3».

«Архивных передач: 1 (приостановлено)».

«До первого взыскания: 20 часов 32 минуты 08 секунд».

Ни одна цифра не уменьшилась ради нашего удобства. Хорошо хоть не прибавили за парковку.

— Куда нас отправил Николай? — спросила Марта.

Я показал медную шайбу.

Агния изменилась в лице. Старухе будто вдруг стало холодно, хотя на ней было два свитера и халат поверх пальто.

— Я не просила его вмешиваться.

— Он вмешался в моё детство двадцать лет назад. Ему, наверное, понравилось.

— Эта шайба — пропуск на Рынок вчерашних дней.

— Я думал, это такая старая толкучка, — признался Фима. — Где продают куртки, проигрыватели и сомнения в соб-

ственной молодости.

— Почти. Только молодость там действительно можно продать.

Марта бросила взгляд на девочку.

— Нет.

— Мы ещё не спросили, — сказал я.

— Я уже ответила.

Агния посмотрела на бумагу в моей руке.

— Когда-то туда свозили оставшиеся после поправок свидетельства. Фотографии, не успевшие измениться. Письма, которые уже отправили не тем людям. Воспоминания. Потом решили, что за этим надо следить. Потом решили, что удобнее обложить налогом. Так и появился рынок.

— Кто решил? — спросил я.

— Те, кто всегда решает, когда появляется способ на что-то заработать.

Она вернула жетоны в карман.

— Там можно получить копию первичной сделки от двенадцатого ноября две тысячи шестого. Если она была. Но цену назначает продавец, и цена никогда не выглядит страшной до уплаты.

Я покрутил шайбу между пальцами.

С одной стороны была семёрка. С другой — едва различимые буквы: «ГАР.».

— Гараж номер семь, — сказал я.

Марта медленно выпрямилась.

— Дело о несуществующем гараже.

Она вытащила из внутреннего кармана сложенную повестку. Я видел её в первые минуты вылазки на Мельничную: тогда Марта поминала суд так, как другие люди поминают родственников, нежданно приехавших с чемоданами.

«Личное присутствие свидетеля Бехтеревой М. А. обязательно».

«09:30. Районный суд № 4».

«Объект: гаражный бокс № 7. Предмет спора: подтверждение отсутствия объекта».

— Я не подавала никакого заявления, — сказала Марта. — Меня вызвали как единственного свидетеля. А гаража нет. На кадастровом плане чистое поле.

Агния посмотрела на неё внимательнее обычного.

— Когда пришла повестка?

— Два дня назад.

— Каким числом?

— Десятым ноября.

— Не датой вручения. Каким числом подписан вызов?

Марта развернула бумагу.

Под печатью стояло: «13 ноября».

Завтра.

Я не поверил глазам и проверил ещё раз. Цифры не изменились.

— Суд приглашает тебя вчера на завтра, — сказал Фима. — Ну наконец-то мои налоги идут на интересные вещи.

— Здесь не ошибка, — произнесла Агния. — Подпись сделана из того дня, который ещё не наступил.

Марта сложила повестку очень аккуратно.

— Значит, я приду в девять тридцать. И пусть кто-нибудь попробует объяснить, что меня не приглашали.

Она говорила тихо. Именно поэтому никто не стал спорить.

#

До суда оставалось чуть больше двух часов.

За это время мы успели совершить три поступка, которые я ещё месяц назад счёл бы подозрительными: позавтракать в привокзальном буфете за счёт Фимы, оставить служебный фургон в подземной стоянке без предъявления моего пропуска и купить Лике перчатки.

Перчатки были зелёные, с медведями.

— Красные закончились, — оправдывался Фима.

— Я не просила красные, — сказала Лика.

— Ну вот. Первая хорошая новость за ночь.

Она натянула перчатки и впервые за несколько часов улыбнулась по-настоящему.

Я поймал себя на том, что пытаюсь запомнить этот момент с нелепой тщательностью: как от её дыхания запотело стекло буфета; как медведь на правой варежке оказался с пришитым набок ухом; как Фима сделал вид, что не заметил её

улыбки.

Наверное, после слов «можно продать молодость» начинаешь иначе относиться к мелочам.

У соседнего столика кто-то спорил о коммунальных тарифах. Женщина ругала мужа за то, что он забыл вынести мусор. Мальчик в школьной форме с трудом открывал пакетик с сахаром. Весь обычный мир продолжался так уверенно, будто под ним не работал отдел приёма смертей.

— Подожди, — сказала Марта, когда я потянулся к выходу. — У тебя уголок рта в крови.

Я провёл пальцем по губе. Кровь действительно была.

— Прикусил во сне?

— Ты не спал.

— Тогда во время бодрствования. У меня насыщенный график.

Она дала мне салфетку. В её взгляде на секунду появилось что-то другое — не командирское. Усталость человека, который слишком долго считает чужие травмы, потому что свои считать некогда.

— Ты можешь не идти, — сказала она. — На суд. И дальше.

— Могу. Но тогда единственный человек, который знает, сколько мне ещё разрешено умереть, останется снаружи.

— Я серьёзно, Кирилл.

— Я тоже.

Она хотела возразить, но Лика вдруг сняла одну зелёную

варежку и взяла Марту за рукав.

— Можно я пойду с вами?

Марта присела перед ней.

— Ты уже идёшь с нами.

— Нет. Я спросила по-настоящему. Чтобы вы потом не говорили, что меня привели.

Марта ответила не сразу.

— Можно. Но держись рядом с Фимой.

— Я умею убегать.

— Вот это меня и беспокоит.

Я закрыл папку.

Мне вспомнились слова отца: «Не продавай своё детство».

Он сказал это так, словно уже видел цену.

Возможно, он когда-то заплатил её за меня.

Проблема была в том, что я пока не знал, хочу ли узнать за что.

#

Районный суд № 4 располагался в здании бывшей музыкальной школы. На фасаде до сих пор проступали контуры нотного стана, а перед входом стояла гипсовая женщина без головы, державшая над пустотой скрипку.

Внутри пахло мокрыми пальто, мелом и канцелярским страхом.

У рамки металлоискателя пристав попросил предъявить документы.

Марта показала служебное удостоверение. Фима показал удостоверение, а заодно какой-то ремонтный талон, который постоянно использовал вместо пропуска. Агния предъявила старенькую карточку со своей фотографией — на ней девушка с косой была моложе почти на пятьдесят лет.

Пристав проверил карточку, пожал плечами и пропустил её.

Я протянул паспорт.

Пластик под пальцами стал гладким. Под фотографией осталась белая пустота.

— Документ повреждён, — заметил пристав.

— Бывает. Неприятности на производстве.

— Фамилия?

— Вы не поверите.

— Пройдите в сторону.

Марта вернулась, что-то сказала ему на ухо и сунула повестку. Пристав прочитал, заглянул в свой журнал, затем внимательно посмотрел на меня.

— Проходите с сопровождающим, — сказал он.

— Спасибо.

— Но если внутри выяснится, что вас нет, вернитесь.

— Обязательно. Отсутствующим у нас положен отдельный выход?

Пристав показал на дверь пожарной лестницы. Я решил,

что он шутит. Уверенности не было.

В девять двадцать девять нас пригласили в зал № 7.

Судебная комната была маленькой. Три ряда стульев, длинный стол, герб над креслом судьи и окно, за которым виднелся пустырь. Ни одного гаража. Только мокрый гравий и куст сирени у покосившегося забора.

За столом заявителя сидел человек в сером костюме. Его манжеты были застёгнуты золотыми запонками в форме дверных петель. Рядом лежала папка с серебряной надписью «ОТЧУЖДЕНИЕ».

Я узнал его не сразу. На Мельничной похожую папку носил ревизор, только серая. Здесь бумага была совершенно обычной. От этого легче не становилось.

— Вы сторона заявителя? — спросила Марта.

— Представитель собственника, — ответил мужчина.

— Кого именно?

— Того, у кого вчера был гараж.

— Имя собственника.

Он улыбнулся.

— После установления факта отсутствия имя будет исключено из предмета спора.

Марта села напротив.

— Прекрасно. Адвокат, который заранее готовит заключительную часть. Экономите время всем присутствующим.

В дверях появилась судья — обычная женщина лет пятидесяти с усталыми глазами и карандашом за ухом. На первый

взгляд в ней не было ничего странного. Я даже почувствовал облегчение.

Потом заметил, что за её спиной висит второе расписание заседаний.

На первом было написано «12 ноября».

На втором — «13 ноября».

И названия дел полностью совпадали.

— Прошу садиться, — сказала судья. — Рассматривается заявление о признании несуществования гаражного бокса номер семь с момента первичной регистрации. Представитель заявителя присутствует. Свидетель Бехтерева?

— Здесь.

— Вы видели данный объект в последние двенадцать месяцев?

Марта посмотрела в окно.

— На этом месте был бетонный фундамент. Два месяца назад его убрали коммунальные службы. Самого гаража я не видела.

Адвокат с золотыми петлями оживился.

— То есть подтверждаете, что гаража не существовало?

— Нет. Подтверждаю, что лично не видела его.

— Это одно и то же.

— Для вас, возможно. Для протокола — нет.

Судья подняла голову.

— Представитель заявителя, не перебивайте.

Фима едва заметно показал мне большой палец.

— Ваша честь, — сказал адвокат, — прошу приобщить выписку из реестра. Согласно выписке, бокса номер семь на указанном участке не было никогда. Ни вчера, ни двадцать лет назад, ни в любой иной допустимый период.

Он протянул документ секретарю.

Я услышал сухой хруст.

Это хрустнула бумага в моей серой папке.

На её первой странице сам собой появился новый пункт: «ОБЪЕКТ № 7. ОТСУТСТВИЕ УСТАНОВЛЕНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО».

— Марта, — прошептал я, — если они получат решение, мы не найдём рынок.

Она кивнула, не оборачиваясь.

Судья читала выписку. В обычном судебном документе не было ничего необычного, если не считать одного обстоятельства: цифры в строке «дата составления» медленно ползли от двенадцатого к тринадцатому ноября.

— У меня вопрос, — сказала Марта. — Почему выписка оформлена завтра?

— Техническая ошибка, — быстро ответил адвокат.

— Тогда прошу проверить.

— Это несущественно.

— Я свидетель. Для меня существенно, когда именно вы собираетесь объявить, что я ничего не видела.

Судья сняла очки и взглянула на бумагу.

— Представитель, вы представили документ, датирован-

ный будущим числом.

— Выписка предварительная.

— Выдача предварительных документов будущим числом не предусмотрена.

— Прошу внести замечание в протокол.

— Внесём. Итак, — сказала судья, — у нас нет основания считать, что объект никогда не существовал.

Адвокат медленно улыбнулся.

— Тогда прошу вызвать второго свидетеля.

Он кивнул в мою сторону.

У меня похолодел живот.

— Кирилл Ардин, — произнёс адвокат. — Подтвердите, что на указанном месте гаража никогда не было и что вы лично присутствуете на данном заседании.

Последние слова прозвучали слишком отчётливо.

В кармане нагрелась медная шайба.

— Вы не заявили второго свидетеля, — заметила судья.

— Он здесь.

— Это не основание.

— Он может сообщить суду, жив ли он в настоящий момент.

Теперь я понял.

Гараж был приманкой. Суд — способом получить официальный ответ о моём существовании. Подпись под протоколом превратила бы меня из юридической пустоты в человека, умершего двадцать лет назад. Что случилось бы с таким

человеком после сверки, отец объяснил достаточно ясно.

— Ваше предложение вообще не относится к предмету заседания, — произнёс я.

Адвокат перевёл на меня взгляд.

— Вы отрицаете, что находитесь в зале?

— Не отрицаю вашего желания услышать от меня такую фразу.

— Вы живы, господин Ардин?

Марта резко встала.

— Возражаю против вопроса свидетелю, чьи личность и процессуальный статус не установлены.

— Но вы же называете его по имени, — сказал адвокат.

— Я много кого называю. В частности, вас сейчас могу назвать идиотом. Это не станет судебной экспертизой.

Секретарь кашлянула, пряча улыбку.

Судья ударила карандашом о стол.

— Достаточно. Господин представитель, вопрос не относится к делу. Второй свидетель не вызывается.

Адвокат разжал пальцы. На запонках тихо щёлкнули дверные петли.

— В таком случае суду придётся отложить рассмотрение до появления подлинного исходного свидетельства.

— Верно, — сказала судья. — Срок представления — сегодня, шестнадцать ноль-ноль. Предварительное отсутствие объекта не установлено. Разбирательство приостанавливается.

Она поставила печать.

У меня в кармане медная шайба ожила. Не нагрелась — дёрнулась, будто под ней вдруг завёлось крошечное сердце.

На серой папке изменился текст:

«ОБЪЕКТ № 7. ОТСУТСТВИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО».

«ПЕРВИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ДОПУСТИМО К ИСТРЕБОВАНИЮ».

За окном пустырь дрогнул.

Прямоугольник мокрого гравия на секунду сделался тёмным, словно его накрыла крыша, которой там не было.

Адвокат поднялся, забрал серебряную папку и поклонился.

— Встретимся до шестнадцати, — пообещал он.

Марта даже не посмотрела на него.

— Надеюсь, нет.

Он прошёл мимо меня. От него пахло не одеколоном, а прогретой бумагой — как от принтера после длинной распечатки.

У самого выхода мужчина остановился.

— Ваш отец покупал на рынке очень дорогие вещи, — произнёс он так тихо, что услышал только я. — Ему всегда казалось, что расплачиваться будут другие.

Я успел повернуться.

Он уже вышел.

Судья смотрела на нас с раздражением человека, которому выпало разбирать чужую семейную драму между двумя

делами о парковке.

— Вы заинтересованы в этом гараже? — спросила она Марту.

— Теперь да.

— Тогда рекомендую найти чертёж. О фактическом наличии объекта спорить можно бесконечно. О несущих стенах — гораздо сложнее.

Я посмотрел на неё.

— Вы ведь понимаете, что здесь происходит?

Она осторожно убрала карандаш за ухо.

— Молодой человек, я работаю судьёй двадцать семь лет. Я давно перестала надеяться, что происходящее имеет смысл. Но протокол должен иметь.

#

Когда мы вышли из суда, гараж появился.

Точнее, он не появился на пустыре. Просто там, где секунду назад было мокрое поле, открылась узкая дверь из ржавого металла. Она стояла сама по себе, без стен и петель. На ней белой краской нарисовали цифру семь.

За дверью слышался шум толпы.

Агния Павловна изучила нашу копию судебного определения.

— Я думала, сюда придётся пробираться ночью, — призналась она.

— Я тоже, — сказал Фима. — Обычно в гаражах по ночам интереснее. Утром там только тоска и лопаты.

Марта взялась за ручку.

— Дверь откроется только при наличии основания, — предупредила Агния.

— У нас постановление суда.

— Это не всегда одно и то же.

— Сейчас проверим.

Она потянула дверь.

На этот раз за ней не было ни десятого этажа, ни тоннеля, ни белых папок.

Там оказался крытый рынок.

Высокая стеклянная галерея, словно сросшаяся из нескольких старых вокзалов. Чугунные фермы держали потолок. Из щелей падал утренний свет, который пахнул пылью и кофе. Вдоль проходов тянулись прилавки с часами, банками, перчатками, чёрно-белыми фотографиями и предметами, которые я не смог бы назвать, даже если бы их разрешили измерить.

Над входом мигала вывеска:

«РЫНОК ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ».

Чуть ниже мелким шрифтом:

«ПРОШЛОЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ. ОБМЕНУ ПОДЛЕЖАТ ТОЛЬКО ПРАВА НА ВОСПОМИНАНИЕ».

А под ней чья-то рука приписала фломастером:

«ЖАЛОБЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПОЗАВЧЕРА».

— Чувствую себя дома, — сказал Фима.

У турникета сидел крошечный старик в форменной фуражке кондуктора. Вместо билетного компостера у него было устройство, напоминавшее дырокол для кожи. Он проверял входящих, пробивая в бумажных билетах маленькие прямоугольники.

— Цель посещения? — спросил он.

— Истребование первичного свидетельства, — ответила Марта и показала судебную бумагу.

Старик прочитал, хмыкнул и протянул ей билет.

— Проходите. Не пробуйте бесплатные воспоминания. От них потом чешется совесть.

Фиме он выдал билет с пометкой «ТЕХНИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ». Агнии — «ВНЕШНИЙ КОНСУЛЬТАНТ». Лике долго не давал ничего, рассматривая её красный пуховик.

— Возраст?

— Сегодня десять, — ответила она.

— Завтра?

— Не знаю.

Старик почесал ухо.

— Несовершеннолетним запрещена самостоятельная торговля. Присмотр взрослого обязателен.

— Она со мной, — сказала Марта.

Лика не отпустила её руку.

Старик наконец протянул ей голубой билет и повернулся

ко мне.

— Фамилия?

— У меня нет действующего документа.

— Тогда товарный статус?

Я нахмурился.

— В смысле?

— Вы продавец, покупатель или товар?

Хороший вопрос. За последние несколько часов он занимал меня чаще, чем хотелось бы.

Я положил на стол медную шайбу.

Старик побледнел.

Он осторожно повернул её на ребро, увидел стёртые буквы и развернул билет другой стороной.

— Проходите без внесения в журнал, — тихо сказал он.

— Почему?

— Потому что тот, кто дал вам это, уже оплатил вход. Я не хочу ещё раз брать с него деньги.

— Когда оплатил?

Старик опустил глаза.

— В тот день, который вам продали.

Турникет щёлкнул.

Я прошёл вслед за остальными.

И только потом увидел, что мой билет остался чистым.

Не пустым — на нём была маленькая дырка ровно там, где у других значилось имя.

#

На первом прилавке продавали запахи.

Не духи. Именно запахи из чьего-то вчера: тёплый асфальт после июльского дождя, мокрую шерсть собаки, мандарины в новогодней сетке, краску в коридоре школы. Каждый хранился в маленьком запаянном пузырьке. Под пузырьками лежали карточки с именами и датами.



Мужчина в рабочей куртке держал пустой пузырёк и плакал. Продавщица терпеливо считала монеты.

— Вы же сами выбрали, — сказала она. — Запах её волос ушёл вместе с правом вспоминать. Теперь он принадлежит покупателю.

— Я знаю, — ответил мужчина. — Думал, будет легче.

— Легче не покупают. Легче здесь продают.

Мы прошли мимо.

На следующем прилавке торговали школьными каникулами. Не целым летом, как рекламировала вывеска, а только тем ощущением, когда впереди ещё три месяца и можно не торопиться. В очереди стояли взрослые мужчины с серыми лицами. Один из них, обняв коробку с купленной записью, улыбался так открыто, что я отвёл взгляд.

Через два ряда продавали «последний правильный ответ в споре с женой». Фима задержался, изучил цену и покачал головой.

— Дорого. Да и не было у меня такого.

— Дважды женат, — заметил я. — Должны быть хотя бы попытки.

— Были. Они ушли в счёт судебных расходов.

Рынок шумел, торговался, смеялся. Повсюду стояли старые лампы, телефонами звонили из годов, когда такие аппараты уже перестали выпускать, на стенах висели календари с разными датами. Покупатели пробовали воспоминания через маленькие стеклянные линзы и сразу платили: монетами, жетонами, подписанными конвертами.

У одной витрины висело предупреждение:

«ПОМНИТЕ: ПЕРЕДАЧА ВОСПОМИНАНИЯ НЕ ИЗМЕНЯЕТ СОБЫТИЯ. ВОЗВРАТУ ПОДЛЕЖИТ ТОЛЬКО БРАКОВАННАЯ ПАМЯТЬ».

Я перечитал его дважды.

Это была важная граница. На рынке продавали право помнить случившееся, а не само случившееся. Твой отец не воскреснет оттого, что кто-нибудь купит его последнее лето. Но кто-то другой может помнить, как он смеялся. А ты — больше нет.

— Удобный бизнес, — сказал я. — Склад пуст, товар бесконечный, брак замечают поздно.

— Не бесконечный, — возразила Агния. — Каждый день может быть продан только один раз, если его не разрезали на отдельные свидетельства. Поэтому подлинность здесь дорогая. Запись должна иметь источник. Дату. И след передачи.

— Значит, нам нужна не память о похоронах.

— Верно. Нам нужна квитанция: кто имел право распоряжаться тем днём и кто первым его купил.

Марта поднесла к уху телефон. Экран мигнул, на секунду показав отсутствие сети.

— Связь пропадает. Сколько здесь времени?

Фима достал механические часы. Они показывали 10:14. Часы над кофейной лавкой — 10:14. Ещё одни на соседней стене — 10:14, но секундная стрелка шла назад.

— Это хорошая новость, — сказал он. — Хоть часы договорились о минутах.

Лика остановилась у игрушечного магазина.

За стеклом, среди жестяных солдатиков, крутился маленький автомобиль синего цвета. Я подошёл ближе.

Точно такой же, как на фотографии моего детского гроба.

У него даже вмятина была в том же месте, где я однажды уронил машинку с лестницы.

— Твоя? — спросила Лика.

Я хотел сказать «да». Но под игрушкой висела карточка:

«МАЛЬЧИК, ПОЛУЧИВШИЙ ПОДАРОК ОТ ОТЦА».

«Продавец: не указан».

«Владелец воспоминания: не установлен».

— Я помню эту машинку, — осторожно сказал я. — Помню, как отец подарил её мне. Но не помню самого дня.

— Может, ты его уже продал, — ответила Лика.

Она сказала это без угрозы. Просто как ребёнок, который подсказывает взрослому, где лежат потерянные ключи.

У меня внутри что-то нехорошо сжалось.

— Почему ты думаешь, что я был здесь?

Лика упрямо смотрела на игрушку.

— Потому что ты всегда останавливаешься именно у неё.

— Всегда — это сколько раз?

— Я больше не хочу считать, — сказала она.

Марта присела рядом.

— Лика, мы не будем заставлять тебя вспоминать то, от чего тебе страшно.

— Тогда не спрашивайте его, сколько ему лет, — шепнула

девочка.

Она посмотрела на меня, и я понял: это был совет. Возможно, самый полезный из всех, которые я сегодня получил.

За стеклом синяя машинка остановилась.

На крыше у неё раскрылась крошечная дверца.

Внутри сидела бумажная фигурка мальчика без лица.

Я не стал трогать витрину.

Впрочем, через десять секунд у меня всё равно не осталось выбора.

#

— Ищете первичную запись? — спросила женщина у меня за спиной. — Год две тысячи шестой, день двенадцатый, фамилия Ардин?

Она была высокая, лет сорока пяти, в сером платье и огромной вязаной шали. Медные очки держались на тонкой цепочке. В одной руке она несла счёты, в другой — чашку кофе. С виду преподавательница музыки, которая в свободное время скупает чужие душевные травмы.

— Вы знаете, что нам нужно? — спросила Марта.

— Здесь все знают, что кому-то нужно. Иначе бы разорились. Роза Дрозд. Специализируюсь на старых сделках, наследовании невоспомненного и разрешении конфликтов между владельцем и пережившим.

Она кивнула на мою серую папку.

— Случай у вас редкий. Случай, где переживший не уверен, кого пережил.

— А вы откуда знаете? — спросил я.

Роза поджала губы.

— Молодой человек, ваша история последние полчаса стоит в заявках на поиск. Даже цена успела подняться.

— Кто выставил заявку?

Она покачала головой.

— За сведения о покупателе платят. За сведения о продавце — вдвое больше.

— Сколько?

— Зависит от того, что у вас осталось.

Фима тихо застонал.

— Наконец-то нормальная торговля. Неясно ничего, зато дороговато.

Роза привела нас к своему прилавку в боковом проходе. На полках стояли деревянные ящики с номерами лет. За ними лежала огромная книга в железном переплёте. Её страницы разделяли не буквы, а тонкие полоски часовой ленты.

— Показывать документы без сделки я не могу, — объяснила Роза. — Но могу подтвердить, что существует первичный товарный след по делу Ардина.

— Товарный след чего? — спросил я.

Она открыла счёты и передвинула две медные костяшки.

— Вчера, которого вам недоставало. Рынок не хранит всю реальность. Только то, что кто-то согласился отдать или что

осталось после отменённой версии. Иначе нам потребовалось бы помещение побольше Северина.

Она вынула из ящика тонкую карточку, прикрывая текст пальцами.

«ЛОТ № 0».

«12.11.2006».

Дальше я ничего не успел прочесть.

Роза перевернула карточку.

— Покупка архивного подтверждения стоит одно воспоминание, равное по значимости исходному дню.

— Кто определяет значимость?

— Тот, кто останется без воспоминания.

— Я не доверяю оценщикам, которые позволяют клиенту назначать цену, — сказал я. — Сам работал оценщиком.

— У вас есть что-нибудь бесценное?

Я подумал о матери. О том, как она сидела у моего изголовья после похорон отца и считала вслух капли дождя. О том, как однажды отдала мне последнее печенье, сказав, что взрослые сладкое не любят. О том, как я рассердился на неё, когда она не пришла на мой выпускной. Не потому, что не хотела. Потому, что исчезла из жизни так тихо, что никто в отделе кадров даже не сумел указать дату.

С тех пор я предпочитал не спрашивать о матери людей, которые работали с документами.

— Нет, — ответил я.

Роза улыбнулась.

— Тогда найдём вариант попроще. Вы можете внести в залог собственный жизненный статус. Он будет возвращён после погашения стоимости.

Она протянула узкий листок с заголовком «ПРОСТОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ».

Первая строка была короткой:

«Я, _____, подтверждаю, что нахожусь в живых на момент заключения сделки».

Под строкой имелось место для подписи.

Я не взял бумагу.

Отец оказался прав.

Меня это раздражало почти так же сильно, как если бы он оказался не прав.

— Нет, — сказал я. — Статус не продаётся.

— Почему? — Роза сделала удивлённое лицо. — У вас же его всё равно нет.

— Именно поэтому. Нельзя заложить имущество, права на которое не установлены.

Она медленно опустила лист.

— Вы хорошо разбираетесь в процедурах.

— Я плохо сплю.

Марта шагнула ближе к прилавку.

— Нам нужна не покупка воспоминания. Нам требуется доказательство существования сделки для суда. По определению об истребовании первичного свидетельства.

Роза посмотрела на печать.

— Ах, вы из дела о гараже. Какое неудобство.

— Для кого?

— Для тех, кому хотелось, чтобы гаража никогда не было.

Её взгляд скользнул к выходу из прохода.

Я тоже повернулся.

Мужчина с золотыми петлями на запонках стоял у стойки с газетами и делал вид, что выбирает кроссворд.

— Он ваш покупатель? — спросил я.

— У меня много покупателей, — ответила Роза.

— Этот купил вчерашнюю газету, чтобы посмотреть завтрашние ответы.

Она перестала улыбаться.

— Послушайте, молодой человек. Вы пришли в плохой день. Мне предложили хороший аванс за вашу подпись. Но я могу продать вам запись и не задавать вопросов. Так будет лучше всем.

— Сколько стоит аванс?

— Дороже, чем вы.

— Я ненавижу, когда рынок объективнее моей самооценки.

Фима, до этого изучавший механический кассовый аппарат, тихонько постучал по моей руке.

— Не покупай пока. На её ящике две пломбы.

— И что?

— На товарном следе может быть одна. Вторую ставят, когда что-то уже возвращали. Или пытались продать дважды.

Роза резко захлопнула книгу.

— Не трогайте оборудование.

— Я не трогаю. Я восхищаюсь, — сказал Фима. — У меня на работе столько неисправных счётчиков, что при виде исправного я начинаю молиться.

Тон Розы изменился.

— Я предлагаю последнюю возможность оформить всё спокойно. Подписать подтверждение. Получить копию. Уйти до обеда.

— Кто получит копию? — спросил я.

— Тот, кто подтвердит сделку.

— А кто получит меня?

Из прохода донёсся звон маленького колокольчика.

Адвокат опустил газету и пошёл к нам.

Роза посмотрела ему в глаза. Я увидел между ними короткое движение: не кивок, не знак рукой. Скорее обычное узнавание людей, уже договорившихся о цене.

— Ясно, — сказал я. — Для вас я тоже лот.

— Не драматизируйте. Вы даже не знаете, что на вас спрос.

— Зато догадываюсь, кто занимается доставкой.

Тогда Роза протянула руку к кассовому аппарату и нажала красную клавишу.

По рынку раздался мягкий звук колокольчика.

На всех часах одновременно стало 10:31.

А из динамиков под потолком донёсся женский голос:

— Внимание. Объявлена проверка первичного товара. Посетителям без подтверждённого жизненного статуса просьба оставаться на местах.

Я сглотнул.

— Неплохая система охраны.

— Очень дорогая, — ответила Роза.

Марта выдернула дубинку.

— Тогда нам придётся её сломать.

— Не нужно, — сказал я.

Она повернула ко мне голову.

— У тебя есть план?

— Есть замечание к накладной.

— Кирилл…

— Я же просил: сначала смету, потом разрушения.

Проверяющие появились из двух концов прохода.

Они были одеты как обычные рыночные контролёры: синие жилеты, нагрудные карточки, свистки на шнурках. Только с глазами у них была беда. Под веками мерцали крошечные прямоугольники, в которых мелькали чужие кухни, чужие больницы и чужие лица.

Один из них посмотрел на Лику.

Прямоугольники в его глазах стали белыми.

— Носитель архивного события, — произнёс он. — Подлежит проверке принадлежности.

— Она со мной, — сказала Марта.

— Подтвердите родство.

Марта сжала руку девочки.

— Не обязана.

— Тогда подтвердите право сопровождения.

— Определение суда, — ответила она и подняла бумагу.

Проверяющий прочитал печать. Замер на секунду, словно внутри него заело механизм, затем протянул руку к документу.

— Судебная копия подлежит изъятию для сверки.

Марта отвела лист.

— Попробуй.

Он попробовал.

Вспыхнула белая спираль на её дубинке, и удар пришёлся в пол перед проверяющим. Доски вздрогнули. От точки удара по ним разошёлся светлый шов, похожий на рисунок трещины. Мужчина остановился, но не упал: его ноги остались по разные стороны линии, а верхняя половина тела продолжала двигаться вперёд.

— Охрана пришла, — сообщил Фима. — Уходим через заднюю дверь?

— Там два контролёра, — сказал я.

— Значит, задняя дверь не пользуется спросом. Отлично.

Роза Дрозд попыталась отступить к своей книге.

Я перегородил ей путь.

— Секунду. Вы сказали, лот номер ноль существует. Но на ящике две пломбы, — произнёс я. — Это след повторной продажи?

— Уберите руку.

— Кому вы пытались продать то, что уже продано?

— Молодой человек, вам сейчас не до потребительских претензий.

— Наоборот. Меня впервые в жизни интересует право потребителя.

На книге лежала железная линейка с отверстиями. Под отверстиями были годы. Я видел похожие направляющие в строительных архивах: ими совмещали разные копии одного чертежа, чтобы быстро найти расхождения.

Роза держала руку над книгой. Её пальцы дрожали.

— Первая пломба означает поступление, — сказала она. — Вторая — незавершённое истребование. Не продажу.

— И кто истребует?

— Вам лучше не знать.

— Слишком поздно, — ответил я. — Я уже слишком много знаю о людях, которым лучше бы не знать, что они знают.

За нашими спинами раздался глухой удар. Марта отшвырнула первого проверяющего к стойке с календарями. Числа с календарей посыпались на пол, как мелкие чёрные жуки.

— Кирилл! — позвала она.

Я схватил книгу за корешок.

Роза вцепилась в неё с другой стороны.

— Вы не можете вынести реестр! Он привязан к кассе!

— Значит, покажите мне товарный след.

Она быстро глянула на двух контролёров, приближавших-

ся справа. Взгляд был не злым. Испуганным.

— Я не могу открыть его здесь. Если их система увидит ваше имя, меня лишат всех дней, которые у меня ещё остались.

На секунду мне показалось, что она перестала торговаться.

— Тогда скажите, где хранится оригинал.

Роза помолчала.

— За этой галереей, в железном павильоне с вывеской «ВЫДАЧА». Только архивные квитанции туда поступают по старой цепи. Доступ закрыт для всех, кто не имеет права заявить себя владельцем.

— А для тех, у кого вообще нет статуса?

— Их пустят, — ответила она. — Но обратно выведут под опись.

Из дальней части зала донёсся детский крик.

Лика уже не стояла рядом с Мартой.

Её тащил в сторону проверяющий, держа за рукав красного пуховика. Девочка упиралась, скользя кедами по плитке. Второй проверяющий накладывал на её билет белую металлическую скобу.

— Лика! — заорал я.

Марта бросилась к ним. Сияющий шов ударил по скобе, и металл зазвенел. Проверяющий даже не обернулся. Вместо этого он поднял руку.

Отпечаток на запястье Марты вспыхнул.

Она вскрикнула и опустилась на колено.

Из её кожи вытянулись тонкие нитки света. Каждая тянулась к одной из пальцевых косточек проверяющего, будто кто-то пристёгивал её к невидимому поводку.

Он не пытался её убить.

Он брал под контроль руку, которой она защищала ребёнка.

Фима выдернул из сумки инструментальную линейку и бросился к турникету. Я увидел, как он измеряет высоту стойки, расстояние до двери, ширину прохода.

— Кирилл! — крикнул он. — Помнишь расчёт распределённой нагрузки?

— Сейчас? Серьёзно?

— Ты сметчик, мать твою! В кои-то веки пригодись по специальности!

Над галереей проходила старая техническая площадка, удерживаемая четырьмя чугунными стойками. Под ней стояла выставка тяжёлых часовых гирь. Я быстро оглядел крепёж. Два болта справа были новыми. Слева — старые, с рыжей окалиной. Выставку когда-то подвесили там, где рассчитывали держать только людей, и никто не усилил опоры.

— Если сорвать левые крепления, площадка сядет поперёк прохода, — сказал я.

— И похоронит нас под часами, — заметил Фима.

— Только если стоять под ней. Уведи людей из прохода!

Фима взобрался на скамейку и заорал так громко, что да-

же проверяющие повернули головы:

— ГОСПОДА! БЕСПЛАТНАЯ РАЗДАЧА ЗАВТРАШНИХ ЛОТЕРЕЙНЫХ БИЛЕТОВ В ТРЕТЬЕМ РЯДУ!

Рынок отреагировал немедленно.

Продавцы сбросили на витрины полотнища, покупатели ринулись в противоположную сторону, у дверей образовалась давка. Фима взмахнул рукой, показывая путь в безопасный боковой проход.

— Не туда! — крикнул я.

— Туда, где я указываю, не туда, где я обещаю! Это реклама, Кирилл!

Я схватил железную линейку с прилавка Розы и всадил её под головку старого болта. Болт не шелохнулся.

Нужно было больше плечо.

Я нашёл внизу деревянный рычаг, поддерживавший крышку ящика, подложил его под линейку и навалился всем телом.

Хрустнула древесина. Потом металл.

Первый болт вылетел.

Над головой протяжно заскрипело.

Второй болт выдернуть я не успел.

За спиной раздался треск ткани.

Лика вскрикнула. Проверяющий рванул её к дверям выдачи, и рукав пуховика остался у него в руке. Девочка упала на колени, но не отпустила зелёную варежку, которую Фима купил утром.



Марта, прижатая невидимыми нитями к полу, подняла голову.

— Кирилл! Сейчас!

Она швырнула дубинку в подломленную стойку.

Белая спираль вспыхнула.

Чугунная опора не разлетелась. Она просто перестала быть соединённой с полом в тот миг, когда площадка опиралась на неё сильнее всего.

Верхняя галерея просела на полметра, затем с оглушительным ударом легла поперёк прохода. Часовые гири покатились по доскам и обрушились между нами и проверяющими.

Стекло посыпалось дождём.

Я рухнул рядом с Ликой, прикрывая голову руками. Одна гиря врезалась в пол на расстоянии ладони от моего ботинка.

И остановилась.

Марта лежала на боку. Её рука снова была её собственной. Отпечаток на запястье стал тёмно-красным.

Проверяющие остались по ту сторону завала. Они попытались перелезть через него, но белый шов на обломках площадки замкнулся, словно затянутая скоба.

— Долго продержится? — спросил я.

— Пока держится моё раздражение, — выдохнула Марта.

— Тогда мы в безопасности до конца века.

Она показала мне средний палец.

Я посчитал это признаком улучшения самочувствия.

Фима подбежал к Лике. Та молча показала ему порванный рукав.

— Это поправимо, — сказал он.

— Всё поправимо? — спросила она.

Он замер.

— Нет, — ответил Фима. — Но это — да.

Мне понравилось, что он не стал её обманывать.

Роза Дрозд осталась у прилавка. Стойка с календарями рухнула перед ней, но книга в железном переплёте была цела.

Она смотрела на меня так, словно только сейчас поняла, что мы действительно не собираемся ничего подписывать.

— Вы разрушили мой рынок, — тихо сказала она.

— Один проход. И, судя по крепежу, без капитального ремонта он сам бы упал к следующей инвентаризации.

— Думаете, можете просто уйти?

— Думаю, вы сейчас можете решить, на чьей стороне будет ущерб. Если откроете выдачу, мы унесём одну копию и уйдём. Если нет — проверяющие продолжат ломать прилавки, пока нас ищут.

Роза медленно провела пальцем по обложке книги.

— Вы и правда сметчик.

— Сам не ожидал, что это когда-нибудь прозвучит как угроза.

Она достала из-под кассы ключ с двумя бородками и бросила мне.

— Пятый павильон. Через помещение для возвратов. Но снаружи ждёт не только охрана. Тот, кто заказал вас, не терпит незавершённых сделок.

— Вы продали меня?

Роза отвела взгляд.

— Я продала сведения о вашем приходе. Думала, заберут одного. Не ребёнка.

Марта посмотрела на неё с такой холодной яростью, что женщина невольно отступила.

— Ещё раз перепутаете ребёнка с приложением к сделке — я вернусь.

— Не советую, — прошептала Роза.

— А я не спрашивала совета.

Мы пошли к пятому павильону.

#

Помещение для возвратов напоминало больничную раздевалку.

На крючках висели пальто, у каждого — бирка с датой. В прозрачных ящиках лежали вещи, которые люди сохранили после продажи воспоминаний: фотография без узнаваемых лиц, кольцо, смысл которого утрачен, билет в театр, где ты вроде бы никогда не был.

За стойкой дремал мальчик лет четырнадцати.

Он проснулся, когда мы подошли, и немедленно выпря-

мился.

— Возвраты по вторникам, — сообщил он.

— Какой сегодня день? — спросил Фима.

Мальчик посмотрел на три настенных календаря.

— Зависит от товара.

— Подходит. Мы за записью из первичного реестра, — сказал я и показал судебное определение.

Мальчик прочитал. Стал серьёзным.

— Архивные копии выдаются через внутреннюю кассу. Вход оплачивается памятью. Не деньгами.

— Только что нам сказали, что можно через определение суда, — возразила Марта.

— Можно потребовать выдачи. Но за проход через кассу всё равно надо заплатить. Я правил не устанавливаю.

Агния Павловна вынула жетон «ОСПОРЕНО».

— Старые допуски действуют?

Мальчик повернул жетон.

— На троих. А вас пятеро.

— На четверых, — сказал я. — Меня нет в журнале.

Мальчик замялся.

— Тогда всё равно одного человека не хватает. И ребёнок идёт только с сопровождающим.

Фима посмотрел на нас, потом на тонкую стеклянную трубку, встроенную в стойку.

— Что именно берут?

— Одно законченное воспоминание. Не навыки. Не зна-

ния. То, без чего человеку будет жаль жить, но не опасно жить дальше.

— Есть перечень?

— Вам покажут доступные.

— Не надо, — быстро сказала Марта. — Найдём другой путь.

Мальчик покачал головой.

— Второго входа нет. В этой части рынка никто не хочет помнить, куда уходят возвраты.

Я посмотрел на Фиму.

Он уже снял с плеча сумку и поставил на пол.

— Нет, — сказал я.

— Твоя реплика звучала убедительнее, когда у тебя было удостоверение, — заметил он.

— Мы найдём способ.

— Найдём. После того как достанем бумагу, которая объяснит, куда этот способ направлять.

Он открыл стеклянную трубку. Внутри медленно зажёгся голубой свет.

Перед Фимой возникли три маленьких изображения.

На первом он стоял у школьной доски с дипломом, которого так и не повесил дома. На втором танцевал с женщиной в дешёвом свадебном платье, пока над ними сыпалось конфетти. На третьем сидел на полу старой кухни рядом с мужчиной, похожим на него, только шире в плечах. На столе лежало разобранное радио.

Мужчина передавал маленькому Фиме паяльник. Потом наклонялся, чтобы поправить его пальцы.

— Третье, — сказал Фима.

Марта схватила его за рукав.

— Логинов, ты не обязан.

— Знаю.

— Тогда почему?

Он посмотрел на изображение.

— Потому что это воспоминание мне всегда помогало, когда я думал, что ничего не умею. А теперь я, кажется, достаточно вырос, чтобы что-то уметь и без него.

Мальчик у стойки поднял прозрачную заслонку.

— После передачи вы сохраните знание о событии. Но не ощущение, что вы в нём были. Не голос человека. Не тепло. Иногда это хуже, чем забыть совсем.

Фима кивнул.

— Берите.

Трубка вспыхнула.

Изображение рассыпалось крошечными искрами, потом собралось снова — уже внутри стекла. Мужчина у радиоприёмника поднял голову и посмотрел прямо на нас.

— Ефим, — сказал он ласково. — Не бойся, искры красивые, когда знаешь, куда их направить.

Фима вздрогнул.

В следующую секунду голос смолк. Изображение стало мутным, словно на него выдохнули изнутри.

— Оплата принята, — сообщил мальчик.

Фима стоял неподвижно.

— Что он тебе сказал? — спросил я.

— Кто?

— Мужчина на кухне.

Фима нахмурился.

— Отец, наверное. Я помню, что он научил меня паять. Помню год. Помню, что мы ремонтировали старое радио. Но…

Он потрогал ухо.

— Я не могу вспомнить, как звучал его голос.

Лика подошла к нему и осторожно вложила зелёную варежку в его ладонь.

— Можно я пока у тебя её оставлю? — спросила она.

Он посмотрел на медведя с кривым ухом.

— Конечно.

— Чтобы ты помнил, что сделал сегодня. Это ведь ещё не вчера.

Фима сжал варежку, а я вдруг понял, почему такая цена страшнее крови.

Кровь можно остановить. Рану — зашить. Утрату — признать.

А тут у человека отнимали не событие. У него отнимали причину, по которой событие было ему дорого.

Я посмотрел на свои руки.

Там, где ещё час назад был паспорт с именем, теперь ле-

жал чистый билет.

— Я верну тебе этот день, — сказал я Фиме.

Он покачал головой.

— Не обещай невозможного. Лучше сделай так, чтобы я не продал его зря.

Дверь внутренней кассы открылась.

Внутренняя касса была пустой.

Совсем.

Не было ни продавца, ни столов, ни книг. Только длинная стена, покрытая узкими металлическими ячейками, и один высокий стол посередине. На столе стоял старый кассовый аппарат со стеклянным окошком, в котором вместо суммы высвечивались даты.

Над ним висела табличка:

«ОРИГИНАЛ НЕ ВСПОМИНАЕТ. ОН УДОСТОВЕРЯЕТ».

Я медленно обошёл аппарат.

Каждая ячейка была опечатана. Возле некоторых поблёскивали свежие следы вскрытия, другие покрывались таким слоем пыли, что год на табличке нельзя было прочесть.

На самой нижней ячейке стояло «2006».

В замке виднелось два отверстия.

Медная шайба легла в первое точно по размеру. Ключ Розы с двумя бородками — во второе.

Щёлкнуло сразу три механизма.

— Никогда не видел такой системы, — сказал Фима. —

Один ключ подтвердил право входа, второй — необходимость выдачи, третий…

— Третий проверяет, что за выдачу уже заплатили, — закончила Агния.

Кассовый аппарат мягко звякнул.

На стекле появилось:

«ОПЛАТА ПРИНЯТА».

«ОСНОВАНИЕ: СУДЕБНОЕ ИСТРЕБОВАНИЕ».

«ВЛАДЕЛЕЦ: НЕ УСТАНОВЛЕН».

Дверца ячейки открылась.

Внутри лежали два длинных бумажных корешка. Один пожелтевший, второй белый, словно его напечатали пять минут назад.

Я потянулся к старому.

Марта перехватила мою руку.

— Подожди.

Она положила на стол свою судебную повестку, аккуратно поддела край корешка и вынула его, не касаясь печати.

Ничего страшного не случилось.

Это само по себе казалось подозрительным.

Первый корешок был заполнен машинным шрифтом:

«ПЕРВИЧНАЯ СДЕЛКА № 0».

«Дата поступления: 12.11.2006».

«Предмет: право на память о последнем дне Кирилла Ардина, 9 лет».

«Событие-основание: первичное принятие смерти».

«Состояние: отложенное исполнение».

Я почувствовал, что перестал дышать.

На обороте была строка:

«Владелец до исполнения: Кирилл Ардин, 9 лет».

«Подтверждающий свидетель: Лика».

Ниже стояло два отпечатка пальцев. Один большой. Один маленький.

— Это не подпись, — прошептал я. — Они не смогли получить подпись мальчика.

— И не должны были, — ответила Агния. — Девятилетний ребёнок не может распоряжаться принятым событием. Без взрослого исполнение незаконно.

— Значит, там должно быть имя отца?

— Должно, — сказала старуха.

В графе «Ответственное лицо» стоял прочерк.

Я перебрал увиденное. Отсутствие подписи. Отсутствие ответственного лица. Смерть, которую якобы приняли, но до сих пор не исполнили. И сегодняшняя попытка заставить меня подтвердить жизнь — сначала в архиве, потом в суде, потом на рынке.

— Они не могут закрыть событие без меня, — сказал я. — Поэтому им нужно, чтобы я сам объявил себя существующим человеком. Взрослым. Тем, кто имеет право принять отложенное исполнение.

Марта подняла взгляд.

— Ты хочешь сказать, что все эти годы…

— Меня не воскрешали. И не заменяли мной отца. Они просто оставили смерть в статусе «ожидает подтверждения».

— Но кто тогда жил? — спросил Фима.

Я посмотрел на него.

— Я очень надеюсь, что это был я.

Лика стояла у двери. Девочка больше не держала Марту за руку. Она смотрела на маленький отпечаток на корешке, как на что-то потерянное.

— Ты его узнала? — спросил я.

— Не спрашивай меня сейчас, — сказала она.

Марта повернула бумагу.

— Здесь одна подпись действительно отсутствует. Но есть неотменённый физический след — два отпечатка. Если этот корешок первичный, его не переписали вместе с остальным делом.

— Отлично, — сказал я. — Отнесём его к шестнадцати.

Агния покачала головой.

— Подождите. Второй корешок.

Белая бумага лежала в ячейке, чуть изогнувшись к краю. На ней был свежий штамп «ПОВТОРНАЯ ВЫДАЧА».

Я развернул её.

«СДЕЛКА № 0. ПЛАНОВОЕ ЗАКРЫТИЕ».

«Дата исполнения: 12.11.2026».

«Время: 16:00».

«Место: Отдел принятых смертей, архив первичного принятия».

«Продавец: Кирилл Ардин, 9 лет».

«Покупатель: Кирилл Ардин, 29 лет».

Я перечитал последнюю строку трижды.

— Это же невозможно, — произнёс Фима.

— Не торопись, — сказал я. — У тебя ещё нет заключения эксперта.

Ниже стояла ещё одна графа:

«Подпись покупателя».

Она была пустой.

На свободном месте медленно проступала тонкая серая линия — будущая подпись, которая ещё не имела права появиться.

В эту секунду за дверью послышались шаги.

Не бег. Не погоня. Ровная походка человека, который знает, где именно нас встретит.

Затем женский голос вежливо произнёс:

— Уважаемые посетители, архивная выдача завершена. Просим получателя назвать себя для закрытия операции.

Я узнал женщину в белом плаще.

Марта прижала корешки к груди.

— Уходим.

— Через какую дверь? — спросил Фима.

В комнате была одна.

За ней уже шуршала бумага.

Я посмотрел на стол, на судебное определение и на кассовый аппарат.

— Мы вошли сюда через возвраты, — сказал я. — Значит, выйти можно через возврат товара.

— Кирилл, — простонал Фима, — мы же только что заплатили за вход.

— Мы не возвращаем память. Мы возвращаем то, что касса ошибочно выдала как собственность покупателя.

— Что именно?

Я поднял белый корешок.

— Мой будущий договор. Он не исполнен. Покупатель ничего не получал. Значит, пока это не сделка, а бронь. Её можно вынести только как доказательство попытки продажи.

Агния вдруг улыбнулась.

— Сметчик, — сказала она с уважением.

— От вас это звучит почти обидно.

Я нажал на аппарате кнопку «ВОЗВРАТ».

Касса заскрежетала. В стекле замелькали даты, затем они исчезли, уступив место надписи:

«ПРИЧИНА ВОЗВРАТА?».

Я положил на стекло судебное определение.

— Отсутствие подтверждённого владельца, — произнёс я. — До установления владельца документ приобщается к независимому рассмотрению.

Из аппарата выскочил длинный бумажный чек.

«ВЫДАЧА ПРИОСТАНОВЛЕНА».

«КОПИИ ПЕРЕДАНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СУДА».

На другом конце комнаты возникла узкая полоска дневного света.

Раздался щелчок замка.

— Вот теперь, — сказал Фима, — я впервые в жизни благодарен человеку, который любит читать мелкий шрифт.

За дверью громко хлопнула папка.

Женщина в белом повысила голос:

— Отмена продажи не отменяет первоначальное обязательство!

— Я знаю! — крикнул я. — Вы присылали мне напоминания всю ночь!

Мы бросились к свету.

Я выскочил последним, споткнулся о порог и больно ударился плечом о гравий.

Передо мной был пустырь у районного суда.

Ни рынка, ни галереи, ни железной двери больше не существовало.

Только на земле лежала старая ржавая шайба с цифрой семь.

Мы стояли у забора, тяжело дыша.

Фима прижимал к себе сумку. Лика была в порванном пуховике, с одной зелёной варежкой. Марта держала два корешка так крепко, будто от этого зависела их подлинность.

Часы на здании суда показывали 11:46.

Мы получили то, за чем пришли.

Ни одна смерть не исчезла. Лика по-прежнему оставалась

под угрозой передачи. Мой отец по-прежнему работал неизвестно на кого. Фима отдал день, который больше никогда не сможет вспомнить по-настоящему.

И всё же впервые с ночи на Мельничной у нас появилось не предположение, а вещь, которую можно предъявить.

Марта осторожно убрала старый корешок во внутренний карман.

— В шестнадцать они захотят услышать, почему ты не подписал, — сказала она.

— В шестнадцать я тоже хочу это узнать.

— Там прямо написано, что покупателем будешь ты, — заметил Фима.

Я смотрел на вторую квитанцию.

На месте будущей подписи проступила первая буква.

Знакомая длинная линия, кривой наклон.

Точно так я подписывался в девятнадцать лет.

Но внизу белого корешка была ещё одна строка. В помещении выдачи её скрывала загнутая полоска бумаги.

Я расправил угол.

«СРОК ДЕЙСТВИЯ ПРАВА НА ОТКАЗ: ДО 15:59».

И ниже, совсем мелко:

«ПРИ НЕЯВКЕ ПОКУПАТЕЛЯ ДОГОВОР СЧИТАЕТСЯ ИСПОЛНЕННЫМ ОТ ЕГО ИМЕНИ».

— Нам нельзя опаздывать, — сказал я.

Марта посмотрела на меня.

— На слушание Лики?

Я перевернул бумагу.

На обороте, там, где квитанция должна была быть пустой, от руки приписали дату и адрес.

«12.11.2026. 15:59. Архив первичного принятия».

Под ними — фраза, которую никто не напечатал на кассе:

«Кирилл, на этот раз не подписывай. Даже если я буду умолять».

Почерк был мой.

А последние слова, написанные ниже другим, маленьким почерком, заставили Лику побледнеть:

«Он уже подписывал. Четырнадцать раз».

Глава четвёртая
Мёртвые, которых наняли

#

За четыре часа можно успеть многое.

Например, доехать до аэропорта, поссориться с родственниками или понять, что твой будущий договор собирается подписать человек, которого ты не видел с девятнадцати лет.

В моём случае этим человеком, похоже, был я.

— Четырнадцать раз, — повторил Фима. — У меня один вопрос: кто-нибудь из этих четырнадцати пытался хотя бы читать договор?

Мы стояли на пустыре возле суда. Из-под заборной сетки торчала ржавая шайба с цифрой семь. Если бы мне предложили составить смету этого участка, я записал бы в графу «непредвиденные расходы» всю свою биографию.

Лика не отрывала глаз от приписки на квитанции.

— Кто это написал? — спросил я.

Она сложила руки за спиной.

— Я не знаю.

— Но почерк знаком?

— Почерк мой.

Ответ прозвучал негромко. Ветер донёс запах мокрой листвы, и почему-то именно этот обыкновенный запах сделал ответ страшнее.

— Я не помню, когда писала, — добавила Лика. — И не помню, кому. Иногда у меня в карманах появляются записки, которые я ещё не придумала.

Марта забрала у меня белый корешок.

— Хватит допрашивать ребёнка. У нас четыре часа и четырнадцать минут до слушания.

— До автоматического исполнения меньше, — поправил я. — В пятнадцать пятьдесят девять моё право отказаться закончится. К шестнадцати они будут считать молчание согласием.

— Ты не будешь молчать.

— План отличный. Осталось выяснить, кто меня услышит.

Агния Павловна стояла возле ограды, рассматривая небо. Старуха сделала это так внимательно, словно проверяла, не подменили ли нам погоду за время отсутствия.

— Есть одно место, — сказала она. — Оттуда берут сведения, по которым в Отделе принимают показания.

— Архив?

— Табельная.

— Вы хотите сказать, там ведут учёт рабочего времени?

— Даже после его окончания.

Фима посмотрел на неё.

— Не надо. Я дважды увольнялся, чтобы не слышать слово «табель».

Агния поправила шарф.

— Северин нанимает умерших. Не всех. Только тех, за кем осталась обязанность, которую можно назвать служебной. Доставить письмо. Сверить запись. Подтвердить факт. Иногда — подписать чужой отчёт.

— Это вы сейчас шутите? — спросил я.

— Дай бог, чтобы я умела так шутить.

Я посмотрел на квитанцию. На пустой строке для подписи тонкий след рос сам по себе. За прошедшие минуты появилась вторая петля.

— Кто нанимает?

— Тот, кто платит.

— А платят чем?

Агния не ответила сразу.

— Временем, — сказала она наконец. — Но не тем, которое принадлежит работнику.

Из-за здания суда вышел человек в сером костюме.

Он был далеко, метрах в шестидесяти. Даже отсюда я увидел золотые запонки в форме дверных петель.

Мужчина достал телефон. Посмотрел на нас. Улыбнулся и медленно поднял аппарат к уху.

У Фимы зазвонил служебный коммуникатор.

На дисплее высветилось: «КАМЕНЕВ».

Фима нажал кнопку связи.

— Логинов.

— Где Бехтерева? — прозвучал голос нашего начальника. — Мне сказали, она находится в здании районного суда.

— Бехтерева недоступна. Ведёт тяжёлый спор с бюрократией.

— Кто рядом с вами?

Фима посмотрел на меня.

— Какой-то мужчина. Смотрит на чек и портит себе настроение.

— Назовите его.

Я резко качнул головой.

Каменев говорил на два тона ниже обычного. Так он разговаривал, когда намеревался обойти начальство. Или когда начальство стояло рядом и держало его за горло.

— Ефим, — произнёс он, — не называйте никого. Просто уведите девочку. Сейчас.

Связь оборвалась.

Человек с запонками опустил телефон. Улыбка исчезла.

От ворот суда к нам двинулись трое в одинаковых тёмных пальто. Двое шли нормально. Третий двигался чуть рывками, как человек, спускающийся по лестнице, которой не было.



— Уходим, — сказала Марта.

— На каком основании? — спросил Фима. — Нас же не вызывали.

— Сейчас вызовут.

Она взяла Лику за руку, повернулась и повела вдоль забора. Я пошёл следом.

За спиной раздался сухой щелчок.

Третий преследователь остановился. Его правая нога осталась на месте. Остальное тело сделало ещё один шаг вперёд.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: нога не оторвалась. Её просто перестали учитывать там, где она была секунду назад.

— Это что за травматология? — прошептал Фима.

— Не оборачивайся, — бросила Марта.

Тогда один из преследователей произнёс моим голосом:

— Кирилл Ардин, ваше присутствие требуется для завершения дела.

Второй сказал тем же голосом:

— Неявка будет признана согласием.

А третий, продолжая идти с одной неучтённой ногой, добавил:

— Очень просим не усложнять нам работу.

Это были первые в моей жизни похитители, которых мне захотелось отправить на курсы делового этикета.

Мы свернули за автобусную остановку, пересекли проезд перед троллейбусом, едва не попали под колёса и оказались на площади с закрытым фонтаном. Преследователи исчезли из виду.

Зато на всех трёх рекламных щитах одновременно сменилось изображение.

«ТРЕБУЕТСЯ СОТРУДНИК. ОПЫТ СМЕРТИ ПРИВЕТСТВУЕТСЯ».

Под надписью появился адрес: «ТЕЛЕФОННАЯ, 6».

— Кажется, нас приглашают, — сказал Фима.

Агния кивнула, словно ей подтвердили неприятный диагноз.

— Табельная сама знает, когда у неё будут проверять счета.

— Удобно, — сказал я. — А она знает, кто проверяющих убьёт?

— Это и выясним.

#

На улице Телефонной когда-то находилась городская АТС.

Я знал здание по работе. В прошлом году его собирались перестроить под гостиницу, но тендер отменили: экспертиза обнаружила, что внутри несущей стены проходит коридор, которого нет на чертежах. Потом экспертиза обнаружила ещё три коридора и уволилась по соглашению сторон.

Трёхэтажный дом из красного кирпича стоял между мебельным салоном и магазином ритуальных услуг. Последний назывался «Спокойной смены». Совпадение выглядело настолько наглым, что даже не вызвало смеха.

Над входом в АТС висела вывеска, которой раньше не было:

«УПРАВЛЕНИЕ ЗАВЕРШЁННЫХ СМЕН».

Ниже табличка: «ОТДЕЛ КАДРОВ. ЧАСЫ РАБОТЫ — ПО НЕОБХОДИМОСТИ».

На часах у входа было 12:24.

У меня в серой папке продолжал убывать срок первого взыскания. Снизу выплыла дополнительная строка, которой я прежде не видел:

«ДО ЗАКРЫТИЯ СДЕЛКИ № 0: 03:35:58».

Не система, а заботливое напоминание о том, что твою

катастрофу можно поставить в календарь.

— Там посторонних не любят, — предупредила Агния.

— А своих?

— Своих там вообще не отпускают.

Фима проверил сумку. Линейка диагностики лежала в боковом кармане, рядом — запасная катушка тонкого провода и плоскогубцы. Красный тумблер его прибора после ночной вылазки был закреплён изолентой. Он заметил мой взгляд.

— Если этот агрегат взорвётся, я подам в суд на производителя.

— Ты его производитель.

— Именно. Хочу наконец встретиться с виновным.

Марта остановилась у витрины закрытой цветочной лавки. В отражении я увидел, как она осторожно разжимает пальцы правой руки.

— Отпечаток опять? — спросил я.

— Пульсирует.

На запястье крохотная ладонь потемнела, будто чернила под кожей попытались переселиться ближе к поверхности.

— Не показывай её никому, — сказала Агния.

— Она не на витрине.

— Именно поэтому и не показывай.

Лика натянула рукав своего красного пуховика поверх Мартиных пальцев. Пуховик был порван после рынка, а на одной руке девочки оставалась зелёная варежка с кривым медведем. Вторая находилась у Фимы.

— Они могут пользоваться этой рукой, — сказала Лика. — Но не всегда. Только если кто-нибудь скажет, что она им принадлежит.

Марта посмотрела на неё.

— Откуда знаешь?

— Меня однажды так держали.

Никто не стал уточнять, когда именно.

Мы вошли.

Внутри пахло пылью, полиролью и мокрой шерстью пальто. За стеклянными дверями тянулся обычный вестибюль советского учреждения: пластмассовые кресла, фикус в кадке, рамка с почётными грамотами, автомат по продаже кофе.

Автомат предлагал эспрессо за тридцать рублей, капучино за сорок и «последнюю чашку» бесплатно.

— Нет уж, — пробормотал Фима. — Дважды разведён, но не настолько отчаялся.

Возле турникета сидел седой вахтёр в зелёной форме. Он читал газету за 1979 год.

— К кому? — спросил он, не поднимая глаз.

— В бухгалтерию по исполненным договорам, — ответила Агния.

— Фамилии?

— Бехтерева. Логинов. Корнева. Ребёнок — с сопровождением.

Я стоял за её плечом.

Вахтёр заглянул поверх газеты и насчитал пятерых.

— А пятый?

— Прилагаемый материал, — сказала Марта.

Я едва не подавился воздухом.

Вахтёр кивнул.

— Тогда проход по описи. Главное, чтобы не назывался. У нас с названием проблемы.

Он выдал четыре пластиковые карточки и одну картонную бирку с номером.

Бирка предназначалась мне.

«ОБЪЕКТ НЕ ВНЕСЁН. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО ИНВЕНТАРИЗАЦИИ».

— Я чувствую, как расту по службе, — сказал я.

— Радуйтесь, — ответил вахтёр. — Некоторых тут вообще в канцтовары переводят.

Он повернул газету. На первой полосе была фотография площади Северина, которую я знал: фонтан, старая арка и автобусная остановка. Только вместо фонтана на снимке стояла больничная койка.

Подпись под фотографией гласила: «Вчера всё прошло по плану».

Мы не задержались выяснять, по какому.

За турникетом начинался коридор с потолком, утыканным лампами дневного света. На стене висела схема этажей.

Первый — отдел приёма.

Второй — табели и расчёты.

Третий — личные дела.

Минус первый — архив закрытых обязательств.

Рядом с последним этажом кто-то приписал карандашом: «НЕ СПУСКАЙТЕСЬ, ЕСЛИ ЗА ВАС УЖЕ ОТМЕТИЛИСЬ».

— Прошу прощения, — сказал я. — Здесь есть хоть одно предупреждение, которое нельзя принять за угрозу?

Агния указала на лестницу.

— Сначала бухгалтерия. Нам нужен реестр найма за две тысячи шестой год и все последующие изменения. Отчёты об исполнении хранятся в Отделе. А здесь остаётся то, чего нельзя задним числом лишить зарплаты.

— Зарплаты?

— Наёмные мёртвые работают не бесплатно.

— Вот теперь мир окончательно потерял стыд.

— Нет, — произнесла Агния. — Страшное в том, что платят не им.

#

На втором этаже находился зал с длинными рядами столов.

За каждым столом сидел сотрудник. Кто-то перебирал картонные карточки, кто-то печатал на машинке, кто-то аккуратно сшивал папки толстой ниткой. Было почти тихо, если не считать щелчков клавиш и шёпота цифр.

Сотрудники выглядели как обычные люди в одежде раз-

ных десятилетий: шерстяные жилеты, отутюженные рубашки, платья с узкими воротничками, форменные кители. Женщина в ярком жакете из девяностых делала себе чай. Юноша с цветными наушниками вёл записи гелевой ручкой.

И лишь две детали не позволяли принять зал за музей служебного быта.

У каждого над столом висела маленькая чёрная табличка с датой смерти.

А вместо табельного номера на шее у сотрудников были белые бумажные полосы.

Я прочёл ближайшую.

«ЕВГЕНИЯ Д. 14.08.1991. НЕЗАКРЫТОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: СВЕРИТЬ ИТОГ».

Женщина, заметив, что я смотрю, машинально закрыла полоску ладонью.

Я отвёл глаза.

— Они знают? — тихо спросил я.

— Кто-то с первого дня, — ответила Агния. — Кто-то узнаёт каждый понедельник.

По проходу провезли тележку с пустыми чашками. За ней шёл мужчина в форме пожарного. По краям его каски висели обгоревшие кожаные ремни.

Он остановился около столика, поднял чашку, заглянул внутрь и очень аккуратно поставил обратно.

Никто не отреагировал.

— Они настоящие? — спросил Фима.

— Настоящими бывают люди, — сказала Агния. — А это люди, у которых договор раньше тела закончится не смог.

На стене рядом с часами висело уведомление:

«ОПЛАТА ПРОИЗВОДИТСЯ ПОЛУЧАТЕЛЮ: ОДИН ЧАС НЕПРЕРВАННОЙ ПАМЯТИ ОБ УМЕРШЕМ ЗА КАЖДУЮ ПОЛНУЮ СМЕНУ».

Я перечитал.

Платили не деньгами. Живой родственник получал час, в течение которого образ человека не стирался с годами, не сливался с чужими голосами и не превращался в размытый снимок. Целый час настоящего присутствия в памяти.

— А если родственник умер? — спросил я.

— Выплату передают следующему близкому, если он согласился. Нет получателя — нет договора. Так написано в правилах.

— А если сотрудник откажется работать?

Агния задержала взгляд на одной из табличек.

— Час удержат. Из памяти получателя. Не у самого работника.

Вот и всё.

Никаких цепей. Никаких решёток. Если ты откажешься переписывать ведомость после смерти, твоя дочь сегодня вечером не вспомнит, как ты смеялся.

Пара строк в положении об оплате труда.

Я вдруг вспомнил Фиму возле старого радио. Как исчезло из него тепло отцовского голоса. Рынок сделал то же самое

за одну сделку. Здесь это называлось рабочим графиком.

— Кто установил такую цену? — спросил я.

— Я когда-нибудь покажу тебе бланк согласия, — сказала Агния. — Там есть клетка, которую никто не читает.

К нам подошёл высокий мужчина в клетчатой рубашке с бейджем «Т. И. РЯБОВ. СТАРШИЙ ТАБЕЛЬЩИК».

Ему было на вид шестьдесят, но по шее проходил тонкий след старого ожога, а правая кисть казалась неподвижной, пока он не заставлял её работать.

— Корнева? — спросил он.

— Здравствуй, Тимофей.

— Я думал, тебя перевели на выезд навсегда.

— Я тоже.

Он увидел нас и сразу перестал улыбаться.

— Сколько вас?

— Четыре по пропускам, один по описи.

— Опись не должна смотреть на табели, — сказал Рябов.

— Опись сейчас удивительно много чего не должна, — отозвался я.

Рябов внимательно взглянул на меня. Не на лицо — на картонную бирку.

— Плохой номер, — произнёс он. — Его после вчерашнего больше не выдают.

— После какого вчерашнего?

Он захлопнул журнал.

— У нас тут их много. Пойдёмте, пока вашу опись не на-

чали вскрывать.

#

У Рябова был отдельный кабинет без окон.

Там стояли два стула, шкаф с картотекой и календарь за 2004 год. В календаре каждый день был двенадцатым ноября.

Он запер дверь, положил на стол наши рыночные квитанции и медленно снял очки.

— Где вы это взяли?

— На рынке, — ответил я. — За весьма скромную цену: мой друг перестал помнить, каким голосом с ним разговаривал отец.

Рябов вздрогнул.

— Не надо мне рассказывать, чем здесь торгуют.

— Тогда расскажите, кто нанимал свидетелей в две тысячи шестом.

Он прочитал первый корешок. На строке «Ответственное лицо» остановился.

Потом взял второй.

— До шестнадцати? — спросил он.

— Минуты пока ещё есть. Вы, наверное, видели мои часы.

— Шестнадцать — это не время слушания, — сказал Рябов. — Это конец рабочей смены.

Агния подошла ближе.

— Чьей?

Он не ответил.

Вместо этого осторожно достал из ящика тяжёлую регистрационную книгу. Пахло от неё чернилами и сырой бумагой.

— Понимаете, господин по описи, смерть в Отделе не то же самое, что смерть человека. Это подтверждённый результат. Пока результат не оформлен, он остаётся обязанностью.

— Я столкнулся с этим ночью, — сказал я. — Три подтверждённых результата пытаются догнать нас завтра утром.

— Они не пытаются. У них есть право.

— Мне так легче.

Рябов открыл журнал на странице с разноцветными закладками.

— Когда обязательство остаётся незавершённым, Отдел может нанять того, кто уже числится принятым. Не воскресить. Не вернуть. Выдать временный доступ в точку исполнения. За каждую смену перечисляется час ясной памяти родственнику. Смерть не отменяется. После смены работник возвращается туда, где она его застала.

— А если нельзя вернуться? — спросила Лика.

Рябов посмотрел на неё. Под табельным бейджем у него что-то тихо зашуршало.

— Тогда выдают новую смену.

Я представил, как человек двадцать лет возвращается в собственную последнюю секунду. Ему предлагают обед,

форму, табель. В конце дня он снова застревает между уходом и возвращением.

— И таких много?

Рябов открыл рот, потом закрыл. Взгляд его соскользнул на стену.

За стеной работали десятки машинок.

— В этой табельной — шестьсот двенадцать, — сказал он. — Во всём городе не знаю.

— А вы когда умерли?

— Неуместный вопрос.

— У меня сегодня с ними особенно хорошо получается.

Он опустил глаза на свои руки.

— Седьмого сентября две тысячи четвёртого. На заводе вышел из строя подъемник. Я не успел подписать акт о том, что второй трос надо менять.

— И теперь двадцать два года подписываете чужие?

— Нет, — произнёс он. — Мой акт до сих пор лежит здесь. Мне ежедневно обещают принести его последним.

Я хотел ответить чем-нибудь язвительным, но не нашёл ничего достойного. Даже язвительность требует хоть какой-то опоры.

Рябов перелистнул журнал.

— Вот запись, которая вам нужна.

Страница за двенадцатое ноября две тысячи шестого была чистой.

Сверху красовалось:

«ЗАКРЫТЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ. АРХИВ № 0».

Под заголовком значились три фамилии.

Все три были зачёркнуты двумя ровными линиями.

— В первичном отчёте свидетелями значатся наёмные сотрудники, — сказал Рябов. — Их пригласили для подтверждения, что ребёнок умер, а взрослый представитель принял исполнение.

— Взрослого представителя не было, — заметила Марта. — Мы видели оригинальную квитанцию.

Рябов кивнул.

— И я это видел. Двадцать лет назад.

— Почему не остановили приёмку?

Он медленно поднял на меня глаза.

— Потому что акт подписали.

— Кто?

— Люди, которые ещё не получили работу.

Он указал на фамилии. Возле каждой стоял мелкий штамп «ТРУДОВОЙ ДОПУСК». Под ним была дата: сегодняшняя.

12.11.2026.

— Подождите, — сказал я. — Это можно объяснить переводом на другую должность. Повторной регистрацией. Замещением.

— Можно, — согласился Рябов. — Поэтому все двадцать лет отчёт признавали действительным. Никто не проверял исходный табель. Но есть правило, которое нельзя обойти

даже здесь: работник не может свидетельствовать об исполнении договора, если право на его присутствие возникает только после этого исполнения.

Я ещё раз посмотрел на три строки.

В графе «Основание найма» у каждой стоял один номер.

«АРДИН/0».

— Они появились только потому, что в две тысячи шестом приняли мою смерть? — спросил я.

— Именно. Эти трое дали показания, что она состоялась. Но без их показаний акт не должен был вступить в силу. Значит, и нанять их до вступления в силу было нельзя.

— Причинная петля, — выдохнул Фима.

— Замкнутый круг, — поправила Марта.

— Мошенничество, — сказал я. — Для замкнутого круга здесь слишком аккуратно расставлены печати.

Рябов впервые посмотрел на меня почти одобрительно.

— Теперь вы понимаете, почему их нанимают. Не чтобы они солгали. Чтобы сама система не смогла определить, было ли кому лгать.

Я поднял страницу за угол.

На обороте бумага была серой. Возле нижнего поля проступали следы трёх подписей — не нанесённых сверху чернилами, а вдавленных в лист, словно кто-то подписывал соседнюю страницу раньше.

— Сможем забрать оригинал?

Рябов посмотрел на судейское определение в руках Мар-

ты.

— Для выдачи нужен документ, удостоверяющий право на просмотр. Он у вас есть. Для выноса — акт об отсутствии служебного исполнителя, который возьмёт на себя хранение.

— Я возьму, — сказала Марта.

— Вы не наняты сюда.

— Тогда оформите временный допуск.

Рябов ткнул пальцем в её запястье. Не прикоснулся — только указал.

— Вас уже начали оформлять.

Марта медленно отдёрнула руку.

— Что это значит?

— Отпечаток принятия. Вам назначили роль поручителя. Пока не завершится проверка, вы ещё можете оспорить назначение. Но если попросите здесь работу, система сочтёт, что вы согласны.

Она долго смотрела на тёмно-красную крошечную ладонь под кожей.

— Кто назначил?

Рябов перевернул страницу.

— Тот, у кого есть право нанимать. Подписи заказчика вы найдёте внизу, у главного расчётчика.

— Где он?

— На минус первом этаже.

Я вспомнил предупреждение у лестницы.

— «Не спускайтесь, если за вас уже отметились»?

Рябов кивнул.

— Там хранятся не отчёты. Там хранятся те, кто должен был их составить.

#

В коридоре с каждым шагом становилось холоднее.

Пока мы спускались, я просматривал три фамилии в журнале. Первые две принадлежали мужчинам, умершим ещё до 2006 года. Третья — женщине, чьи сведения оказались настолько выскоблены, что от имени осталась только буква «М».

Под каждым номером стоял одинаковый почерк. Слишком ровный, чтобы его вели три разных человека.

— Скажите, — обратился я к Агнии, — вы ведь тоже числитесь умершей.

Она чуть замедлила шаг.

— Четыре года, как.

— Почему вы свободно ходите по Северину? Эти люди возвращаются к своей последней минуте после смены. А вы ездите в трамваях, печёте… ну, я надеюсь, хотя бы иногда печёте пироги.

— Никогда не пекла. Терпеть не могу тесто.

— Но вас выпускают.

— У меня выездной договор.

— И какая обязанность там записана?

Агния остановилась у поворота.

— Найти исходное свидетельство по делу Ардина.

Я чуть не врезался в неё.

— То есть всё это время вы были наняты искать меня?

— Меня наняли искать бумагу, — возразила она. — Разница важная.

— Для вашей бухгалтерии?

— Для тебя.

На секунду я увидел настоящую усталость старой женщины. Не тяжёлую, привычную, какую носит человек после бессонной ночи. Другую — похожую на усталость того, кому разрешено отдышаться только после выполнения невозможного приказа.

— Кто подписал ваш договор? — спросил я.

— Не знаю.

— Верю с трудом.

— Тогда считай, что не помню. Иногда это одно и то же.

Фима обошёл нас.

— Я тоже теперь могу подтвердить. Знать, что отец научил паять, и помнить его рядом — не одно и то же.

Агния посмотрела на него. На этот раз не отвела глаз.

— Прости, Ефим.

— Вы тут ни при чём.

— Я привела вас на рынок.

— А я согласился. Взрослые люди вообще делают столько глупостей добровольно, что бухгалтерии впору закрыться.

Он поправил ремень сумки.

— Давайте лучше найдём начальника этих трупов. Я хочу спросить, кто утверждал технику безопасности.

На площадке минус первого этажа мы увидели четвёртого участника разговора.

Мальчик в школьной форме стоял лицом к стене и держал в руках небольшую синюю машинку.



На вид ему было девять лет.

У меня остановилось сердце.

Или то, что я последнее время по ошибке за него принимал.

— Не подходи, — резко сказала Лика.

Мальчик повернулся.

У него не было лица.

Не гладкая кожа вместо черт — пустота, на которую глаз не мог навести резкость. Волосы, уши, воротник, пальцы были совершенно настоящими. А там, где должно было быть лицо, я видел собственное отражение в стекле старого лифта.

Мальчик протянул игрушку.

— Вы потеряли, — сказал он голосом из моего детства.

Я не смог пошевелиться.

Марта встала передо мной, закрывая проход.

— Кто ты?

— Сотрудник доставки, — ответил мальчик. — По договору номер ноль.

Он опустил машину на край лестницы.

— Мне велели передать это, когда вы придёте за оригиналом.

— Кто велел?

Мальчик посмотрел на меня пустотой вместо лица.

— Вы.

На машинке была свежая царапина поперёк капота. Та-

кой царапины я не помнил. Зато знал, как она появилась: когда-то в детстве я пробовал ножом снять с неё слой краски, чтобы сделать гоночную полоску. Отец ужасно ругался.

Этого события не было в моей памяти после похорон.

И всё же я знал каждое движение.

— Он не девятилетний Кирилл, — тихо сказала Лика. — Это не он.

— А кто?

— Обязанность, которой дали его лицо. Но лица ей не хватило.

Мальчик шагнул к нам.

— Пожалуйста, примите имущество. До конца смены осталось три часа.

— Не брать, — сказала Агния.

— Почему? — спросил я.

— У любого предмета есть адресат. Примешь — подтвердят, что адресат найден.

Мальчик грустно кивнул.

— Не хотите — я отнесу назад. Меня за это не накажут.

Он поднял машинку.

— Накажут человека, который меня помнит.

Марта непроизвольно посмотрела на Лику.

Та стояла неподвижно.

— Давайте иначе, — сказал я. — Я не принимаю предмет, но прошу сообщить, кто отправитель. Это не получение, а запрос сведений.

Мальчик застыл. Внутри него что-то защёлкало, словно переворачивались маленькие карточки.

— Отправитель: Кирилл Ардин, девятнадцать лет, — произнёс он. — Срок передачи: десять лет. Основание: последняя смена первой версии.

Я почувствовал, как в голове сдвинулись сразу несколько плохо закреплённых воспоминаний.

В девятнадцать лет я учился на вечернем отделении строительного института. Подрабатывал, ненавидел дешёвый растворимый кофе и однажды подписал какие-то бумаги ради стипендии. Никаких последних смен я не помнил.

Но подпись на корешке была именно той, девятнадцатилетней.

— Передавать сейчас не надо, — сказал я мальчику. — Сохраните у отправителя до запроса.

Он прислушался к тому, чего мы не слышали.

— Приказ противоречит расписанию.

— Приказа не было. Есть заявление на перенос доставки. Дайте номер, я оформлю письменно.

Мальчик помолчал.

— Вы уже оформляли. Четырнадцать раз.

У Фимы вырвалось короткое ругательство.

Мальчик бережно прижал машинку к груди.

— Каждый раз вы соглашались забрать. Каждый раз говорили, что теперь всё будет иначе.

Лика закрыла лицо руками.

— Хватит, — прошептала она.

Мальчик развернулся и пошёл в тёмный коридор.

Я сделал шаг следом.

На полу под его ботинками появлялись маленькие мокрые следы. Через секунду они высыхали и становились похожими на отпечатки старых чернил.

— Ты знаешь, куда он идёт? — спросил я Лику.

Она убрала руки от лица.

— На работу.

— А когда закончится работа?

— Для него? — Девочка покачала головой. — Не знаю. Он ещё ни разу не доработал до конца.

Дверь за мальчиком закрылась.

На её табличке было написано:

«АРХИВ НЕПРОИЗОШЕДШИХ ВЫХОДОВ».

#

За дверью находился архив, в котором никто не поставил бы цветы на подоконник.

Подоконников не было.

Узкий зал тянулся дальше, чем позволял размер здания. По обеим сторонам стояли металлические шкафы с матовыми стеклянными дверцами. Внутри некоторых шкафов светились маленькие лампы. За другими угадывались силуэты людей, стоявших прямо и неподвижно, как на фотографии

для пропуска.

С потолка свисали кабели телефонных линий. Вместо гудка из трубок на стене доносилось тихое дыхание.

Над проходом горел красный электронный указатель: «ОСТАЛОСЬ ДО ОКОНЧАНИЯ СМЕНЫ: 02:51:14».

Часы двигались быстрее наших. Или медленнее. Я больше не доверял устройствам, которые сами решали, сколько у человека есть времени.

— Осторожно, — сказал Рябов, догоняя нас. — Сами сюда не ходят. Вас не внесли в список сопровождаемых.

— А вы? — спросила Марта.

— Меня всё равно сюда отправят, если не сдам ведомость.

Он держал в руках старый кожаный портфель. Из портфеля торчали углы папок, перетянутых резинкой.

— Вы решили помочь? — спросил я.

— Я решил, что не хочу ставить ещё одну подпись, которую потом будут использовать без меня.

Он остановился возле шкафа с номером «006».

Внутри за стеклом находилась женщина в строгом костюме, с волосами, собранными на затылке. Она держала перед собой папку. На бейдже значилось: «М. П. НЕЗАВЕРШЕНО».

— Эта работала в архиве в две тысячи шестом? — спросил я.

— Нет. Она работала в городе в восемьдесят третьем. С тех пор её нанимали под разными фамилиями. Так проще,

когда нужен один и тот же свидетель в разных годах.

Женщина за стеклом медленно подняла голову.

На мгновение её лицо стало лицом Марты.

Марта отступила.

Потом там появилось лицо Фимы.

Потом — моё.

— Это не люди, — прошептала Марта.

— Люди, — ответил Рябов. — Им просто больше не разрешают пользоваться собственными именами.

Он вставил ключ в боковую скважину шкафа. За стеклом вспыхнуло освещение, и лицо женщины снова стало её собственным. Она закрыла глаза, будто благодарила за короткую передышку.

На дверце выдвинулась карточка.

«НАЙМ ПО ДЕЛУ АРДИН/0».

«ДОЛЖНОСТЬ: ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ СВИДЕТЕЛЬ».

«ОСНОВАНИЕ ДОПУСКА: ПРИЗНАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ДЕЛА АРДИН/0».

«ДАТА ФАКТИЧЕСКОГО ДОПУСКА: 12.11.2026».

— Значит, вот она, третья, — сказал я.

Рябов отрицательно мотнул головой.

— Это тот, кого подставили вместо третьей. Запись о первоначальном свидетеле кто-то вырезал из табеля.

Марта поднесла квитанцию к стеклу.

— Если мы зафиксируем, что эти трое не могли законно свидетельствовать, Отдел будет обязан приостановить за-

крытие?

— Да. Но если просто забрать их карточки, руководство объявит, что документы подменены. Нужно получить машинную контрольную ленту. Она хранит последовательность операций, даже когда в отчёте задним числом меняют их даты.

— Где лента?

Рябов посмотрел в глубину зала.

Там стоял чёрный шкаф, выше человеческого роста. Из его щелей сочился тёплый свет. На дверце было выгравировано:

«ГЛАВНЫЙ РАСЧЁТЧИК».

Перед шкафом поставили простой деревянный стул.

На стуле сидел человек в сером костюме.

Серебряная папка лежала у него на коленях. Золотые дверные петли на запонках блестели под лампой.

— Прошу простить, что не встретил наверху, — сказал он. — У вас удивительно дурная привычка приходить туда, куда не приглашают.

Марта мгновенно развернула дубинку.

— Назовите себя.

— Аркадий Власов. Уполномоченный собственника обязательств. Впрочем, вы уже видели меня в суде.

— И вряд ли хотим ещё раз, — добавил Фима.

Власов улыбнулся.

— А я за вами очень скучал, Ефим. Особенно за вашей

второй варежкой.

Фима машинально коснулся кармана, где хранил зелёную варежку Лики.

Улыбка Власова стала шире.

— Вещи, полученные без денег, всегда особенно дороги. Они напоминают людям, что ещё существуют причины поступать без расчёта.

— Вам бы лекции читать, — сказал я. — Желательно без микрофона. И с закрытой дверью снаружи.

Власов не посмотрел на меня.

— Я не могу обсуждать предмет, не зарегистрированный как участник.

— Тем лучше. Тогда я просто постою и испорчу вам атмосферу.

— Вы ведь хотите доказать незаконность показаний? — обратился он к Марте. — Прекрасно. Ваши доказательства находятся в этом шкафу. Я готов выдать их прямо сейчас.

— В обмен на что?

— На исполнение процедуры. Никаких сделок сверх предусмотренных. Совершенно законно.

Он открыл серебряную папку.

На верхней странице стояла строка:

«ПОКУПАТЕЛЬ: КИРИЛЛ АРДИН, 29 ЛЕТ».

Снизу — та самая подпись, которой ещё не существовало полностью.

Власов заботливо придвинул к столу ручку.

— Вам не нужно ничего менять. Просто явиться лично. Подтвердить, что покупатель находится здесь, и принять документ. После этого вы получите всё.

— Вы даже не стараетесь скрыть ловушку, — заметил я.

— Иногда предупреждение об опасности является частью согласия. Очень современный подход.

— Этот документ не будет подписан, — сказала Марта.

Власов вздохнул.

— Бехтерева, вы хороший руководитель. Столько лет оберегаете людей, которые позволяют себе ошибки. Почему же именно сейчас захотели исправить ошибку, которая удерживает ваш город в одном варианте?

Я уловил последние слова.

— В одном варианте?

— Не вам задавать вопросы.

— Конечно. Сейчас же перестану. Только закончу этот.

Власов положил ручку на стол.

— У каждого города есть расходы на непрерывность. Некоторых людей приходится удерживать в расписании до окончания смены. Вас, например, устроит, если эти шестьсот двенадцать сотрудников одновременно перестанут выполнять свои обязанности?

— Они и так умерли, — сказала Марта.

— Не путайте смерть с отсутствием. Отсутствие обходится дороже.

Рябов вдруг шагнул вперёд.

— Не трогайте людей, которых вы наняли, — сказал он.

Власов повернул к нему голову.

— Тимофей Ильич. Вы отработали сегодня все положенные часы?

Рябов побледнел.

— Я задам вам другой вопрос, — ответил он. — На каком основании мой табель за две тысячи шестой связывается с соглашением, заключённым только сегодня?

Власов закрыл серебряную папку.

— Вы покидаете пределы служебных обязанностей.

— Да, — сказал Рябов. — Впервые за двадцать два года.

В шкафах по обе стороны зала загорелись лампы.

Сначала две. Потом десять. Потом сразу все.

За матовыми стеклами люди подняли головы.

На электронном указателе появилось новое сообщение: «НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ВЫХОД. ОХРАНА ТРУДА АКТИВИРОВАНА».

— Господи, — произнёс Фима. — Вот это я понимаю профсоюз.

Власов взглянул на часы.

— Мне жаль, — сказал он совершенно искренним тоном. — Теперь придётся списать расходы на персонал.

#

Сначала никто не побежал.

Это было хуже всего.

Шкафы открывались по одному, тихо щёлкая замками. Из них выходили люди в чужих пиджаках, с чужими именами, с бумажными полосками на шее. Они не бросались на нас. Не рычали. Не пытались напугать.

Они просто занимали места у выходов.

Каждый делал шаг, когда наверху звучал щелчок машинки. Нажатие клавиши — шаг. Удар каретки — остановка. Сухой, непоколебимый ритм огромного рабочего дня.

— Их можно остановить? — спросил я Рябова.

— Не силой. Пока договор действует, они будут выполнять обязанность.

— А если договор незаконен?

— Тогда их остановит зарегистрированное возражение.

— Где его зарегистрировать?

Он указал на чёрный шкаф главного расчётчика.

Власов сидел возле него и спокойно наблюдал.

— У вас минута, — сказал уполномоченный. — Потом ваша группа станет частью ведомости.

Марта толкнула Лику за свою спину.

— Фима. Найди питание шкафа. Рябов, показывай механизм. Кирилл, со мной.

— Куда?

— Понятия не имею. Но надеюсь, к выходу.

Она первой бросилась вперёд.

Наёмный сотрудник в пожарном кителе попытался заго-

родить путь. Марта ударила дубинкой о край шкафа у его плеча. Белая спираль на металле вспыхнула, воздух плотной полосой лег между нами и коридором.

Пожарный налетел на невидимую преграду.

Не упал. Остановился, как человек, который уважает знак «Проход закрыт», даже если его нарисовали в воздухе.

— Надолго? — спросил я.

— Пока шов держится.

— А насколько он держится?

— Сейчас узнаем.

С другой стороны уже шли трое.

У двух не было лиц. Третья женщина была похожа на мою школьную учительницу по литературе, умершую ещё до моего выпуска. Я не знал, была ли это она или просто чужая память искала удобную маску.

— Предъявите основание присутствия, — сказала женщина.

Марта протянула судебное определение.

Женщина прочла.

— Основание признано. Предъявите ответственное лицо за документ.

— Я, — сказала Марта.

У неё на запястье вспыхнула тёмно-красная ладонь.

Правая рука разжалась сама.

Дубинка ударилась о пол.

— Нет, — выдохнула Марта.

Женщина протянула к ней ладонь.

— Поручитель обнаружен. Смена передаётся.

Марта не могла отвести руку. Её пальцы потянулись навстречу чужим.

Я схватил её за локоть. В мышцах под моей ладонью что-то работало против неё, будто кости переставили на чужую сторону договора.

— Смотри на меня, — сказал я.

Марта сжала зубы.

— Убери руку.

— Я держу её.

— Я не про твою. Я про свою.

Она попыталась второй рукой перехватить собственное правое запястье. Но женщине в костюме оставалось два шага.

Лика протиснулась между нами.

— Она не соглашалась! — крикнула девочка.

Сотрудница остановилась.

— Назначение подтверждено отметкой.

— Её поставили без разрешения! — Лика вытянула свою единственную варежку с медведем. — Это чужая ладонь. Сравните!

Женщина взглянула на отпечаток Марты, затем на детскую руку. Внутри её глаз шевельнулись бумажные цифры.

— Возражение не может быть принято от несовершеннолетнего свидетеля.

— Тогда примите от меня, — сказал я.

— У объекта нет правоспособности.

— Неужели. А вот приём жалоб от объектов у вас запрещён? В правилах написано «отказ участника» или «возражение на присвоение»?

Женщина замерла.

Я был хорошим сметчиком по одной причине: не любил, когда в смету включали то, чего в ней не было. Моя профессия в последние сутки стала единственной пригодной вещью, которую мир у меня не отнял.

— Мы не принимаем назначение, — продолжил я. — Мы сообщаем о нарушении порядка присвоения. Это разные операции. Зафиксируйте невозможность установить согласие поручителя.

Лицо женщины дёрнулось.

— Невозможность… установить согласие.

Пальцы Марты дрогнули. Я почувствовал, как чужое усилие ослабевает.

— Временная проверка назначения, — произнесла сотрудница. — Передача приостановлена до личного ознакомления поручителя.

Марта рывком выдернула руку и ударила левой ладонью по шее собственного запястья, будто проверяя, снова ли оно принадлежит ей.

— Спасибо, — сказала она сквозь зубы.

— Внесите в табель, — посоветовал я.

Сзади зазвенело железо.

Пожарный продавил Мартино заграждение. Следом в коридор двинулись ещё двое, равномерно ступая в такт машинке.

— Мы выиграли сколько? — спросил Фима, появившись рядом.

— Почти минуту, — ответила Марта.

— Какая роскошь.

Он достал линейку диагностики и приложил её к стене. Светящийся край пробежал вдоль кабельного лотка.

— Здесь не электрическая блокировка. Машинки связаны с шкафами по старым медным телефонным парам. Щёлкает в одном месте — шагают все. Как заводская линия.

— Можно отключить? — спросил я.

— Можно, если найти распределительный узел. Но при обрыве связь переключится на запасной контур. Нужно не разорвать — замкнуть на чистый сигнал.

— По-русски.

— Нужно, чтобы система думала, будто идёт непрерывная рабочая пауза.

Вторая группа работников приблизилась на расстояние двух шагов.

Я посмотрел вверх.

Кабельный лоток уходил в сторону чёрного шкафа. Его закрепили на старых стальных консолях, выдерживавших вес телефонного оборудования. На стене возле двери остались

следы снятой панели. Рабочие закрыли их обычной фанерой, закрепив лист саморезами.

— Монтировал бы это я, — сказал я, — сэкономил бы на облицовке чуть меньше.

— Почему? — спросила Марта.

Я ткнул пальцем в нижний угол фанеры.

— За ней аварийный распределитель. В смете на реконструкцию АТС он был списан, но крепёж заменили только снаружи. Значит, старую коробку оставили в стене.

Фима ухмыльнулся.

— Наконец пригодилась твоя работа. А то всё бумажки, бумажки.

Мы бросились к панели.

Я выдернул из стены первый саморез плоскогубцами. Второй не поддался. Марта, ещё плохо чувствуя правую руку, ударила рукоятью дубинки по краю, сорвав фанеру вместе с нижней рейкой.

Из проёма высыпалась пыль.

За ней показалась чугунная коробка с несколькими рядами клемм, старыми подписанными проводами и латунным переключателем «РЕЗЕРВ».

— Красота, — выдохнул Фима. — Настоящий семидесятый год. Его ещё не научили врать интерфейсом.

Он достал из сумки провод, обрезал изоляцию и быстро соединил две клеммы.

На секунду замер.

— Чёрт.

— Что?

— Порядок контактов мне отец показывал. Я знаю, что делать, но у меня нет ни одной мысли о том, как он это объяснял.

Он стиснул провод так крепко, что пальцы побелели.

Я хотел что-то сказать, но за нами уже поднимался пожарный.

— Ты умеешь, — сказал я только.

— Знаю, — ответил Фима. — В этом-то и беда.

Он соединил контакты.

Машинки наверху одновременно замолчали.

Все работники застыли.

Над залом прокатился звук длинного телефонного гудка.

Затем электронный указатель вывел:

«ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕРЫВ. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: 00:01:30».

— Полторы минуты, — сказал Фима. — Потом автоматика отключит наш обход.

— К шкафу! — крикнула Марта.

Мы побежали между неподвижными сотрудниками.

Власов не двигался. Его пальцы лежали на серебряной папке. Ручка по-прежнему ждала рядом.

— Довольно изобретательно, — сказал он, когда мы приблизились. — И совершенно бесполезно. Нельзя остановить оплату, не остановив работу.

— Нам и не нужно останавливать всех, — ответил я. — Только троих лжесвидетелей.

— Троих? — Он усмехнулся. — А вы уверены, что их было трое?

Я схватил ручку дверцы главного расчётчика.

Она не поддалась.

Рябов вставил свой ключ в круглую скважину, повернул до хруста и торопливо выдохнул:

— Дверь откроется только после фиксации возражения. У неё есть приёмник. Нижний.

Под замком виднелась узкая прорезь для бумаги.

Я оглянулся на Марту.

— Судебное определение.

Она подала мне лист.

Власов поднялся.

— Бехтерева, я обязан предупредить. Ваше определение допускает истребование документов. Оно не позволяет изменять порядок оплаты труда. Если вы подадите жалобу о незаконном найме, выплаты удержат до выяснения обстоятельств. У всех шести сотен.

Рябов застыл.

У Фимы дрогнула рука с проводом.

И даже Марта на секунду заколебалась.

Вот она, настоящая защита архива. Не мёртвые за стеклом и не автоматические захваты. Люди, которых мы не видели, но которым завтра будет больно из-за нашего решения.

Я достал первый корешок.

— А если жалоба не на весь найм, — спросил я, — а на конкретное начисление по делу Ардин/0?

Власов перестал улыбаться.

— Вы не имеете права формулировать жалобу.

— Я её и не формулирую. Я консультирую свидетеля суда.

Марта поняла мгновенно.

— Возражение в части трёх начислений, — сказала она. — В пределах судебного истребования первичного основания. Остальные договоры не оспариваются.

— Это служебная лазейка, — произнёс Власов.

— Почти всё право состоит из лазеек, — ответила Марта. — Вопрос, куда они ведут.

Она написала заявление на обороте копии судебного определения левой рукой, потому что правая всё ещё дрожала.

Я продиктовал реквизиты.

Рябов нашёл графу «ЧАСТИЧНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ» в древнем формуляре.

Фима поглядывал на указатель.

«00:00:44».

«00:00:43».

Власов шагнул к нам.

— Подумайте, что вы делаете. У этих троих тоже есть получатели.

Рябов тихо произнёс:

— Сегодня они уже получали выплаты за смену, на которую ещё не явились. Если мы будем ждать, завтра с них спишут больше, чем заработали.

Он взял заявление у Марты и поставил рядом собственную подпись.

— Подтверждаю запись исходного табеля. Как старший табельщик.

— Тимофей Ильич, — сказал Власов, — это отказ от очередного рабочего часа.

Рябов не отступил.

— Знаю.

Я заметил, что его рука дрожит сильнее Мартины.

— У вас есть кто-то, кто получает плату? — спросил я.

Рябов не посмотрел на меня.

— Дочь. Ей теперь тридцать четыре. Я помню её двенадцатилетней. Она будет сегодня вспоминать меня на час меньше.

— Мы можем найти другой способ.

— Вы уже нашли, — сказал он. — А я могу наконец подписать не чужой отчёт, а свой отказ.

Он опустил заявление в прорезь.

Внутри шкафа застучали шестерни.

За нашими спинами наёмные сотрудники начали поворачиваться. Автоматический перерыв подходил к концу.

«00:00:17».

Марта подняла дубинку.

Шкаф главного расчётчика громко щёлкнул.

Дверца распахнулась.

Внутри не было ни человека, ни механического сердца города.

Только одна огромная катушка серой бумаги, закреплённая на железной оси.

И в самом низу — узкий лоток, куда медленно падал только что отпечатанный лист.

«ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО К РЕГИСТРАЦИИ».

«ОБЪЁМ ОСПАРИВАНИЯ: ТРИ ТРУДОВЫХ ДОПУСКА».

«СОСТОЯНИЕ: ОЖИДАЕТ КОНТРОЛЬНОЙ ЛЕНТЫ».

Фима вскинул руки.

— Да ладно! Теперь он ещё требует чек?

— Он требует последовательность операций, — сказал я.

Власов развернулся к выходу.

— Можете читать её сколько угодно, — бросил он. — Только не удивляйтесь, когда дойдёте до заказчика.

Указатель замигал:

«00:00:03».

«00:00:02».

«00:00:01».

На полу заскрипели ботинки.

Марта шагнула навстречу пожарному и подняла дубинку, но тот внезапно остановился.

Все остальные тоже остановились.

На шеях наёмных работников белые полосы пожелтели. По ним одна за другой пробежали красные надписи:

«ПРОВЕРКА ПРАВОМОЧНОСТИ ПРИКАЗА».

Рябов тяжело прислонился к шкафу.

— Частичная приостановка, — выдохнул он. — Пока её не отменит главный расчётчик.

Фима вытащил провод из клеммника.

— Отлично. А главный расчётчик кто? Этот элегантный поклонник петель?

Я посмотрел на катушку.

Серая бумага медленно разматывалась сама, словно внутри шкафа не было ни единого чистого механизма, который ещё хотел бы сохранять тайну.

— Не знаю, — сказал я. — Но заказчик точно где-то здесь.

#

Контрольная лента была устроена просто.

Это мне понравилось сразу.

На ней записывали дату события, дату внесения в учёт, основание, ответственного сотрудника и момент, когда запись начинала действовать. Как журнал строительных работ: можно написать, что фундамент залили вчера, но привезённый сегодня бетон всё равно выдаст тебя накладной.

Мы разматывали катушку на длинном столе. Бумага ложилась слоями. Даты мелькали перед глазами: 2006, 2011,

2016, 2021, 2026. Часть строк пропадала, если посмотреть прямо, но отпечатки на соседних листах оставались.

— Кальку сюда, — попросил я Фиму.

Он достал из сумки прозрачную плёнку для измерительных приборов.

Я накрыл ею страницу. Буквы под ней перестали двигаться. Старый добрый инженерный способ: если документ врёт, прижми к нему что-нибудь, что не участвует в его истории.

Рябов нашёл начало записи.

«12.11.2006. 09:14. ПЕРВИЧНОЕ СОБЫТИЕ: АРДИН К. А., 9 ЛЕТ».

«МЕСТО: СТЕКОЛЬНАЯ, ДОМ 8».

«ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: ПРИСУТСТВОВАЛ».

«ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ОТСУТСТВОВАЛ».

«ПРИНЯТИЕ: НЕ ЗАВЕРШЕНО».

— Вот он, — прошептала Агния. — Первый отказ.

— Отказ? — спросил я. — Мы же только сейчас решили возражать.

Она указала на следующую строку.

«09:17. ВНЕСЕНО ВРЕМЕННОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ: ПО ЗАЯВЛЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО».

«09:18. ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАНО НЕПРАВОМОЧНЫМ».

«09:19. СОБЫТИЕ ОСТАВЛЕНО В ОЖИДАНИИ».

Я почувствовал холод в пальцах.

— Я сам отказался в девять лет?

— Кто-то отказался, — ответил Рябов. — От твоего имени. Но посмотри дальше.

Внизу, между строками 2006 года, появилась короткая запись за 2016-й.

«ПЕРЕНАЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ. ПЕРИОД ДОПУСКА: 12.11.2026—13.11.2026».

«ЗАКАЗЧИК: АРДИН К. А., 19 ЛЕТ».

Под строкой стояла подпись.

Моя.

Девятнадцатилетняя, с длинной первой петлёй и неуклюжей чертой на последней букве. Я помнил, как учился подписываться так после первого курса. Считал, что подпись человека должна быть похожа на чертёж красивого моста.

Сейчас она выглядела как мост, который построили над пропастью и забыли сделать опоры.

— Значит, я нанял их десять лет назад, — сказал я.

— Или они получили подпись, которую ты тогда оставил в другом деле, — заметила Марта. — Ты не обязан быть автором любого документа со своим почерком.

— Но это не просто почерк, — сказал Фима. — Посмотри. Подпись вдавлена в ленту вместе с датой. То есть кто-то физически приложил к аппарату лист с ней.

Я вспомнил двадцать лет, которых в моей биографии не оказалось. И год, когда учился. И одно странное собеседование в старом корпусе института, после которого мне вы-

платили стипендию наличными в конверте. Я тогда удивился только тому, что деньги пахли влажной бумагой.

— Я мог сюда приходить, — сказал я. — Не помню. Но мог.

— Важнее другое, — произнесла Агния. — Здесь нет права на исполнение старой смерти. Здесь есть только право нанять тех, кто должен подтвердить её позже. Понимаешь? В девятнадцать лет ты мог подписать отсрочку. Но не мог дать согласие вместо себя девятилетнего.

— А если они попробуют заменить это сегодняшней подписью?

Она молча кивнула на белую квитанцию.

На ней уже проступило почти полное имя.

Ситуация начинала приобретать пугающую ясность.

Двадцать лет назад незавершённое принятие оставили висеть. Десять лет назад кто-то под моим именем нанял свидетелей, чтобы задним числом обосновать этот результат. Сегодня старый счёт требовал подписи взрослого покупателя — меня. Если я явлюсь неосторожно, подпишу и разрешу прошлому стать настоящим. Если не явлюсь — за меня воспользуются заранее подготовленной доверенностью.

Замечательная схема. Для мошенничества не хватало только вывески «семейный бизнес».

Я наклонился ниже.

На следующей строке стоял номер третьего трудового допуска.

«ИСПОЛНИТЕЛЬ № 3: НАЗНАЧЕНИЕ УСЛОВНОЕ».

«ФАКТИЧЕСКИЙ ДОПУСК: 13.11.2026, 03:35, ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ДОЛГОВОЙ СМЕРТИ».

«ФИО: БЕХТЕРЕВА М. А.».

Марта перестала дышать.

— Не может быть, — произнёс Фима.

— Может, — сказал Рябов. — Но ещё не произошло.

Я проверил строку трижды. Потом сравнил время с серой папкой.

Три физические смерти к взысканию. Первое взыскание — завтра около половины четвёртого утра. И одна из них уже обещана тому, кто составляет отчёт о моём детстве.

— Вы меня наняли умершей раньше, чем я умерла, — тихо сказала Марта.

От её голоса стало страшнее, чем от любого крика.

Власов, до этого молчавший у двери, чуть наклонил голову.

— Нет, Бехтерева. Мы предусмотрели служебную необходимость. Когда исполнится первоначальный долг, ваше назначение получит основание. Тогда вся история станет непротиворечивой.

— И для этого вы хотите взыскать мою смерть, — сказала она.

— Я хочу соблюсти порядок.

— Порядок требует, чтобы я умерла, а потом подтвердила собственное назначение за двадцать лет до этого?

— Порядок, — ответил Власов, — редко учитывает человеческое отношение к датам.

Марта сделала шаг к нему.

Я поймал её за плечо.

Не потому, что жалел уполномоченного. А потому, что до сих пор не видел, чтобы её так трясло. Рука с отпечатком висела вдоль тела, будто принадлежала другому человеку.

— Слушай, — сказал я. — Условное назначение не даёт им права использовать тебя сейчас. И не будет давать, пока событие не произошло. У нас есть бумага.

— А завтра? — спросила она.

Я не ответил.

Мы оба знали: завтра бумага может оказаться куда менее убедительной.

Лика подошла к Марте и взяла её левую руку.

— Я не хочу, чтобы ты стала одной из них, — сказала девочка.

— Я тоже, — ответила Марта.

— Тогда не обещай, что всё будет хорошо. Обещай, что не согласишься.

Марта посмотрела на неё и кивнула.

— Не соглашусь.

Власов за нашей спиной тихо хлопнул серебряной папкой.

— К сожалению, истекает время, отведённое на получение сведений. Всё, что вы сейчас читаете, будет считаться внутренней документацией, если не заверено главным рас-

чётчиком.

— А главный расчётчик, как я понимаю, тоже ваш сотрудник? — спросил я.

— Он никогда не был моим сотрудником.

Власов указал на катушку.

С самого центра бумажного рулона, где должен был находиться металлический сердечник, торчала маленькая пластиковая карточка. На ней было одно имя.

«АРДИН К. А.».

Ни возраста, ни года.

— Заказы поступали от вас, — сказал Власов. — Вы же хотели, чтобы мир не потерял то, что тогда удалось сохранить. Мы лишь обеспечили исполнение.

— Каким чудесным способом, — произнёс я. — Назначив Марту умереть по контракту.

— Вы можете оспорить сам факт заказа. Но тогда нужно установить, кто вы. А я полагаю, мы уже договорились, что этот путь вам не подходит.

Я смотрел на карточку в сердце катушки.

Это и была ловушка. Не ручка с красивой подписью. Не вопрос о том, жив ли я. Они подстроили всё так, чтобы доказательство их мошенничества одновременно могло стать доказательством моей ответственности.

— Мне не нужно доказывать, что я невиновен, — сказал я.

Власов приподнял бровь.

— Разумное начало.

— Мне нужно показать, что они не имели права работать в указанное время. Кто бы их ни нанял. Разрешение не превращается в факт исполнения.

Я накрыл плёнкой три отметки о допуске, затем исходную запись об отсутствии законного представителя.

— Три допуска ссылаются на закрытие, которое сами должны подтвердить. Условное назначение Марты вообще зависит от завтрашнего взыскания. Значит, в две тысячи шестом не было ни одного действительного наёмного свидетеля исполнения.

Рябов заглянул через плечо.

— Верно.

— А свидетель Лика? — спросила Марта.

Я посмотрел на маленький отпечаток на старой квитанции.

— Её присутствие подтверждено. Но она не взрослый представитель. Её нельзя заставить продать чужую смерть или принять её от нашего имени. Значит, дело остаётся незавершённым.

— Формально, — тихо произнёс Рябов, — именно так.

Я поднял лист, который мы уже зарегистрировали на шкафу.

— Тогда издайте не решение о жизни или смерти. А справку о недостоверности отчёта. С приложением последовательности найма. Она не касается моего статуса.

Власов посмотрел на часы.

И впервые за всё время я увидел, что он действительно испугался.

— Вас учили делать эти расчёты, — произнёс он.

Я вспомнил отца и его старое правило: проверяй не результат, а то, что именно считают.

— К сожалению, — ответил я. — Очень хорошему учителю я задолжал неприятный разговор.

#

Справку нельзя было получить одной кнопкой.

Рябов вытянул из рулона нужный участок, Фима закрепил его металлическими скобами на подвижном столе, а Марта переписала все четыре основания в форму независимой проверки. Я сверял даты, следы оттисков и номера документов.

Дело было мучительно медленным.

Каждые десять секунд я смотрел на часы. Каждые двадцать — на дверь. Каждую минуту — на Марту, которая делала вид, что отпечаток на руке больше её не беспокоит.

В 14:43 контрольная лента наконец выдала лист с чёрной рамкой.

«УСТАНОВЛЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ ТАБЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ».

«ПРИЧИНА: ОБРАТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ТРУДОВОГО ДОПУСКА ОТ ПОДТВЕРЖДАЕМОГО СОБЫТИЯ».

«ОТЧЁТ ОБ ИСПОЛНЕНИИ АРДИН/0 НЕ МОЖЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЗАКРЫТИЯ».

На лист легла печать.

Не зелёная и не синяя. Чёрная, с буквами «ПРОВЕРЕНО ДО НАСТУПЛЕНИЯ».

Рябов взял справку обеими руками.

— Оригинал останется здесь. Копия будет действительна, пока держится судебное определение.

— А что с зарплатами? — спросила Лика.

Он повернулся к ней.

— Остальные сотрудники получат свои часы. Троим приостановят новые начисления, пока не найдут настоящий источник. Мне сегодня не заплатят.

— Вашей дочери, — уточнила девочка.

Рябов тяжело кивнул.

Лика вытащила из кармана маленькую бумажку и написала на ней что-то карандашом. Потом положила на край его стола.

— Это не вернёт час, — сказала она. — Но если вы завтра забудете, зачем помогли, здесь написано.

Рябов наклонился к бумажке.

Там было три слова: «МЕНЯ НЕ ЗАБЫЛИ».

Он долго смотрел на них.

— Спасибо, — произнёс он. — Я заберу после смены.

— Вы сможете выйти? — спросил Фима.

Рябов покачал головой.

— Пока нет.

Власов стоял у двери, стиснув серебряную папку. Шкафы больше не открывались. Красные отметки на шеях наёмных мёртвых остались неподвижны.

Он не пытался остановить нас.

Это беспокоило гораздо сильнее, чем погоня.

— Слышите? — спросил он, когда мы направились к выходу.

Из глубины здания доносились звуки телефонов. Сотни старых аппаратов звонили одновременно.

— Контрольное извещение, — сказал Власов. — Ваше возражение принято. У отдела есть право перенести исполнение на место, где было заключено первоначальное обязательство. Если в архиве не удастся закрыть дело, процедуру проводят на месте события.

— На Стекольной, восемь, — сказал я.

Власов медленно улыбнулся.

— Вы ведь не помните этот дом?

Я хотел ответить «помню», но осёкся.

У меня действительно было смутное воспоминание о дворе, стеклянной двери и запахе краски. Только в моей памяти это был дом, куда отец привёл меня за несколько дней до собственных похорон. На Стекольной, восемь, отец никогда не жил.

Если верить памяти.

А память в моём случае уже несколько раз показывала удостоверение о негодности.

— Что там случилось? — спросил я.

Власов поправил запонки.

— То, из-за чего город всё ещё стоит. Я бы советовал не требовать всех ответов сразу. Некоторые ответы зарабатывают себе право быть настоящими только после того, как вы их услышите.

Марта толкнула дверь.

— Пойдём. Шестнадцать близко.

Рябов остался у стола. На прощание он поднял два пальца, не улыбаясь.

Я обернулся в последний раз.

За его плечом, в длинном ряду матовых шкафов, один оставался открытым. Внутри стоял стул и лежала синяя игрушечная машинка.

Бирка на ручке гласила:

«РАБОЧЕЕ МЕСТО № 0. ВОЗВРАТ СОТРУДНИКА ОЖИДАЕТСЯ».

Не получатель.

Сотрудник.

У меня возникло нехорошее подозрение, что мальчика на лестнице наняли не приносить вещи.

Его наняли дожидаться меня.

#

К Отделу принятых смертей мы добрались в 15:51.

Больше получаса ушло на дорогу от Телефонной до старого депо, ещё двадцать минут — на трамвай, который приходил только тогда, когда пассажир отказывался вслух объяснять, куда едет. Остальное время мы потеряли в тоннеле: где-то впереди гасли лампы, а из темноты женский голос повторял номера тех, кто должен был вернуться из города завтра.

Имя Марты прозвучало дважды.

Она ни разу не обернулась.

Отдел встретил нас очередью.

Перед посадкой в трамвай Фима успел отправить секретарю районного суда № 4 копию независимой справки. Пришло сухое подтверждение: материал получен в срок, вопрос о гараже № 7 остаётся открытым. Самой обычной судебной победой это назвать было трудно.

В окошке «ВЧЕРА» мужчина в испачканном пальто спорил, что умер раньше записанной даты. В окошке «СЕГОДНЯ» женщина требовала вернуть ей последние три минуты разговора с сыном. На табло над дверями мигало: «СЛУШАНИЕ ПО ДЕЛУ АРДИН/0. ПРИЁМ ДОКУМЕНТОВ ДО 15:59».

У нас оставалось восемь минут.

— К первичному архиву, — сказала Агния.

— Нас не пропустят, — заметил Фима.

— Тогда это будет самая короткая очередь в моей жизни.

Марта показала судебное определение. Приёмщица у стойки подняла глаза.

Белый плащ. Седые волосы. На руках тонкие синие линии, похожие на швы.

Та самая женщина, которая пыталась изъять свидетелей в Отделе и на рынке.

— Бехтерева, — произнесла она. — Рада, что вы пришли самостоятельно. Так процессуально гораздо удобнее.

— Документы на приобщение, — ответила Марта.

Приёмщица посмотрела на меня.

— А этот человек подтвердит своё присутствие?

— С этим человеком вы процессуально не разговариваете, — сказала Марта. — Он не заявитель, не подписант и не представитель.

— В таком случае кто подаёт возражение?

— Я. При исполнении судебного определения районного суда номер четыре. И Агния Корнева как доставивший документы выездной архивист.

Приёмщица медленно провела пальцем по стеклу. На его поверхности возникла синяя строка: «КОРНЕВА А. П. СТАТУС: ПРИНЯТА ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД».

— Вы вправе подписать передачу, — сказала она Агнии. — Но тем самым подтвердите завершение своего выездного

обязательства.

Агния побледнела.

Я понял, что мы опять пришли к той же ловушке.

На рынке Фима отдал воспоминание, чтобы мы получили доказательство. В табельной Рябов лишил собственную дочь часа памяти, чтобы его заверить. Теперь Агнии предлагали закончить работу, ради которой ей позволяли находиться здесь после смерти.

— Если подпишете, вас заберут? — спросил я.

Она взглянула на меня так, словно впервые за день увидела взрослого человека.

— Когда-нибудь должны, — ответила она. — Может быть, сегодня.

— Нет, — сказала Марта. — Найдём другого подателя.

Приёмщица посмотрела на часы.

15:57.

В глубине Отдела щёлкнул выключатель. На полу появилась длинная белая полоса, указывающая к двери архива.

Агния взяла справку у Марты.

— Я уже однажды не донесла это свидетельство, — произнесла она. — Тогда девятилетний мальчик остался в комнате, где взрослые спорили о правилах. Второй раз я так не сделаю.

Она положила пальцы на приёмную пластину.

Синяя строка на стекле изменилась.

«ПЕРЕДАЧА ЗАВЕРЕНА».

«ОТЧЁТ ПО АРДИН/0: ОСНОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОСПОРЕНО».

«АВТОМАТИЧЕСКОЕ ЗАКРЫТИЕ В 16:00: ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО ОЧНОЙ ПРОВЕРКИ ИСХОДНОГО СОБЫТИЯ».

Я смотрел на последнюю строку, не веря глазам.

У нас получилось.

Не отменить старую смерть. Не вернуть мне документы. Не избавить Марту от завтрашнего взыскания. Только лишить одну подложную сделку права считаться завершённой без проверки.

Но иногда одной приостановленной подписи достаточно, чтобы у человека появился следующий час.

— Агния Павловна? — позвал Фима.

Она стояла возле стекла, не двигаясь.

На запястье старухи проявилась белая бумажная полоска. По ней медленно пробегали буквы:

«СМЕНА ЗАВЕРШЕНА».

— Вы ещё здесь? — спросил я совершенно глупо.

— Пока да, — ответила она.

Приёмщица поправила воротник.

— Выездное обязательство исполнено. До возврата назначен один дополнительный час на передачу дел.

На лице Агнии возникла улыбка. Не счастливая — усталая, почти детская.

— Что ж, — сказала она. — Значит, за этот час я успею

выпить чай.

— Я поставлю, — пообещал Фима.

— Ты никогда не умеешь его заваривать.

— Вы даже посмертно недовольны моим чаем.

— Жизнь слишком коротка для плохой заварки.

В эту секунду большие часы над архивом пробили четыре.

Все окошки Отдела одновременно закрылись.

Три человека в очереди исчезли с мест, где стояли. На их стульях остались мокрые отпечатки. В коридорах погас свет. Где-то за стеной проснулись старые телефоны.

Приёмщица в белом перестала улыбаться.

— Очная проверка исходного события назначена на место, — произнесла она.

На стекле появился адрес.

«СЕВЕРИН. УЛИЦА СТЕКОЛЬНАЯ, ДОМ 8».

«НАЧАЛО: 16:01».

«ПРИСУТСТВИЕ ПЕРВОЙ ВЕРСИИ ОБЯЗАТЕЛЬНО».

— Чьей первой версии? — спросила Марта.

Женщина не ответила.

Вместо ответа она повернула к нам небольшое зеркало, стоявшее за стойкой.

В нём отражался фасад серого жилого дома. Пять этажей. Три подъезда. По шесть окон на каждом этаже — тридцать окон на стороне, которую показывало зеркало.

Затем между двумя окнами четвёртого этажа на кирпичной стене проступила узкая светлая полоска.

Она расширилась.

Раздвинула кладку, не уронив ни одного кирпича.

И стала тридцать первым окном.

За стеклом стоял мальчик в школьной форме.

Девяти лет.

Теперь у него было лицо.

Моё лицо.

Он держал синюю игрушечную машинку и смотрел прямо на меня. Не в зеркало — сквозь него.

Потом мальчик приложил палец к губам, поднял другой рукой лист бумаги и развернул его к стеклу.

На листе крупными детскими буквами было написано:

«НЕ ПУСКАЙ ИХ В ДОМ».

Я ещё не успел спросить, кого именно он имеет в виду, когда у меня в кармане затрещала серая папка.

Я раскрыл её.

Под строкой «ФИЗИЧЕСКИХ СМЕРТЕЙ К ВЗЫСКАНИЮ: 3» появилась новая запись:

«СВИДЕТЕЛЬ В ИСХОДНОМ СОБЫТИИ ОПОЗНАН».

«АДРЕСАТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: КИРИЛЛ АРДИН, 29 ЛЕТ».

И внизу, там, где раньше оставалось чистое место для служебных пометок:

«ДОПУЩЕН К ВХОДУ: НИКОЛАЙ АРДИН».

В зеркале за плечом мальчика появилась взрослая фигура в светлом плаще.

Мой отец.

Он стоял у двери комнаты, которую я не мог видеть, и медленно поворачивал ключ в замке.

Мальчик за стеклом вдруг перестал смотреть на меня.

Он смотрел на отца.

И улыбка на его лице была такой страшной, что мне захотелось разбить зеркало раньше, чем я пойму почему.

Глава пятая
Дом с тридцать первым окном

#

Самое неприятное в зеркалах — они никогда не предупреждают, когда собираются показать правду.

Особенно если правда стоит на четвёртом этаже дома, которого в зеркале быть не должно, и держит в руках твою детскую игрушку.

Отец повернул ключ.

На циферблате над архивным окошком стрелка сдвинулась на одно деление.

16:01.

В отражении за спиной девятилетнего меня проступила вторая дверь. Я видел только её край: серую краску и замочную скважину на высоте взрослого пояса. С той стороны кто-то трижды ударил кулаком.



Отец остановил руку.

Мальчик улыбаться перестал.

— Николай! — закричала Агния Павловна так, что у меня заложило ухо. — Не открывай второй!

Приёмщица в белом повернула к нам лицо. За всю ночь её голос не повышался ни разу, даже когда людей забирали из очереди вместе с их стульями. Теперь она сказала очень тихо:

— Начался очный осмотр. Прошу освободить линию наблюдения.

По зеркалу пробежала надпись.

«ОБЪЕКТ: СТЕКОЛЬНАЯ, 8».

«ОКОН СО СТОРОНЫ ПРОЕЗЖЕЙ ЧАСТИ: 31».

«ПОКАЗАНИЯ О СОСТОЯНИИ ОБЪЕКТА ПРИНИМАЮТСЯ ДО 16:57».

Я машинально пересчитал прямоугольники на фасаде. Шесть на каждом из пяти этажей. Тридцать. И ещё один, втиснутый между двумя окнами четвёртого этажа.

— Тридцать, — произнёс я.

— Тридцать один, — поправила приёмщица.

— Если вы собираетесь спорить с арифметикой, хотя бы наймите другую отрасль. Я сметчик, у нас за лишнее окно платят отдельно.

Светлые губы женщины чуть шевельнулись.

— Вы делаете заявление о количестве?

Марта схватила меня за воротник и отдёрнула от зеркала.

— Нет. Он считает вслух.

— Счёт тоже является заявлением, если его произносит заинтересованное лицо.

На серой папке в моих руках выступили новые слова: «УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО НАЛИЧИЯ ПЕРВОЙ ВЕРСИИ».

Ниже мигнула строка «СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ», но не успела заполниться. Марта захлопнула папку моей ладонью.

— Нашего заявителя здесь нет, — сказала она.

— Тогда кто держит материалы осмотра?

— Сопровождающий без документа о личности. Отметьте в графе «посторонние».

— В графу «посторонние» живых не записывают.

Марта посмотрела на женщину так, что я на секунду поверил: та сейчас попросит перевести её в другое учреждение.

— Вот и отлично. Не записывайте.

Фима тем временем достал из кармана линейку диагностики. Металлическая полоска задрожала, повернулась на девяносто градусов и показала прочерк.

— Дом не там, — сказал он.

— В каком смысле?

— В техническом. У зеркала нет отражённого расстояния. Если это съёмка, у неё есть оптическая длина. Если окно — глубина. А здесь я меряю от своей руки до Стекольной и получаю минус два сантиметра.

— Это плохо?

— Для сметы отлично. Если мы должны городу минус два сантиметра, город должен нам два сантиметра. Для всего остального — очень плохо.

В зеркале за мальчиком в дверь ударили снова. На этот раз сильнее. Из верхней петли посыпалась штукатурка.

Лика прильнула к стеклу.

— Это не он, — прошептала она.

— Отец?

— Мальчик. Его заставили надеть лицо.

— Чьё?

Она посмотрела на меня и ничего не ответила.

Приёмщица коснулась края зеркала. В её ладони появился сложенный белый лист с гербовой полосой.

— Очный осмотр должен осуществляться по адресу. Доступ сопровождающих возможен через выездной коридор. В случае отказа будет оформлено отсутствие возражающих.

— А если мы войдём? — спросила Марта.

— Будет оформлено их присутствие.

— Какая удобная профессия, — пробормотал Фима. — При любом исходе отчёт сходится.

В зеркале из темноты второго дверного проёма показалась рука. Она была слишком длинной для человеческой; рукав белой рубашки заканчивался раньше локтя, а пальцы продолжались дальше, чем следовало. Рука нащупала ключ в отцовском замке.

Отец схватил её обеими ладонями.

Стекло затуманилось от его выдоха.

Он поднял голову. На мгновение мне показалось, что он смотрит прямо на меня.

Губы его произнесли три слова.

Звука не было.

Я прочёл по губам: «Выводи людей первым».

Потом стекло погасло.

И в Отделе зазвонили все телефоны.

#

Выездной коридор оказался не коридором, а обычной дверью, которую в нашем присутствии прикрутили к стене двумя канцелярскими скрепками.

Женщина в белом предложила расписаться в журнале входящих. Марта расписалась за группу собственным именем, добавив рядом «без признания состава участников». Приёмщица десять секунд смотрела на такую формулировку и, к моему изумлению, поставила штамп.

Лику она пыталась записать отдельной строкой.

— Сопровождается, — сказала Марта.

— Несовершеннолетняя свидетельница должна присутствовать лично.

— Она присутствует лично. Но не даёт показаний.

— Разница будет установлена при выходе.

Дверь распахнулась.

За ней пахло ноябрьским воздухом и чужим ужином: жареным луком, мокрой шерстью, газом. Нас встретил подъезд обычной пятиэтажки с коричневой плиткой до середины стены. На доске объявлений висели просьба не оставлять мусор, приглашение на собрание жильцов и надпись красным маркером: «ЛИФТА НЕТ. НЕ ЖДИТЕ».

Я прочитал последнюю дважды.

— В доме кто-то с чувством юмора, — сказал Фима.

— Я её повесила, — ответила женщина, стоявшая под лестницей. — После третьего звонка про застрявший лифт. Здесь пять этажей. Лифта не было даже при царе Горохе. Вы сантехники?

Ей было лет шестьдесят. Седые волосы убраны под заколку, поверх свитера — стёганый жилет. В руке она держала алюминиевый ковшик, будто вышла на войну с коммунальным хозяйством и ещё не решила, кому им бить.

— Служба непрерывности, — сказала Марта. — Вы старшая по дому?

— Председатель совета дома. Зоя Семёновна Левицкая. А кто меня назначил, не спрашивайте. По бумагам никто, по факту все. Что у вас?

Я заглянул за её плечо. На первом пролёте ползла трещина. Не свежая, но странная: она обрывалась посреди плитки и продолжалась на другой стене на два сантиметра выше, будто трещину забыли совместить при склейке фотографии.

— Сколько у вас окон на фасаде? — спросил я.

Зоя Семёновна подняла ковшик.

— Шесть на этаж. Взрослому человеку это считать неловко, но можно.

— На четвёртом этаже кто-нибудь сегодня делал перепланировку?

— Делал. Погода. Откуда мне знать? Там, между второй и третьей квартирой, появилась ещё одна дверь. Я хотела вызвать участкового, но он говорит, что двери надо согласовывать с управляющей компанией. Управляющая говорит, что их надо согласовывать с участковым. Очень люблю, когда система работает без меня.

— Ведите нас туда, — сказала Марта.

— Сначала скажите, почему у меня пол в коридоре ушёл на два пальца вверх. Муж мой, пока жив был, сантехником работал. Он и то такого не видел.

Фима присел, приложил линейку к плинтусу.

— Уже три пальца, — сказал он. — Не хочу вас расстраивать, но лестница начала расти.

В этот момент над нами взвизгнула женщина.

Сверху посыпалась побелка. На третьем этаже кто-то попытался открыть окно, и вместо звона стекла раздался металлический скрежет, как если бы окно было сделано из закрытых ножниц.

Марта мгновенно изменилась. Ещё секунду назад она спорила с председателем. Теперь у неё были голос командира и лицо человека, который не станет ждать, пока ему расска-

жут, почему дом падает.

— Фима, наружный контур и замеры. Кирилл, со мной на четвёртый. Агния Павловна, найдите вводной щит и перекройте газ, если он здесь проходит общим стояком. Лику оставьте со мной.

— Девочку я могу у себя посадить, — сказала Зоя Семёновна.

— Не можете, — одновременно ответили мы втроём.

Лика поморщилась.

— А меня кто-нибудь спросит?

— Сейчас спрошу, — сказала Марта. — Ты идёшь со мной добровольно? Если станет страшно, скажешь сразу. Не убегаешь и ничего не подписываешь.

Девочка подняла одну зелёную варежку. Другую она отдала Фиме ещё утром, и теперь её левая ладонь была голой.

— Я иду. Но если услышу свой голос из стены, отвечать не буду.

Агния обернулась к ней так резко, что шарф соскользнул с плеча.

— Откуда ты знаешь про голоса?

— Когда голоса зовут тебя твоим именем, им нужно, чтобы ты помнила, как тебя зовут.

— А если ты не помнишь?

— Тогда они начинают называть тебя сами.

Мы переглянулись.

— Отдельно обсудим семейную психологию, — сказал

Фима. — После того, как стены перестанут ходить.

На четвёртом этаже ступеньки внезапно стали мельче. Между третьей и четвёртой площадкой я насчитал девятнадцать, хотя с первого на второй было семнадцать. Из щели под дверью квартиры № 23 тянуло паром. Я постучал, и изнутри отозвались испуганным голосом:

— Здесь нет четвёртого этажа!

— Что?

— Я с третьего! Я всю жизнь на третьем!

Дверь распахнулась. Молодой мужчина в домашней футболке смотрел на нас с таким ужасом, что слова у него сбились в одну ноту.

— Я вышел за хлебом, вернулся — на табличке было «четвёртый». Я звоню жене, она говорит: «Тебе что, сложно по лестнице подняться?» Но у нас ребёнок в квартире. И у неё голос вдруг стал… старше. Я не понимаю…

За его спиной в кухне стояла детская коляска. Из неё доносилось тихое сопение.

— Выведем вас, — сказала Марта. — Берите ребёнка и документы, если под рукой. Лишнего не несите.

— А жена?

— Где она?

— В ванной. Уже полчаса говорит, что моется. Я только что был там: ванной нет.

Зоя Семёновна, добравшаяся до нас на удивление быстро, прошла в квартиру, как к себе домой.

— Женю зовут его жену, — бросила она. — Я знаю. Я этот дом тридцать лет ругаю.

Я встал на пороге ванной. От косяка шёл тёплый воздух. За дверью шумела вода.

— Женя? — позвал я.

— Игорь, — ответил женский голос. — Скажи маме, что я не вернусь.

Мужчина за моей спиной вздрогнул.

— Я Игорь. Какой маме?

— Твоей. Её зовут Нина. Она умерла в феврале. Пожалуйста, не позволяй ей зайти.

Я посмотрел на дверь. В нижней части дерева чётко проступала прямоугольная выемка. Замок находился не на уровне ручки, а ниже, почти у пола.

Как на маленьком гробу.

Марта тихо произнесла:

— Кирилл, не открывай.

— Я и не собирался.

Из-за двери кто-то начал петь колыбельную.

И ребёнок в коляске заплакал тем же самым голосом.

#

Мы вывели Игоря с ребёнком за семь минут.

Поначалу это звучало бы как успех. Но здесь время нельзя было считать только по часам.

На площадке третьего этажа мы встретили Игоря ещё раз — он поднимался с пакетом хлеба и звонил жене.

Он увидел коляску в собственных руках и остановился.

— Вы кто? — спросил он у себя самого.

Первый Игорь закрыл ребёнку лицо одеяльцем.

Второй отшатнулся к перилам.

— Это розыгрыш?

Перила загудели. В пролёте между ними появилась узкая чёрная полоска, словно кто-то разрезал воздух канцелярским ножом. Из неё посыпались квитанции за электричество — все с завтрашней датой.

— Не разговаривайте друг с другом! — приказала Марта.

Удивительно, как быстро люди исполняют распоряжения, если их отдаёт женщина с железной дубинкой и вокруг происходят вопиющие нарушения техники безопасности.

Она провела белой спиралью по воздуху между двойниками. Полоска зашипела и прилипла к стене, как свежий шов.

— Не знаю, сколько продержится, — сказала Марта.

— Мне хватит, — ответил первый Игорь.

Он начал спускаться, не глядя на второго.

Второй остался с хлебом у лестницы. Тот же взгляд. Та же щетина. Но в его руках не было следов от ручки коляски.

— Который настоящий? — спросила Лика.

— Оба, — ответила Агния.

— Так не бывает, — сказал я.

— Кирилл, — она устало улыбнулась, — ты сегодня уже

раз пять приводил в пример нормальный мир. Он пока ни разу не явился по вызову.

На первом этаже Зоя Семёновна собрала около двадцати жильцов. Кто-то сидел на ступеньках, кто-то прижимал к груди кота, кто-то искал квартиру, название которой всё время менялось на домофоне.

Фима вернулся с двора. Лицо у него было серым, а на линейке стоял оранжевый маячок.

— У нас проблема с наружным фасадом, — сказал он.

— Я догадался по лишнему окну.

— Нет. У нас проблема с остальными тридцатью.

Он развернул планшет, на котором набросал схему. Прямоугольники окон располагались аккуратно, будто настоящие. Но расстояния между ними были разными. Верхняя грань четвёртого этажа вырастала по каждому измерению, тогда как длина фасада оставалась прежней.

— Стена никуда не расширяется, — сказал Фима. — Место под тридцать первое окно берут из тридцати существующих. По миллиметру с каждого простенка, с перекрытий, с дверных коробок. Дом остаётся снаружи того же размера, только внутри постепенно не остаётся несущего материала.



— Сколько осталось?

Он показал на свою линейку. На ней менялось число.

«ПОПРАВКА НА НЕСУЩИЙ КОНТУР: –41 ММ».

— При обычных нагрузках это уже плохо, — сказал он. — При непонятно каких нагрузках — не знаю, как назвать. Я бы назвал «все на улицу».

Марта кивнула.

— Эвакуация. Без лифта, без зеркал, не разделяться. Зоя Семёновна, знаете всех жильцов?

— Не всех по фамилиям. Третью квартиру недавно сдали. Но кого на лестницу пускать, я за тридцать лет научилась.

— Тогда ведите. Фима, обойдёшь снаружи и найдёшь место для временной распорки у фасада. Если потребуется, снимай ограждение. Нам нужен запас времени.

Фима посмотрел на меня.

— Ты можешь определить, какой простенок держит нагрузку?

— По плану. Если его не успели исправить.

— Значит, определяй сам. Я пока украду у чужого ремонта две трубы и домкрат. Никогда не думал, что пригодится диплом техника-механика. Бывшая жена бы посмеялась.

— Которая из двух?

— Та, что получила половину гаража, которого у нас не было.

Он ушёл через дверь во двор.

Я хотел сказать что-нибудь обнадёживающее. Ничего под-

ходящего не нашёл. В моей серой папке появилось очередное уведомление:

«ЗНАЧИМЫХ ДЛЯ ОЧНОГО ОСМОТРА ЛИЦ: 31».

Я пересчитал людей на лестнице. Их было двадцать шесть. С Зоей, Мартой, Ликой, Агнией и мной — тридцать один.

Я остановился.

В документе не было слова «живых».

Это было хорошо.

Но рядом появилась строка:

«ПРИ СОХРАНЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ОСМОТР СЧИТАЕТСЯ ПОЛНЫМ».

— Марта, — сказал я, — выводи всех. Не давай им задерживаться даже в подъезде.

— Что случилось?

— Нас посчитали вместе с жильцами.

Она сразу поняла.

— Они хотят, чтобы нас стало тридцать один?

— Нет. Они хотят, чтобы мы были тридцать одним доказательством.

Из квартиры с исчезнувшей ванной донёсся новый звук — детский смех.

Потом тот же смех зазвенел из каждой закрытой двери на лестничной клетке.

За нашими спинами разом захлопнулись двадцать девять дверей.

Тридцатая не закрылась.

Её на лестнице раньше не было.

Дверь выглядела так, будто стояла здесь с постройки дома.

Коричневая краска. Глазок. Старая табличка с цифрой 0, набранной на машинке и прикрученной двумя мебельными гвоздями. Над дверью висел маленький плафон. Свет в нём горел без электричества — я это понял, когда Агния наконец нашла общий щиток и в подъезде погасли остальные лампы.

— Назад, — сказала Марта.

Из-за новой двери послышался голос моего отца.

— Кирилл, открой. У нас осталось мало времени.

Лика отшатнулась.

— Не он.

Я почему-то поверил девочке сразу. Возможно, после нескольких часов знакомства с учреждениями, которые нанимают мёртвых и требуют квитанции об отсутствии ребёнка, доверие к голосам из несогласованных дверей становится очень низким.

— Если вы Николай Ардин, — сказал я, — расскажите, какой чай пила бабушка.

— С сахаром.

— Отлично. Мы и дальше можем играть в угадайку. Бабушки у меня не было.

— Была, — тихо сказала Агния.

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Потом. Сейчас дверь не открывайте.

У Марты на правом запястье загорелся отпечаток детской ладони. Она зажала его большим пальцем левой руки, но я видел, как судорожно напряглись мышцы предплечья.

— Метка тянет, — сказала она. — Словно кто-то держит за руку с той стороны.

— Отойди, — попросил я.

— Заметно, как легко ты даёшь приказы людям с дубинкой.

Она всё же сделала шаг назад.

Дверь № 0 медленно открыла глазок.

Внутри не было глаза. Там была маленькая синяя лампочка. Она мигнула один раз, и над входом на стене появилась красная служебная надпись:

«ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД».

— Откуда у нас пожарный выход на четвёртом этаже, если пожарные всегда заходили через двор? — возмутилась Зоя Семёновна.

— Оттуда же, откуда лишнее окно, — ответил я. — Тот, кто составляет бумаги, ещё не решил, где нас будут хоронить.

Марта обернулась к жильцам.

— К лестнице. По одному. Зоя Семёновна, у вас есть ключ от подвального выхода?

— Есть. Там склад досок и старый тепловой узел.

— Ведите туда. Может быть, выйдем через приямок.

— Приямок завален, — сказал Фима по связи. — Я сейчас

во дворе, вижу его снаружи. Подождите. Кто-то уже начал убирать доски.

— Кто?

— Никого нет. Доски сами ползут из люка. У нас тут прямо образцовая организация субботника.

Зоя Семёновна повела людей вниз. Я услышал, как на первом этаже кто-то закричал: входная дверь не открывалась. По стеклу пробежала белая полоса, затянувшая ручку и замочную скважину.

— Фима, наружную дверь! — крикнула Марта в коммуникатор.

— Вижу. Я снаружи. Она уже не дверь. В ней с обеих сторон стенка.

— Можно разобрать?

— Можно. Только не уверен, с какой стороны люди.

Я подошёл к открытому окну лестничной клетки. Внизу стояли старые «Жигули», два мусорных контейнера и Фима, волокший к подъезду строительный домкрат. Наружная дверь действительно исчезла. На её месте была непрерывная штукатурка с теми же трещинами, что возле лестничного пролёта.

Мой мозг попытался провести расчёт реконструкции. Для заделки дверного проёма нужно разобрать наличники, выставить кладку, связать с существующей стеной, выполнить отделку. Минимум день работы, двое человек и одна попытка объяснить заказчику, почему вы замуровали его самого.

Здесь на всё ушло четырнадцать секунд.

Я посмотрел на папку. В ней висела строка:

«ПРОВЕРКА: ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ ДЛЯ ПОСТОРОННИХ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ОПОЗНАНИЯ».

— Марта, слушай. Закрыли не дом, а адрес доступа, — сказал я. — Пока идёт осмотр, все обычные выходы перестают существовать. Должен быть предусмотрен служебный.

Она посмотрела на дверь № 0.

— Ты хочешь туда?

— Я хочу посмотреть, какие слова нас заставляют делать очевидную глупость. Пока не хочу заходить.

Зоя Семёновна вернулась, запыхавшись.

— Внизу люди. Два десятка, трое стариков. У Полищуков ребёнок с астмой, у него ингалятор в квартире. А ещё подвал теперь выходит на крышу, если кто-то из вас спрашивал.

— А дверь в квартиру Полищуков? — спросила Марта.

— Не знаю, дорогая. Я только что оттуда. Там табличка «Не числится».

Лика шагнула к ней.

— У мальчика астма?

— Да, Мишке двенадцать.

— У него свистит, когда он дышит?

— Сейчас да.

Лика сняла зелёную варежку и протянула её женщине.

— Возьмите. Она не поможет дышать, но он может считать медведей. Скажите ему: один медведь — вдох, второй

— выдох. И пожалуйста, не называйте его адрес.

Зоя Семёновна машинально взяла варежку.

Я присел перед Ликой.

— Зачем это?

— Дом ищет тех, кого можно назвать. Когда им дают номер, они становятся частью списка.

— Ты видела это раньше?

Девочка посмотрела на новую дверь.

— Я видела, как строят дом, в котором никто не живёт. И как его потом заполняют людьми, у которых забрали время.

— Когда?

— Не знаю. Я была младше.

Она задумалась.

— Или старше.

Провод под потолком треснул. Одна из ступеней под моими ногами нагрелась, и я отпрянул. Из-под штукатурки выступил прямоугольник чертежной бумаги. На ней были нанесены пять этажей, три лестничные клетки и тридцать чёрных прямоугольников. Поверх четвёртого этажа кто-то красным карандашом дорисовал тридцать первый.

Марта отделила лист краем дубинки. Бумага хрустнула и вышла из стены, не порвавшись.

Я развернул её.

Снизу шла печать: «АРДИН Н. Н. РУКОВОДИТЕЛЬ ПРИЁМКИ. 12.11.2006».

— Отец? — спросила Марта.

— Похоже.

Справа от дополнительного окна стоял условный знак. Два маленьких квадрата один внутри другого. Я знал его по старым строительным документам: обозначение временного технологического отверстия. Не окна, не двери, а проёма, который должен быть заделан после окончания работ.

— Вот поэтому нет наружной стороны, — произнёс я.

— Поясни.

— Окно существует, чтобы что-то было видно через стену. Технологический проём существует, чтобы что-то пропустить. Если в 2006-м здесь запланировали временный доступ, его могли считать частью конструкции до закрытия. А раз приёмка не завершена, для документов он всё ещё открыт.

— И что через него пропускают?

— Это мне совсем не нравится.

На обороте чертежа было дописано другим почерком:

«НЕ ПРИНИМАТЬ ПРИ ПОЯВЛЕНИИ НАРУЖНОГО СВЕТА».

— Почему? — спросил Фима в коммуникаторе.

— Откуда ты знаешь, что я читаю?

— Я слышу, как у тебя бумага шелестит. Ты всегда шевелишь губами, когда читаешь технические инструкции.

Я перевернул лист.

— К несчастью, техническая инструкция очень короткая.

Внизу, под печатью отца, была отметка:

«ПРОЁМ № 31 ПОДЛЕЖИТ ЗАДЕЛКЕ ПОСЛЕ ЭВАКУАЦИИ РЕБЁНКА».

Марта подняла голову.

— Эвакуации какого ребёнка?

С той стороны двери № 0 раздался детский плач.

За ним — ещё один.

И ещё.

— Пожалуйста, — сказал голос мальчика, — откройте. Меня здесь забыли.

Я взглянул на Лику. У неё задрожали губы, но она не двинулась с места.

— Он не мальчик, — сказала она. — Пока дверь закрыта, это только голос мальчика.

— Тогда кто там на самом деле?

Ответ пришёл снизу.

Стена первого этажа содрогнулась от сильного удара.

Сквозь неё с улицы раздался голос Аркадия Власова:

— По распоряжению собственника прошу открыть объект для законного осмотра! Внутри есть несовершеннолетняя без подтверждённого опекуна. Не препятствуйте процедуре!

На четвёртом этаже новая дверь щёлкнула замком.

Красная табличка «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД» изменилась на белую:

«ВХОД ДЛЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЛИЦ».

И я наконец понял предупреждение мальчика в зеркале.

Не пускать их в дом.

Не тех, кто пытался выбраться.

Тех, кто пришёл его осматривать.

#

16:19.

В доме было жарко, как в закрытой машине на солнце. Под потолком плясали пылинки; каждая оставляла за собой короткий светлый след, будто воздух не успевал запомнить её движение.

Снаружи Власов продолжал перечислять нормативы доступа. Голос доносился через стену приглушённо, но отчётливо. За каждым пунктом раздавался удар. И с каждым ударом входная дверь на первом этаже обретала всё больше прежних очертаний.

— У него бумага на собственность, — сказала Агния. — Выездная проверка допустима, пока собственник не признан участником дела. Но как только представитель войдёт, дом предъявит его как взрослого ответственного. После этого они смогут принять исходное событие.

— Выходит, весь наш спор про подложных свидетелей ничего не стоил? — спросил я.

— Стоил. Иначе они бы не приехали в дом лично. Им пришлось искать того, кто подпишет заново. Власов не имеет права удостоверять смерть, которую сам собирается полу-

чить. Ему нужен кто-нибудь ещё.

Она посмотрела на Марту.

Та спрятала запястье за спину.

— Вы хотите сказать, он собирается сделать из меня заверителя?

— У него есть распоряжение о вашем допуске на завтрашнюю смену. Он начнёт с него, а закончит вами.

Марта на мгновение прикрыла глаза. Потом подтянула ремешок дубинки.

— Значит, не дадим ему войти.

— Нельзя держать его снаружи вечно, — сказал я. — Если стена сама перестраивается под акт, он рано или поздно получит вход.

— Есть предложения?

Я снова развернул чертёж. В верхнем углу заметил старую техническую помету: «ВРЕМЕННАЯ ОПОРА — РАЗГРУЗОЧНЫЙ ПОЯС. ПОДВАЛ. ОСЬ Б–3». Никакого места для колонны возле четвёртого этажа не было. Нагрузку намеревались передать по стальным тяжам на фундамент через подвальный узел.

— Держите здесь дверь, — сказал я. — Я спущусь в подвал.

— Один?

— Фима снаружи. Мне нужен его домкрат и хотя бы десять метров нормальной арматуры. Иначе фасад сложится раньше, чем мы договоримся, кто имеет право в него войти.

— Нет, — сказала Марта. — Две группы. Я с тобой вниз. Лика с Агнией и Зоей Семёновной остаётся со всеми людьми. Выведут через подвал, если откроем. Мы не повторяем историю с разделением на этаже.

Она остановилась, увидев мой взгляд.

— Не потому, что верю в счастливые случайности. Потому, что надо, чтобы кто-то давал приказы, когда ты начнёшь объяснять дому сопромат.

Зоя Семёновна подняла ковшик.

— У меня тоже есть приказ. Кто-нибудь принесёт ребёнку ингалятор, или будем ждать, пока ваш законный собственник его внесёт в акт?

Марта достала рацию.

— Фима, если сумеешь, найди аптечку из нашей машины. Для ребёнка нужен ингалятор. Если его нет — звони скорой. И нужна спасательная служба. Не та, что с белыми папками. Обычная.

— Уже звоню, — ответил он. — Правда, диспетчер утверждает, что на Стекольной, восемь, сегодня снос. С девяти утра. И что в доме нет жильцов.

— Скажи, что у тебя на руках живые люди.

— Я сказал. Теперь диспетчер просит паспорт каждого.

— Не называй фамилии, — вмешалась Лика. — И номера квартир.

Фима умолк. Затем очень спокойно сказал:

— Сегодня я впервые рад, что телефонная система просит

меня подождать на линии.

Марта и я пошли вниз. Лестница глухо постукивала вслед нашим шагам. На втором этаже на стене появилась табличка: «ПЛАН ЭВАКУАЦИИ». Я остановился, пытаясь разглядеть схему.

Все стрелки вели на четвёртый этаж.

К двери с нулём.

— Они не хотят выпускать людей, — сказал я.

— Удивил.

— Нет. Смотри на стрелки. Им не нужны люди на улице. Им нужна эвакуация именно туда. В этом старом акте ребёнка должны были вывести через технологический проём. Пока не выведут, проём нельзя закрыть. Все новые пути эвакуации подменяются старым.

— И кого они считают ребёнком?

Из рации донёсся слабый голос Лики:

— Меня.

Связь зашипела.

— Лика, откуда ты это знаешь? — спросила Марта.

— Потому что меня сегодня уже два раза приглашали туда. В первый раз я была маленькой. Во второй — ещё не родилась. Не надо идти по стрелкам.

Рация отключилась.

Здесь было слишком много слов, для которых я пока не находил правильную графу. Но один факт был несомненен: дом не хотел рухнуть, пока не исполнил своё старое предпи-

сание. Он забирал материал у конструкций, потому что ему требовалось место под единственный законный, по его мнению, путь выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.